

Синодальные учреждения прежнего времени

профессор Тимофей Васильевич Барсов

Настоящее исследование имеет целью обозреть учреждения, которыми пользовался Святейший Синод со времени своего существования до возникновения ныне действующих установлений. Труд этот служить продолжением исследования «Святейший Синод в его прошлом». Настоящее обозрение показывает, что синодальные учреждения прежнего времени были различны по составу, многочисленны по количеству и разнообразны по деятельности. Общий характер этих учреждений определялся тем, что они служили целям Святейшего Синода, который при посредстве их деятельности старался управлять отдельными частями его обширного по началу ведомства. В организации и строе этих учреждений, равно в судьбе и в замене одних из них другими, сказывались желание, и забота Святейшего Синода с одной стороны стоять на уровне общегосударственных установлений, с другой – следовать развитию государственных порядков и отношений. Всматриваясь в возникновение и судьбу этих учреждений, переживаешь эпоху нарядной, как бы кипучей деятельности, устремлявшейся на разрешение задач, которые выдвигала жизнь и ставила действительность. Сама настойчивость, с которой иногда одно учреждение вступало за свою равноправность или независимость относительно других, свидетельствует о том, что действовавшие в тех учреждениях люди были проникнуты мыслью, указанной им миссии и сознанием возложенного на них поручения. Анализируя постановку синодальных учреждений прежнего времени, знакомишься с запросами эпохи, в которую им приходилось действовать, с характером лиц которых образовывала духовно-административная среда того времени. В общем знакомство с рассмотренными учреждениями много проливает света на порядки, отношения и строй администрации того времени, когда старая эпоха уступала место последующей и когда полагались

основы для будущего уклада жизненных стихий. Не будет неправды сказать, что синодальные учреждения прежнего времени представляют переходную стадию от учреждений прежнего патриаршего к учреждениям настоящего в собственном смысле синодального периода. Вот почему рассмотрение этих учреждений в их постепенном и последовательном развитии следует признать полезным вкладом в науку. Высказывая эту мысль, вовсе не думаем забывать существующих исследований, касающихся некоторых из рассмотренных нами учреждений.¹

Введение

Святейший Синод, по идее его учреждения, должен был заступить место „Московского и всех северных стран патриарха“, а по правам власти – занять положение последнего в русской церкви. Но Московский патриарх, будучи духовным предстоятелем всей русской церкви, в то же время являлся церковным правителем известного, определённого предела, именовавшегося патриаршей областью.² Соответственно этому и Св. Синод, простирая свою власть на всю русскую церковь, в то же время в особом своем ведении имел отдельную часть, составлявшую прежде патриаршую, теперь синодальную область.³ На этом основании и учреждения синодальные, подобно учреждениям патриаршим, или простирали свое влияние на известный круг дел всей русской церкви в полном её составе, или предназначалась исключительно для дел синодальной области. Имея в виду первое время существования Св. Синода, необходимо отметить, что на первых порах своей деятельности Св. Синод должен был сам заведовать разными отраслями своего управления. Ближайшими вспомогательными в этом отношении органами Св. Синода могли бы служить оставшиеся от патриаршего периода и сохранившие свое существование во время местоблюстительства патриаршего престола – патриаршие приказы. Но эти учреждения находились в Москве, вдали от резиденции Св. Синода, который потому не мог с удобством пользоваться ими для своих целей. Далее, те же учреждения не вдруг были приняты в ведение Св. Синода и поставлены в должное к нему отношение. При открытии Св. Синода, патриаршие учреждения продолжали состоять под ближайшим управлением оставшегося в Москве наместника патриаршего престола, митрополита Сарского и Подонского – Игнатия. Прежде этого Св. Синоду предлежало урегулировать положение и взаимные отношения этих учреждений, чтобы сделать их полезными для своих целей. Далее, Св. Синоду предстояло организовывать новые учреждения и вводить порядки по

указанию устанавливавшихся отношений. Само собой, понятно, что открытие новых учреждений могло последовать с некоторой постепенностью по требованию обстоятельств и по указанию опыта. Руководящим началом для Св. Синода в этом отношении было вообще стремление подражать Государственным учреждениям и не отставать от строя их отношений. Вследствие этого и видим, что при организации своих учреждений Св. Синод обычно соотносится с существующими – в государстве и по образцу их формирует собственные учреждения. Открытием этих учреждений Св. Синод стремился удовлетворить запросам времени, осуществить мероприятия, которых требовали правительственные цели. При изменении тех же запросов и целей менялась, а иногда совсем превращали свое существование сами учреждения.

Глава I. Канцелярия Святейшего Синода

Первой заботой Св. Синода, по его открытии, относительно организации его учреждений, было старание об устройстве собственной канцелярии. Вопрос этот, представлявшийся простым, оказался в высшей степени сложным для разрешения на практике. Еще до открытия действий Св. Синода, вслед за подписанием манифеста об его учреждении, Петр I особым указом, данным в канцелярии Правительствующего Сената, повелел: „Патриарша Духовного приказу всякие указные книги и дела, что касается к духовной коллегии, с дьяками и с подьячими и при них протчих служителей, выслать в С.-Петербург, во оную Духовную Коллегию без мотчания, на ямских подводах, на которые из Штатс Контор-Коллегии и прогонные деньги выдать определено, о которой выдаче и указ в тое Коллегию, Генваря 29 числа нынешнего 21 года из Сената послан, и в Москву в вице-губернатору Воейкову о высылке оных, указ Великого Государя отправлен того же числа“. Должного исполнения по этому указу не последовало ко времени открытия Св. Синода. Вследствие этого Синод принужден был, подтвердив требование означенного Высочайшего указа, предписать Московскому вице-губернатору Воейкову „выслать тотчас, а именно по получения о том указа в два дня“ дьяков и подьячих, и прочих служителей с книгами и со всеми делами бывшего патриаршего духовного приказа с „нарочито посланным за ними проводником“, подкрепляя свое предписание угрозой: „ежели он того не учинит, за то на нем вице-губернаторе взят будет штраф.“⁴ Настоящая угроза со стороны Св. Синода показывает, что Св. Синод полагал, что служившие в прежних патриарших приказах дьяки и подьячие представляли ближайший контингент, из которого Синод и мог сформировать свою канцелярию. В действительности оказалось не так: большая часть приказных из бывших патриарших приказов, и, без сомнения, лучшие из них успели уже разойтись, пристроиться и поступить в разные канцелярии вновь открытых учреждений. Синоду предстояло извлекать их из места службы

и употреблять для этого разные меры. В первом же заседании, при самом открытии, в присутствии Петра I, Св. Синод представил государю „требуемым в оный Синод секретарям и подьячим реестр“, который и был утвержден высочайшей резолюцией. В силу такой резолюции Синод обратился в подлежащие учреждения с требованием о присылке дьяков и подьячих с прочими служителями на службу в канцелярию.⁵ Вместе с сим Св. Синод уведомил и Правительствующий Сенат о таком распоряжении, но Сенат ответил на это Синоду, что „он может распоряжаться в этом случае только приказными Монастырского и патриарших Казённого и Дворцового приказов, дьяками и подьячими архиерейскими и знатных монастырей, или же приказными гражданских учреждений, находящихся не у дел, но отнюдь не имеет права брать, каких захочет, находящихся в коллегиях и других местах“.⁶ Такой ответ Сената обидел Синод, который усмотрел в нем „противность“ своим распоряжениям. Вследствие этого Синод немедленно обратился к государю с докладом, в котором между прочими пунктами писал: „о определенных в Духовное Правительство собственным Вашего Императорского Величества в реестре подписанием, секретарях и подьячих, в их сенатском приговоре определено противно оному, что быть в Синоде тем, которые не у дел, и посему знатно определяются те, которые уже к делам негодны, каковыми не точию такого важного и великого дела, но и легчайших дел управлять невозможно; а оные по реестру секретари и подьячие хотя и у дел, но не в Сенате, ниже в коллегиях и не у толь важных, как Духовное Правительство. В оном же сенатском приговоре, продолжал Синод, определено, дабы Синоду довольствоваться монастырскими и патриарших приказов и архиерейскими и знатных монастырей дьяками и подьячими; а из оных мест лучшие приказные люди разобраны до этого времени к делам в коллегии и губернии, а оставлены только негодные. По этому пункту синодального доклада государь дал резолюцию: „которые против сего желаются, и что оные ни в Сенате, ни в коллегиях, ни у других дел, и таковых без спору отдать в Синод духовный“.⁷

При приведении в исполнение и этой высочайшей резолюции Синод встретил затруднения. Прежде всего Сенат не оказал должного с своей стороны Синоду содействия в деле высылки приказных для синодальной канцелярии. Далее, выбранные в Синод приказные сами под разными предлогами отказывалась явиться к месту службы по назначению, скрывались и убегали из места своего жительства. При этом повторялись и такие случаи, когда назначенные в синодальную канцелярию приказные были удерживаемы на местах их прежней службы начальствующими лицами. Подобные действия позволяли себе даже подчинённые Синоду лица, каков, например, Игнатий, митрополит Сарский и Подонский, медливший высылкой в Св. Синод дьяков и подьячих находившегося под его ведением Духовного приказа. Вследствие этого употреблявшиеся Синодом энергичные меры оставались без действия, даже солдаты Преображенского полка, посылавшиеся для привода приказных, возвращались в Петербург, не исполнив поручения, как говорится, с пустыми руками. Все это, крайне затрудняя и смущая Св. Синод, заставляло его прибегать к угрозам наказания для непослушных своего ведомства.⁸ Не имея в своем распоряжении способных чиновников из приказных, Синод принужден был искать других лиц для исполнения их обязанностей. Так обер-секретарскую должность Синод на первых порах поручил своему ассессору иеромонаху Варлааму Овсянникову, для писмоводства же стал употреблять певчих вместо подьячих.

Назначение самим Синодом нужных для его канцелярии приказных не прошло без возражения⁹ со стороны Сената. Последний, имея в виду, что по Генеральному Регламенту назначение секретарей поставлено в исключительную зависимость от Сената, а о праве Синода не упомянуто, возразил против подобных распоряжений Св. Синода. Последний, усматривая в этом излишнюю притязательность, обратился к государю за разъяснением. В докладных пунктах 19 ноября 1721 г. Синод между прочим писал: „понеже Синод с Сенатом уравнен есть, того ради может как и Сенат из подчиненных своих в своей команде секретарей определять; о

чем не было бы zde нужды и упоминать, ежели бы не произошло от Сената иного о том мнения. А понеже то произошло, требуется определение, дабы и впредь Синоду из подчиненных своих в секретари определять и тот чин в Синоде сказывать было позволено, чтоб Синодальное правительство не приобщено было к числу коллегий от сенатских указов зависящих.“ По этому пункту синодального доклада государь дал следующую собственноручную резолюцию: „из своих сказывать в Синоде, а буде которые понадобятся кроме ведения их, о таких давать ведение в Сенат и с согласия определять“.¹⁰ После многих усилий и благодаря деятельной настойчивости Синоду удалось наконец устроить свою канцелярию, образовав ее из необходимого числа приказных. В поданных Правительствующему Сенату от Св. Синода 12 ноября 1722 года штатах показаны „обретающимися “ в Св. Синоде те чины, которые „и быть должныствовали“.¹¹

Канцелярия Св. Синода находилась под надзором синодального обер-прокурора, которому по пятому пункту обер-прокурорской инструкции было вменено в обязанность „в своей дирекции иметь канцелярию синодскую и служителей оной“.¹² Первый обер-прокурор Св. Синода, полковник Болтин, вступив в отправление своих обязанностей, спустя год и пять месяцев по учреждении Св. Синода, нашел канцелярию последнего сформированной при полном составе служащих. Первым в этом составе лицом был обер-секретарь. Первым обер-секретарем Св. Синода, как сказано, был Варлаам Овсянников, игумен Угрешский, состоявший вместе и ассессором Св. Синода. На место Овсянникова обер-секретарем Св. Синода именным указом Петра I, 1 октября 1721 г., был назначен дьяк Тимофей Палехин, служивший в то время в счетной, рекрутских дел канцелярии. Палехин вступил в должность с начала 1722 года, которую и исправлял до 5 июня 1727 г., когда на его место именным указом Петра II из Верховного Тайного Совета был назначен кабинет-секретарь Иван Черкасов, состоявший в этой должности до 15 марта 1728 г. Обер-секретарь, наблюдая за делопроизводством по синодальной канцелярии и исполнением обязанностей служащими в ней, принимал ответственное

участие в направлении и течении дел синодальных. Императорский Кабинет времен Анны Иоанновны, требуя скорейшего решения дел в Св. Синоде, возлагал на обер-секретаря следующую обязанность: „накрепчайше вам подтверждается по имеющимся делам и особливо важнейшим, экстракты сочинять и потребные справки собирать, без всякого продолжения. И в том секретарям и прочим канцелярским служителям крепкое смотрение иметь, чтобы каждый по должности своей труд и радение прилагали. И как скоро которого дела решение изготовлено будет, о скорейшем решении представлять Св. Синоду, и особливо вы стараться должны, чтобы во всех делах решения чинимы были без продолжения и во всем бы поступаемо было по регламентам и указам. Ибо все непорядки и медления в делах на вас взысканы будут с жесточайшим истязанием. А ежели Св. Синод по представлениям вашим, не имея никаких причин, будет продолжать (медлить), по таким делам вам записывать в журнал и доносить в Кабинет“.¹³ Св. Синод, ходатайствуя 11 ноября 1731 г. о назначении обер-секретаря которого не было с марта 1728 г., так изъяснял императрице Анне Иоанновне необходимость этого назначения. Синод в своем докладе писал: „для исправления Ваших Императорского Величества в прочих дел в Синоде, обер-секретарь зело быть потребен, без которого ныне обстоит в делах не малая нужда“.¹⁴ Обер-секретарь заведовал, можно сказать, не только всем внутренним делопроизводством Св. Синода, но и внешней перепиской со светскими учреждениями и лицами по делам, касавшимся Св. Синода.¹⁵ В отсутствие синодального обер-прокурора исполнение обязанностей последнего возлагалось на обер-секретаря, который пользовался особым значением в виду с одной стороны того обстоятельства, что с начала существования Св. Синода и до конца прошлого столетия в Синоде был один обер-секретарь, с другой – того, что и по учреждении, 21 января 1797 г., в Св. Синоде должности другого обер-секретаря, до половины тридцатых годов текущего столетия не было особого лица, заведовавшего канцелярией Св. Синода, кроме синодального обер-прокурора.

В поданных 12 ноября 1722 г. Сенату от Синода штатах после обер-секретаря значится агент. Должность эта учреждена 30 марта 1722 г. Ходатайствуя об учреждении этой должности, Св. Синод словесно докладывал государю императору: „понеже на посылаемые из Синода в Сенат ведения и в коллегии указы ответствие бывает продолжительное, а на иныя и ничего не ответствуется, того ради нужды быть в Синоде агенту“. Согласно этому докладу, государь указал: „определить в Синод агента, из кого Синод заблагоразсудить может“. Таким агентом 4 апреля 1722 г. был назначен дворецкий синодального дома Алексей Владыкин. На обязанности агента, как было определено Св. Синодом, при назначении в должность Владыкина, лежало:

1) получив „от синодальных дел мемории и реестры“ о посланных от Синода ведениях я указах „рекордовать“ (напоминать) как в Сенате, так и в коллегиях и канцеляриях настоятельно, дабы по оным синодским ведениям и указам надлежащая отправка чинена была без продолжения времени;

2) чинить инстанции (требовать), дабы слушание нужнейших дел государственных и духовных дел, о которых от Синода в Сенат ведения и канцелярии указы посланы и посылаться будут, также решение оных дел, согласно Высочайшему указу 13 марта 1721 года, происходило прежде всех коллежских дел;

3) подавать в Сенат от Синода ведения о важных делах лично, а в коллегии и канцелярии посылать через солдат, которым вменять в обязанность просить справок о том, что сделано по известному делу, или за чем нельзя было чего сделать;

4) о важных делах, касающихся знатных и сильных персон, из Синода в коллегии и прочие ближние места указы относить самому и в Синод письменные от президентов репорты приносить и о времени получения указов и о распоряжениях по оным иметь книгу для записи, дабы наводить справка об исполнении и причинах неисполнения синодских указов;

5) в случае направлении дел вопреки синодским и другим указам заявлять протесты президентам; при безуспешности подобных протестов, доложив о сем Синоду, доносить генерал-

прокурору с целью побуждения, кого следует, к надлежащему действованию и немедленному исполнению;

6) еженедельно доводить до сведения Св. Синода о всех своих действиях, дабы Синод знал, как об исполнении, так и о препятствиях исполнения его ведений и указов;

7) при исполнении своих обязанностей агент должен был поступать умеренно и благопочтенно, дабы на Святейший Синод не навлечь нарекания и не подвергнуть самого себя ответственности – штрафу.¹⁶

Отправление начертанных обязанностей в Сенате и коллегиях производилось через экзекутора, которому и приравнивается по инструкции должность синодского агента. Поэтому впоследствии должность синодского агента была заменена должностью экзекутора, на каковую должность, по представлению синодального обер-прокурора Болтина, Правительствующим Сенатом был назначен Владимирского полка капитан Борис Денисов Лукин.¹⁷ Вновь назначенному экзекутору Синод определил „сочинить инструкцию по примеру инструкции сенатского экзекутора и бывшего агента Владыкина.“¹⁸ При синодском агенте, по сложности его обязанностей, полагалось быть одному подканцеляристу и копиисту, а для посылок состояло шесть человек синодальных дворян.¹⁹ Жалованья экзекутору было назначено 600 р.

В поданных от Св. Синода 12 ноября 1722 г. в Сенат штатах в составе синодальной канцелярии значилась: четыре секретаря, из коих два определены были Св. Синодом, по особому докладу обер-секретаря Палехина, в виду недостатка служащих в синодальной канцелярии и по подражанию Правительствующему Сенату.²⁰ Каждому предполагалось жалованья по 600 р. Шесть переводчиков с окладом каждому по 400 р. Один протоколист с содержанием 400 р., архивариус 400 р., актуариус и регистратор по 300 р. Эти чины определены в сообразность требованию Генерального Регламента и применительно к составу канцелярии Правительствующего Сената.²¹ Пятнадцать канцеляристов, каждому предположено по 250 р. Пятнадцать подканцеляристов каждому по 160 р. и сорок пять копиистов, каждому по 70 р. Один вахмистр – 50 р. и шесть

сторожей – по 30 р. Распределяя примерное содержание служащим в канцелярии к доводя оное до указанной нормы, Св. Синод руководился тем, чтобы „обретающиеся при Синоде разных званий светские персоны и канцелярские служители в трактаментальном окладе ничем перед сенатскими не умалены были и в платный о рангах табель внесены были.“²²

В тех же штатах получавшими содержание и долженствовавшими оставаться при Синоде показаны отставные офицеры и солдаты лейб-гвардии и разных полков. Для уяснения этого обстоятельства надо заметить, что по Генеральному Регламенту при каждой коллегии надлежало быть вахмейстеру и караульным солдатам. Такие лица имелись при всех коллегиях, равным образом и при Правительствующем Сенате „для караулов и всяких в разные места посылок“ находились офицер и рота драгун. На этом основания и Св. Синод озаботился „ради караулов и посылок“ обзавестись такими же лицами. Потребность в этих лицах оправдывалась еще тем, что и при Синоде, как при других местах, содержалась заключенные.²³ По рассматриваемому штату полагалось при Синоде из отставных лейб-гвардии два поручика с жалованьем по 98 р. 92 к., капрал – 47 р. 32 к., сорок шесть солдат – всем по 1890 р. 72 к., из отставных разных полков сержант – 24 р., капрал – 16 р., пятнадцать солдат – каждому по 16 р., три матроса – каждому по 12 р. 24 к. и четыре курьера – каждому по 70 р.

По сообщенным от Синода в Сенат штатам полагался рекетмейстер с особой при нем канцелярией. Должностного лица с этим наименованием в синодальной практике не встречаем, равно нет и должности рекетмейстера, существовавшей в других учреждениях. Заменой этих должностей, по характеру обязанностей, может быть признана должность синодального комиссара, возникшая при следующих обстоятельствах. По именному указу Императора Петра I, от 28 Апреля 1721 г., бывшему Московскому вице-губернатору Василию Ершову повелено „быть у дел Св. Синода“. По сообщении об этом Синоду Сенатом, Синод распорядился назначить Ершова судьей в Монастырский Приказ с поручением

ему „ведать тот Монастырский Приказ и бывшего патриарша дому Дворцовый и Казенный приказы“. ²⁴ Назначенный судья Монастырского приказа, озабочиваясь устройством вверенного ему управления, при отъезде из С.-Петербурга, просил Св. Синод между прочим и о том, чтобы „при Св. Синоде от Монастырского приказу быть комиссару с несколькими подьячими, как для отсылок полученных от Св. Синода указов в Москву, так и для подавания из Москвы из одного приказу доношений, и дел, и ведомостей, и прочаго, и по них для старания о решении и для прочих указовых потреб“. В представленной при этом особой росписи чинам потребным для ведомства Ершова, на должность комиссара при Синоде, был рекомендован Семен Дьяков, который и был определен на должность комиссара от Монастырского приказа с назначением к нему двух подьячих. На этого же комиссара, при вступлении его в должность, Св. Синод, „за неудовольствием потребных к делам служителей“ возложил те обязанности, которые в других местах исполняли рекетмейстеры: „прием присылаемой в Синод из подчиненных мест денежной казны“.

Из того, как определены было Св. Синодом обязанности комиссара в отношении в денежной казне, можно заключить, что комиссар в своих руках и в ближайшем своем ведение содержал финансовую часть при Св. Синоде. В определении последнего по этому предмету сказано: „до времени, доколе потребными к тому служители в Синоде удовольствоваться будет, оную денежную казну по указам и по подаваемым в Синод ведомостям принимать ему, к комиссару Дьякову, и записывать по обыкновению в учиненную на то книгу, с ясным всех до платежа и приема касающихся обстоятельств и давать плательщикам обычайныя в приеме отписи, без всякого удержания и медления; также и определенный от Синода расход по указам чинить, с надлежащею в собственную книгу запискою, без всякой фальши и без вымышления запрещенных прибытков, паче же похищения и по примеру учиненных в Камер и Штатс-Кантор Коллегиях формуляров о помянутом как приеме, так и расходе в Синод репортовать в содержать оную сборную казну в определенном на то от Синода месте, под

добрым и опасным присмотром, во всяком охранении, как и прочими у содержания казны обретающимися целость тоя по должности соблюдаема бывает“.²⁵ По существу этих обязанностей и частных поручений, которые Дьяков исполнял по распоряжениям Синода, надо приравнять его должность к занятиям казначейское должности. Например, он выдает разрешенные Синодом суммы на жалованье служащим, ремонтровку здания, на мелочные по канцелярии расходы,²⁶ и т. п. Жалованье Дьяков за свои труды получал от Монастырского Приказа в размере 297 р. в год.²⁷ Дьяков недолго состоял в своей должности, всего до 14 мая 1723 года, когда он, по доносу на него колодников, был арестован и отправлен Св. Синодом „к следованию в Преображенскую канцелярию“. Впоследствии Дьяков, хотя и отпущен был в Синод по-прежнему, но должности комиссара не получил; должность эта вообще не имела после Дьякова заместителя. Во время расследования дела по просьбе Дьякова об удовлетворение его жалованьем за службу в Синоде относительно „содержания Дьяковым денежной казны синодальной канцелярии“ канцелярист Клепиков показал, что „оной казны приход и расход была не в его Дьякова руках, но у него Клепикова,²⁸ который и после находился и прихода и расхода денежной казны.“²⁹

Сообщенный Св. Синодом Правительствующему Сенату штат синодальной канцелярии, хотя и был представлен во исполнение Сенатских требований,³⁰ не получил движения к Своему осуществлению. Содержание служащим в синодальной канцелярии выдавалось по примерной росписи, без надлежащей исправности, по третям и при том на половину натурой, на половину деньгами.³¹ В половине 1725 г. Св. Синод представил Прав. Сенату новый штат, который был составлен, с одной стороны, применительно к штату Сенатской канцелярии 25 июля 1724 г., с другой – по соображению и самой меньшей меры потребных служителей, без которых „весьма быть невозможно“. В этом штате, по определению Св. Синода, в С.-Петербургской синодальной канцелярии „при всецелом собрании у дел быть и жалованье положить (надлежало) по

нижезначенному, а именно: обер-секретарю одному – 1200 р., секретарям четверем – по 600 р., переводчику „для переводу всяких приказных дел, который бы знал как русский, так греческий, латинский, итальянский, французский и немецкий языки“ – 400 р., протоколисту одному – 400 р., архивариусу одному, актуариусу одному, регистратору одному – по 300 р., канцеляристам десяти по – 250 р., копиистам двадцати – по 70 р., юнкерам шестерым – по 25 р., сторожам четверым – по 24 р. и того пятидесяти человекам в год – 9446 р., да на чернила, на бумагу, на свечи, на сургуч, и на прочие всякие мелочные канцелярские и на дрова расходы – по 1000 р. в год.³² И этот штат, несмотря на настояния Синода, не был возвращен из Сената для исполнения. Вследствие этого 30 марта 1726 г. последовал именной указ Св. Синоду следующего содержания: „понеже всех коллегий и канцелярий штаты не токмо сочинены но и в действо произведены, а в Синоде и по ныне еще штат не сочинен, того для надлежит оной немедленно сочинить и сообщить в Сенат для того, что всех коллегий и канцелярий штаты повелено рассматривать в Сенате, однакож чего сенаторы, по сношению с вами, о том штате решить собой не могут, о том повелено доносить нам в Верховном Тайном Совете. А по то время, пока оной штат сочинен, рассмотрен и апробован будет, синодальным членам, кроме приказных нижних служителей, жалованье удержать“.³³ Во исполнение такой высочайшей воли Св. Синод конечно не замедлил сделать надлежащее распоряжение; тем не менее результата этих распоряжений не известно. Из ведомости за 1727 г. узнаем, что как состав служащих о синодальной канцелярии, так и оклад получавшегося ими содержания показаны те же, как и в штате, представленном от Синода Сенату 26 июля 1725 г.³⁴ Получаемое содержание выдавалось служащим из „обретающейся в синодальной канцелярии наличной казны, которая поступала из Казенного приказа и других учреждений.“³⁵

На этом моменте не остановилось дело о синодальном штате. Сенат по-видимому медлил, или, при существовании Верховного Тайного Совета, не признавал за собой права входить в рассмотрение этого вопроса. По крайней мере в 1738

г. вновь оживает вопрос о синодальном штате. Именным указом 30 октября этого года было повелено: „штат Св. Синода Сенату обще с Синодом, рассмотреть, каким расходом и коликому числу необходимо быть, и, постановя на мере, в коллегии экономии сообщить с таким определением, дабы на такая дачи, по требованиям из Синода, деньги отпускали из собираемых доходов с синодальных вотчин; а таков же штат для всемилостевейший Ея Императорского Величества апробации подать в Кабинет“. И на этот раз ход дела не был успешен; и начале 1740 г. последовало „наискорейшее подтверждение“, дабы синодский штат окончен был конечно в непродолжительном времени. После стольких со стороны высочайшей власти предписаний и неоднократных со стороны Св. Синода настояний, проект синодского штата „по сообщению и в общем с Св. Синодом в Прав. Сенате собрании на мере постановлен“, подписан и опробован Сенатом. Затем 21 февраля 1741 г., при всеподданнейшем докладе, был внесен Сенатом в Императорский кабинет.³⁶ Этот проект был принят в соображение высочайше утвержденной комиссией о церковных имениях при начертании этой последней штата Св. Прав. Синода. Во всеподданнейшем докладе об утверждении этого штата комиссия между прочим поясняла, что оный штат „сочинен с некоторой против прежняго у Сената с Синодом на конференции бывшего положения прибавкою и убавкою“. При этом комиссия представляла, чтобы „по оному штату подлежащую сумму из коллегии экономии духовных имений повелено было отпускать при наступлении каждого года без задержания“. Для удовлетворения любознательности приводим штаты по прежнему положению и по начертанию комиссии.³⁷ Находим не лишним заметить, что, утвердив сочиненный комиссией штат резолюцией „быть посему“, Екатерина прибавила: „и не можно ли сумму (на Синод и контору) из типографских доходов ассигновать, о том комиссия нам представить имеет!“. Высочайше утвержденный штат возымел свою силу. При приведении этого штата в действие между прочим повелено, чтобы положенные в сем штате канцелярским служителям специальные оклады раздавать по трудам,

заслугам и по прилежности их к делам, не выходя из штатного положения. Правило это издавна имело силу и применение на практике. Указом 1725 г. было предоставлено обер-секретарю право делать различие между синодальными служителями, при назначении им окладов, соответственно способностям и трудам каждого, каковым указом обыкновенно и руководились обер-секретарь и секретари Синода, при назначении окладов содержания канцеляристам.³⁸

Высочайше утвержденный синодский штат комиссии о церковных имениях мало отличался от нормы окладов, намеченных в положении Синода и Сената 1741 г. И вообще, так называемые Екатерининские штаты содержания духовных учреждений, отличались скудостью по сравнению с тем бюджетом, который давали государству отобранные духовные имения. Вследствие этого вступавший на престол император Павел как бы торопился восполнить эту скудость. 31 декабря 1796 г. государь дал указ, коим повелевал: „в рассуждение недостаточной по штатам на места духовные отпускаемой суммы, рассмотря Синоду, какие где надобны прибавки, и сделав новый штат, внести на Высочайшее утверждение“. Во исполнение таковой высочайшей воли Святейший Синод, составив примерную роспись желательных прибавок в действовавшим штатам духовных учреждений, не преминул коснуться и синодального штата. В общем, всеподданнейшем докладе Святейший Синод, между прочим, писал: „как после штатов 1764 года учреждены вновь многие епархии, а посему и дела в Синоде умножились, для того Синод находит необходимым и канцелярию его для поспешения в делах прибавить, по крайней мере применялся в положении Сената 4-го департамента; дабы из этого количества людей составить при Синоде и особую щетную экспедицию, для ревизии щетов, по которым и остаточную сумму, не отсылая в казначейство, всемилостивейше дозволить употреблять, где нужда востребует на духовные же места по распоряжению Синода“. При этом Синод представил и примерный штат прибавляемых в синодальной канцелярии чинов.³⁹ Из прибавляемых чинов, как замечено в проекте штата, „должна была образоваться щетная

экспедиция, при чем один из секретарей назначался состоять при экспедиции, другой при обер-прокурорских делах“. Настоящий штат вместе с другими Высочайше был утвержден 21 января 1797 года. По введении его в действие в синодальной канцелярии образовалось два обер-секретаря, один для общих, другой и для счетных дел, пять секретарей, из них один для дел обер-прокурорской части и новая должность казначея. В последующем штате 5 июля 1819 г. особых изменений относительно состава канцелярия не заметно.⁴⁰ Впрочем и самое составление этого штата последовало во исполнение высочайшего соизволения о том, чтобы „канцелярия Святейшего Синода сравнена была с канцелярией Правительствующего Сената относительно окладов жалованья“. Возвышение окладов служащим и составляет существенную особенность нового штата. В конце 1837 года Государственный Совет, при рассмотрении штата Министерства Государственных Имуществ, допустив по оному возвышенные оклады, призвал необходимым обратиться к уравниванию в той же мере содержания чиновников и по всем ведомствам, где существующими штатами назначены оклады низшие. Вследствие этого и в виду изъявленной тогдашним министром финансов готовности содействовать по возможности приведению в исполнение настоящего предположения, Государственный Совет испросил высочайшее разрешение, чтобы относящиеся к этому вопросы по особенной их важности обращены были к рассмотрению соединенных департаментов законов и экономии. По одобрении заключения этих департаментов общим собранием Государственного Совета, мнение последнего высочайше было утверждено 7 марта 1838 года. В этом мнении Государственный Совет, между прочим признав вопрос о способах уравнивания штатов требующим ближайших соображений по каждому ведомству в отдельности, постановил сообщить об этом как министрам и главноуправляющим, так и заведывающим отдельными частями управления „для неотложного соответственно тому внесения в Государственный Совет их предположений“. Целью предпринятого уравнивания содержания чиновников было между

прочим и то, чтобы этим устранить возможность перехода чиновников, со вредом для службы, из одного ведомства в другое. Возникшие предположения были сообщены и синодальному обер-прокурору для зависящего распоряжения. Составленные для всех тогдашних центральных учреждений духовного ведомства штаты, при представлении обер-прокурора Св. Синода, от 31 августа 1838 г., были внесены в Государственный Совет, по рассмотрении и применении, которым высочайше были утверждены 1 марта 1839 года. Штат этот представляет крупное нововведение в том отношении, что он, расписывая синодальных чиновников по классам должностей, пенсий и мундиров, ставит во главе синодальной канцелярий уже не обер-прокурора, подобно прежним штатам, а старшего чиновника за обер-прокурорским столом, с именем и правами управляющего канцелярией Святейшего Синода, по должности и мундиру IV класса, за сим прочих чиновников за обер-прокурорским столом с содержанием, равным обер-секретарскому, по должности и мундиру отнесенных в пятому классу.⁴¹ Знаменательность этого нововведения требует осветить его документальной справкой. 19 августа 1763 года императрица Екатерина II с мыслью подготовить в лице тогда камер-юнкера Григория Потемкина, впоследствии князя Таврического, благонадёжного и опытного в делах духовных деятеля, высочайше повелела быть ему в Синоде за обер-прокурорским столом. В именном указе Синоду так изображены побуждения и цель этого назначения; „повелели мы в Синоде беспрерывно, при текущих делах, а особливо при собраниях быть нашему камер-юнкеру Григорию Потемкину, и место свое иметь за обер-прокурорским столом с тем, чтобы он слушанием, чтением и собственным сочинением текущих резолюций и всего того, что он в пользе своей за потребно найдет, навывал быть искусным и способным к сему месту для отправления дел, ежели впредь, смотря на его успехи, мы за благо усмотрим, его определить к действительному по сему месту упражнению. Чего ради по доверенности к допущению к делам, привести его повелеваем к присяге.“ Желая обставить это назначение определенными правилами и надежнее вести предизбранного

деятеля к намеченной цели, императрица озаботилась тогда же в собственноручно подписанной ей инструкции подробнее начертать занятия и обязанности нового чиновника за обер-прокурорским столом. Инструкция эта, нося надписание „инструкция нашему камер-юнкеру Григорию Потемкину“, гласила следующее: „из указа, данного об вас Св. Синоду, хотя вам уже известно, с каким намерением определялись вы в сие место, однакож для точнейшего вам в поступках ваших наставления особенно предписываем мы вам еще нижеследующее“:

1) Для лучшего понятия дел по сему месту производящихся, и дабы вы рассуждения ваши об оных с хорошим основанием располагать могли, надлежит вам знать всемерно к духовному сему правительству принадлежащие узаконения, и для того приобрести себе достаточное сведение о постановленных вселенскими и поместными соборами правилах святых отец, о духовном регламенте, о касающихся до разных по духовным делам учреждений именных указах, о штате духовном и о всем прочем, что к сему принадлежит.

2) Сверх обыкновенного времени собрания и присутствия членов синодальных не бесполезно вам поставлять себе за должность, для лучшего приобучения вашего, приезжать в Синод и без собрания в такие часы, в какие вам рассудится.

3) Заблаговременно справясь, какие дела готовятся к докладу прочитывайте оные со вниманием и делайте для себя ясные примечания, дабы при слушании могли вы или рассуждения судейские точнее понимать, или ежели что пропускается при докладах и рассуждениях, с благопристойностью припамятовать.

4) С крайним прилежанием внимать вы должны, какие приказываются резолюции, и по выходе членов, или после полудни заставлять перед собой читать протоколы, так ли тот, кто протокол держал, оные резолюции понял, и то ли написал.

5) Когда определено о деле важном, поднести нам доклад, тогда стараться для лучшей своей приобычки сочинять оные иногда вам самим, равно как и всякие иные сочинения, а

наипаче которые в народ за нашим предписанием издаются или и за синодским.

6) Во время отсутствия или болезни обер-прокурора, долги имеете нам докладывать по всяким делам, и наши по оным повелевия в Синоде записывать. Словом всему тому, что содействием вашим в облегчении порядочного дел течения, и притом к лучшему оных познанию вашему служить может, должны вы со всяким радением приобучаться, ожидая нашей за то апробации и милости.⁴²

По разуму этой инструкции Потемкин, в должности чиновника за обер-прокурорским столом, главным образом предназначался к духовному самообразованию и к ближайшему ознакомлению с делами духовной сферы, вместе с тем на него налагались и обязанности следить за синодском делопроизводством и вникать в его особенности, не устранив себя от упражнения в делопроизводстве. При этом на Потемкина возлагалась особенная обязанность во время отсутствия или болезни обер-прокурора подавать доклады государыне и её повеления сообщать Синоду. Обращая внимание на то, что вышеприведенная инструкция, хотя и налагала на Потемкина обязанность наблюдения за синодальной канцелярией и заместительства синодального обер-прокурора, но всем своим содержанием главным образом направлялась к тому, чтобы в молодом Потемкине приготовить будущего опытного и серьезного деятеля, нельзя не признать, что и самое звание „чиновника за обер-прокурорским столом“ имело значение не столько ординарной должности, сколько временного поручения, выпавшего на долю молодого камер-юнкера. Потемкин вполне воспользовался этим поручением и благодаря своему положению, имел важное влияние на ход церковных дел и на высшие назначения духовных лиц, с которыми имел случай познакомиться и сблизиться во время служения в Синоде.

Иную постановку имел следующий пример определения в Синоде чиновника за обер-прокурорский стол. 20 ноября 1823 года чиновник по особым поручениям министерства внутренних дел, надворный советник в звании камер-юнкера А. Павлов

обратился к тогдашнему обер-прокурору Св. Синода князю Мещерскому с прошением, в котором объяснял: „одушевляемый теплою верою всеусерднейше желал бы я посвятить себя на службу по Министерству Духовных Дел, где бы государственная служба неразрывно соединена была с чистейшею приверженностью моею церкви. По сему убеждению, продолжал проситель, – осмеливаюсь всепокорнейше просить Вас, Милостивый Государь, исходатайствовать об определении меня за обер-прокурорский стол в Святейший Синод“. По докладу князем Голицыным настоящей просьбы государь 22 декабря 1823 года, всемилостивейше соизволил на определение просителя за обер-прокурорский стол в Св. Синод, с жалованьем по 1500 руб. из государственного казначейства.⁴³ О назначении Павлова Св. Синод известил все подчиненные места и лица своего ведомства.

В именном указе 6 января 1824 года об определении Павлова ничего не было упомянуто об его занятиях на новой должности, равным образом и в своем прошении об определении на службу в Синод Павлов заявлял, что „должность эта будет для него тем приятнее и лестнее, что он будет состоять под начальством министра, к которому навсегда сохранит чувство глубочайшего почтения с душевной преданностью“.⁴⁴ Павлов оставался чиновником за обер-прокурорским столом и по закрытии министерства духовных дел и народного просвещения. Был членом комиссии духовных училищ, в заседаниях которой ни разу не присутствовал. В 1827г. Павлов уволился в отставку с пенсионом. И. А. Чистович представляет Павлова, „служебным и исполнительным споспешником» лиц, действовавших против князя А. Н. Голицына, и причастным к составлению проекта об улучшении духовного управления.⁴⁵

1 Декабря 1828 г. чиновником за обер-прокурорский стол в Св. Синод был назначен С. Д. Нечаев из старших чиновников 1 Отделения Собственной Его Величества канцелярии. Нечаев на этой должности быстро возвышался и в чинах, и по положению при тогдашнем обер-прокуроре, родственнике по жене, князе П. С. Мещерском. 6 апреля 1829 г. пожалован за отлично усердную

службу в статские советники и назначен членом комиссии духовных училищ с жалованьем в 2000 р. из сумм, состоящих в заведывании комиссии, и в том же году, в отсутствие обер-прокурора (с мая до конца августа) за границу, исправлял обер-прокурорскую должность. 15 декабря 1831г. пожалован в действительные статские советники, а 2 апреля 1833 г. назначен обер-прокурором Св. Синода с таким повелением: „члену комиссии духовных училищ, состоящему за обер-прокурорским столом в Св. Синоде, действительному статскому советнику Нечаеву повелеваем быть обер-прокурором Св. Синода на том самом основании, как был предместник его тайный советник князь Мещерский, с производством, сверх жалованья по званию члена комиссии, и всех окладов, кои штатом присвоены званию обер-прокурора Св. Синода.⁴⁶ 25 июля 1836 г. с производством в тайные советники назначен присутствовать в Правительствующем Сенате, с оставлением членом комиссии духовных училищ.⁴⁷ Вслед за назначением Нечаева обер-прокурором Св. Синода, на открывшуюся вакансию чиновника за обер-прокурорским столом был назначен сделавшийся впоследствии столь известным А. Н. Муравьев.

11 Апреля 1833 г. бывший министр духовных дел и народного просвещения, князь А. Н. Голицын, сообщил синодальному обер-прокурору С. Д. Нечаеву, что „Государь Император Высочайше повелеть соизволил коллежскому ассессору Андрею Муравьеву состоять за обер-прокурорским столом в Св. Синоде, оставаясь при том по-прежнему и в ведомстве министерства иностранных дел“. Сообщая о этом, Голицын предоставлял Нечаеву поднести государю императору для подписания указ о таком назначении. Из последовавшей за этим перепиской оказалось, что Муравьев состоял столоначальником по азиатскому департаменту министерства иностранных дел. Поэтому со стороны этого министерства последовал отзыв, что „как место сие (столоначальника) требует, дабы чиновник, заведующий делами онаго, постоянно занимался исполнением дел, до части его относящихся, то при перемещении Муравьева за обер-прокурорский стол в Св.Синоде, необходимость требует назначить на его место

другого чиновника, который уже должен пользоваться и жалованьем, ныне Муравьевым получаемым, а потому чиновник сей, состоя за обер-прокурорским столом, согласно Высочайшей воле будет токмо вместе с тем числиться в ведомстве министерства иностранных дел“. Таким ответом возбуждался вопрос о содержании новому чиновнику за обер-прокурорским столом, который обер-прокурор Нечаев так разрешал во всеподданнейшем докладе. Он писал: „предназначаемое коллежскому ассессору Муравьеву место в Синоде не есть штатом определенное; чиновники, занимавшие оное, равно как и жалованье им определяемы были по особым Высочайшим указам; по сему почитаю должным ходатайствовать пред Вашим Императорским Величеством о назначении Муравьеву по новой его должности того же самого оклада, какой получали его предместники по сему званию и какой производится чиновникам, состоящим при подобных должностях в Правительствующем Сенате, т. е. по 1500 руб. в год“. Поднесенный при этом проект высочайшего указа о назначении Муравьева чиновником за обер-прокурорский стол в Синоде, с оставлением его причисленным и к ведомству министерства иностранных дел, и с производством содержания из государственного казначейства по 1500 руб. Высочайше подписан 22 апреля 1833 года.⁴⁸

Назначение А. Н. Муравьева при таких обстоятельствах за обер-прокурорский стол в Синоде, совершилось, как можно судить, против ожиданий тогдашнего обер-прокурора, а потому оно как бы определяло дальнейший ход его карьеры. И. А. Чистович замечает, что Муравьев „не пользовался доверием Нечаева“.⁴⁹ Действительные факты не позволяют этому противоречить. Митрополит Филарет, знавший Муравьева и принимавший в нем участие, счел даже нужным уравнивать Муравьеву вступление его в новую должность своим посредничеством. В письме к Нечаеву от 11 Апреля 1833 г. Филарет писал: „да будет нареченный помощник Вашего Превосходительства помощником истинным... Печальна мне мысль о недостатке единомыслия. Бог истинный источник единства да соединит все истиною и любовью. Надобно

смотреть на вещи с лучшей стороны... Ваш помощник не искал этого места, рекомендовавший его просто водился желанием добра родственнику. Думаю, что вы хорошо сделаете, веря сему. Лучше избыток доверия, чем избыток подозрения... Бог да поможет вам руководствовать к добру и пользе человека, в котором есть доброе, хотя, может быть, есть иное не пожеланию".⁵⁰ При этом Филарет заявлял Нечаеву, что митрополит Серафим „доволен этим назначением“. Посредство митрополита Филарета понадобилось Муравьеву и при первом выпавшем на его долю поручении. В то время учреждался контроль по духовному ведомству. К участию в занятиях этого контроля назначался и новый чиновник за обер-прокурорским столом. Поручение это смущало Муравьева, а потому он и обратился к ходатайству Филарета, который по этому поводу писал Нечаеву, что он хотел лично быть до делу, о котором говорить, но недомогает; митрополит раскрывал: „Андрей Николаевич открылся мне, что он в большом смущении от назначения его в какой-то счетный Комитет. Некоторые причины его смущения опровергаю, например, ту, что он будет учеником между сочленами, и говорю, что в сем случае нужно только смириться, а не отказываться. Но вот одна причина, которая не совсем подлежит опровержению: по неопытности в счетных делах и по незнанию законов, сюда относящихся, он может подписать то, за что неприятно будет отвечать. Итак, он имеет, по моему мнению, невинную причину опасаться и уклоняться, и я вижу, что уклонение сие может выразиться действиями очень решительными. Если таким образом при первой встрече не достанет единства между вами, не труднее ли будет достигать оного после? Случай сей произведет много суждений, которые по моему мнению, гораздо лучше предупредить. Трудно угадать, каким оком взглянет на сие Государь Император, сказавший, что Муравьев не будет занимаем сухими делами, по крайней мере на первый раз. Для вас и для него и для возлюбленного мира молил бы я вас как-нибудь избавить его от этого затруднения. Сделайте милость, примите в мире сие ходатайство, к которому ничто не побуждает меня, кроме желания мира полного и непоколебимого".⁵¹ Настойчивость и

теплота, с которыми Московский святитель ходатайствовал за Муравьева, показывают, что он принимал горячее и искреннее участие в прозелите духовного ведомства. Последний действительно до крайности был смущен выпавшим на его долю занятием, ибо возвращаясь в тому же предмету Филарет в другой раз писал: „поелику Андрей Николаевич против моих увещаний упорно хотел сказаться больным и сделать два греха: непослушание и ложь, то милосердый Бог захотел избавить его хоть от одного и послал ему болезнь истинную“.⁵² Муравьев оставался чиновником за обер-прокурорским столом и при следующем обер-прокуроре графе Протасове, который тоже не выдвигал Муравьева.

Надо заметить, что при обер-прокуроре Протасове должность чиновника за обер-прокурорским столом в Св. Синоде получила более определенный характер, и занятия лиц этой должности становилось постояннее. В первый год своей деятельности граф Протасов, 31 октября 1836 года, обратился к государю императору с следующим докладом: „обер-прокурор Св. Синода, соединяя с исполнением различных обязанностей управление синодальной канцелярией, в настоящем положении своем должен наблюдать и следовать за исполнением по оной канцелярского порядка во всех подробностях, каковое занятие, требуя много времени, отвлекает его от других более существенных по его должности обязанностей. В Правительствующем Сенате, пояснял обер-прокурор, по всем департаментам, в которых несравненно менее дел, нежели сколько в Св. Синоде, и которых круг действий, не касаясь управления, ограничивается решениями тяжб, при обер-прокурорах состоит по два, а в иных департаментах и по три чиновника за обер-прокурорским столом.“⁵³ Сии чиновники следят за всеми действиями канцелярии, наблюдают за исполнением канцелярского порядка и составляют по делам важнейшие проекты протоколов и определений, чем обеспечивается отчетность в делопроизводстве. Но в Св. Синоде за обер-прокурорским столом состоит один только чиновник, который притом не может исключительно заниматься по синодальной канцелярии, ибо на него возлагаются и другие

поручения, до дел духовного ведомства касающиеся. Так в недалеком времени он особенно был занят ревизией С.-Петербургской синодальной топографии. По этим причинам необходимо нужно определить в Св. Синод за обер-прокурорский стол еще чиновника, который бы под непосредственным моим наблюдением, преимущественно занимался течением дел по синодальной канцелярии, в отношении к которой я считаю долгом звания моего употребить все усилия к установлению наконец в оной порядка, соответственного важности места, и существу распоряжений чрез оную происходящих“. На эту должность граф Протасов рекомендовал состоявшего при нем чиновника по особым поручениям, коллежского советника Войцеховича, как ознакомленного с делами Св. Синода, в ведомстве которого он исполнял многие затруднительные поручения, и известного по своему усердию в отношении как делопроизводства, так и в особенности канцелярского порядка. Государь 31 октября 1836 года соизволил на назначение Войцеховича чиновником за обер-прокурорским столом в Св. Синоде с жалованьем по две тысячи рублей из государственного казначейства. С этого времени Войцехович, со званием чиновника за Обер-Прокурорским столом, заведовал канцелярией Св. Синода.⁵⁴

В 1839 г. по учинении крупных перемен по ведомству Св. Синода через образование Духовно-учебного и Хозяйственного управлений, граф Протасов ходатайствовал перед государем императором о высочайшем соизволении „по оправданной опытом пользе заведывания канцелярией Св. Синода старшим чиновником за обер-прокурорским столом на постоянное сим лицом управление той же канцелярией, под главным наблюдением обер-прокурора с теми же правами, какие на общем основании предоставлены управляющим канцеляриями.⁵⁵ С этого времени канцелярия Св. Синода, отдавшись от непосредственного заведывания ей синодального обер-прокурора, поступила в управление особого начальника, занявшего посредство между канцелярией и синодальным обер-прокурором. Граф Протасов, указывая на благодетельность такого нововведения, во всеподданнейшем

докладе 22 февраля 1839 года, между прочим, объяснял, что поручение одному из чиновников за обер-прокурорским столом непосредственного надзора за делопроизводством синодальной канцелярии ускорило течение дел для своевременного их решения; вследствие такой перемены, канцелярия Св. Синода достигла той цели, чтобы служить образцом и лучшим рассадником делопроизводителей для благоустройства подведомственных учреждений.⁵⁶ Строгий критик нововведений графа Протасова до духовному ведомству А. Н. Муравьев видел своего рода неудобство в подчинении синодальной канцелярии одному из чиновников за обер-прокурорским столом, именно в том, что он „не подписывает своего имени на протоколах, кои остались по прежнему на ответственности обер-секретарей, которых может заставлять действовать против убеждений“. Во время графа Протасова институт чиновников за обер-прокурорским столом в Св. Синоде получил особое развитие.⁵⁷ Докладывая в 1838 г. 30 января государю императору о перемещении статского советника Скрипицына из министерства внутренних дел чиновником за обер-прокурорский стол, где уже была два, граф Протасов с успехом при этом просил высочайшего соизволения на предоставление обер-прокурору назначать, смотря по надобности, не только одного, но и прочих чиновников за обер-прокурорским столом как порознь, так и совместно в члены хозяйственного комитета, и увольнять от оногo, а равно и употреблять их на разные поручения и командировки по всем частям вверенного обер-прокурору управления.

Дополнение синодального штата 1839 года составом служащих в синодальной канцелярии последовало в 1843 году при закрытии белорусско-литовской Духовной Коллегии. В то время Св. Синод, приняв во внимание, что после воссоединения бывшей грекоуниатской церкви с православной значительно умножилось число дел в Св. Синоде, призвал необходимым усилить синодальную канцелярию одним обер-секретарем, одним секретарем и двумя помощниками секретаря для распорядительных дел преимущественно об устройстве воссоединённого духовенства, с обращением на содержание

сих лиц суммы, производившейся до того времени на коллегия из государственного казначейства.⁵⁸ Настоящие предположения Св. Синода высочайше были утверждены 14 августа 1843 г. в дополнительном штате канцелярии Св. Синода и Хозяйственного при оном управления.⁵⁹ В 1859 г. Св. Синод признал необходимым произвести новые изменения в штате канцелярии „для более успешного течения дел“. Изменения эти коснулись с одной стороны упразднения некоторых должностей из прежних штатов, а именно должности одного протоколиста, одного младшего помощника секретаря и переводчика, с другой – прибавления новых, как например, должности четвёртого обер-секретаря на счет сумм духовного ведомства. Обращаем внимание на эти перемены потому, что тогда же Св. Синодом было сделано важное относительно распорядка занятий в синодальной канцелярии распоряжение. А именно Св. Синод положил при каждом обер-секретаре оставить по два секретаря, образовав и при новом обер-секретаре особое отделение с двумя секретарями. Девятый секретарь назначен состоять при управляющем синодальной канцелярией. При каждом секретаре оставлено по одному штатному канцелярскому чиновнику. В высочайше утвержденном 23 мая 1859 г. штате канцелярия Св. Синода значится три чиновника за обер-прокурорским столом, из них один старший управляющий канцелярией Св. Синода и два младших, четыре обер-секретаря, девять секретарей, семнадцать помощников без разделения на старших и младших и т. д.⁶⁰ Следует прибавить, что должность одного из прочих чиновников за обер-прокурорским столом, бывшая вакантной, в том же году (27 июля), по докладу исп. дол. обер-прокурора, высочайше упразднена, и на оклад этой должности, равнявшийся содержанию обер-секретаря, учреждена по канцелярии Св. Синода должность редактора „с возложением на него производства дел особенно важных и с присвоением ему одинаковых с обер-секретарям прав по классу должности, содержанию в пенсии“.⁶¹ Равным образом в том же году (28 ноября) по всеподданнейшему докладу обер-прокурора, согласно определению Св. Синода, повелено упразднить должности секретаря и его помощника при управляющем

канцелярией Св. Синода, возложив оныя на начальника архива и назначив ему вместо одного двух помощников, с предоставлением окладов по классу должности, содержанию и мундиру – начальнику архива наравне с обер-секретарем, а помощникам его – наравне с помощниками секретарей канцелярии; обязанности регистратора и экутера соединить в одном лице.⁶² Более крупные изменения в составе синодальной канцелярии последовали в 1864 году, когда по умножающемуся в Св. Синоде с каждым годом числу дел, для правильного и безостановочного течения оных, призвано необходимым увеличить число старших делопроизводителей и канцелярских чиновников по синодальной канцелярий, а вместе с тем сделать также некоторые изменения и по хозяйственным статьям штата 23 мая 1839 года.

Вследствие таких предположений постановлено: вместо 4 обер-секретарей назначить – 6, вместо 8 секретарей – 18, причем должности помощников секретарей, занимаемые 16 лицами, упразднить, равным образом вместо 9 канцелярских чиновников назначить – 25 с производством сим последним по 250 р. в год, вместо 214 р. 43 к.⁶³ Настоящая предположения высочайше были утверждены 21 января 1864 г., с поведением привести оныя в исполнение в воде опыта на три года. Предначертанная норма подвергалась изменению в ныне действующем штате, высочайше утвержденном 20 июня 1872 г.⁶⁴

Распределение занятий и порядок делопроизводства между чинами канцелярии составляли немаловажную заботу Св. Синода. По открытии своей деятельности Св. Синод, в третьем заседании, в виду установления порядка занятий постановил: „всем коллегиятам съезда в Духовную Коллегию иметь в трех кождо недели днях, то есть, в понедельник, среду и пяток, а из советников одному и асессорам двум человекам приезжать во все седмичные дни, и в том иметь очередь понедельную“.⁶⁵ Подобный порядок, касаясь распределения занятий между членами в виду успешного и безостановочного течения дел, вовсе не имел виду разделения занятий по канцелярии между её чинами. 28 февраля 1722 года Св. Синод „лучшего ради в

делах исправления“, по примеру светских коллегий, признал необходимым образовать особые конторы с поручением определённого круга дел в особое заведывание известным людям из состава своих членов. Такое установление очевидно должно было вести к распределению и занятий между чинами канцелярии по родам самых дел. Установление это, без сомнения, могло иметь место и продолжаться лишь до тех пор, пока Св. Синод, согласно предначертанию Духовного Регламента, насчитывал в своем составе довольно число членов. По сокращении этого состава неминуемо должен был возникнуть вопрос об ином порядке делопроизводства. Действительно и видим, что, при сокращенном составе своих членов, Св. Синод входит в обсуждение „о надлежащем в синодальной канцелярии всех дел некоснительном исправлении“. Причину этого рассуждения Синод изъяснил так: „понеже в Святейшем Правительствующем Синоде главных управителей, преосвященных архиереев, только четыре персоны, которые, собираясь в синодальное правительство, имеют в рассуждениях и повелениях все обще генеральную и верховную дирекцию, а дела повинны исправлять их святейшества секретари, которые и указы отправляют“. Руководствуясь такими соображениями. Св. Синод „для лучшего тех дел исправления и канцелярских служителей надзирания“, постановил: „разделить все всякого звания дела и управлять, расписав все подчиненные приказы и правительства, кои кому пристойно и из синодальной области коемуждо часть по городам, а прочих целыми епархиями, дабы всяк ведал, в чем кто по своей должности трудиться повинен, не имея никакими друг на друга отговорками никакого извинения“. Подобный порядок распределения дел Св. Синод вводил и в интересах ходатаев и челобитчиков, чтобы и они знали, что „их коегождо дела все в одном месте“.

Устрояя порядок внутреннего делопроизводства, Св. Синод все дела распределил по повытям, поручив каждое из повытий особому секретарю с определенным, к каждому из них назначенным числом канцелярских служителей. К каждому из повытий были отнесены, точно поименованные из подчиненных

Св. Синоду приказов и других мест, также города синодальной области и епархий. Назначенный для заведывания отдельным повытьем секретарь обязан был содержать свое повытье „с таким смотрением и расположением, что если у него будет дело челобитчево, или доносительно, касающееся до другого повыгья, то оное иметь в том повытье, где ведом челобитчик, а из коллегий и канцелярий доношения принимать в те повытья, до которых они касаться будут“. Состоявшим при повытьях канцелярском служителям, относительно обязанностей делопроизводства, внушалось „по отдаваемым от записки доношениям, против помет справки и выписки, что доведется, исправлять со всяким прилежанием, чтобы никакого ни в чем упущения и пророну, или утайки не было, и просителям волокиты отнюдь не происходило... и для того всем приходиться к отправлению по должности своего звания неленостно“. Приходившим на службу „не в урочные времена“ или „нерадивым“ к занятиям предоставлено секретарям делать „вычет, с запиской по регламенту“.

Особый круг занятий Св. Синод определил для протоколиста, регистратора и приказного стола. Протоколист, исправляя свою должность „под общим всех секретарей смотрением“, в частности обязывался „по слушании дел протоколы сочинять без продолжения времени и предлагать для смотра и поправления секретарям тем же, который о чем будет докладывать по порядку, чтоб впредь докладывавшие прежде и действием отправляемы были некоснительно, а конча и последние в третий день, и когда те протоколы поправлены, переписаны и закреплены будут, для исполнения отдавать канцеляристам копии, с росписками в тот же день“. На протоколиста таким образом возложена была вся та работа, которая ближайшим образом касалась как изложения решений Св. Синода, так и приведения их в исполнение. В помощь протоколисту „ради переписки набело протоколов, и для раздачи с тех протоколов копий“ назначены: один канцелярист и два копииста.

С определённой Св. Синод обозначал и обязанности регистратора, возложив на него „входящим в синодальную

канцелярию и всходящим всякого звания письмам записные книги содержать в добром порядке и понуждать канцеляристов, чтобы по пометам выписки исправно от всех были даны без продолжения, и, собирая те выписки или доношения, для доклада секретарям предлагать, с реестрами, разбирая по номерам, и всемерно стараться, дабы ни у кого из канцелярских служителей такие доношения, по которым надобно быть выпискам или справкам, без надлежащего действия не лежали ни малого времени; а буде кто ослушен ему явится, о том объявлять секретарям без продолжения и содержать о том записку с отчисткой“. Всему своему делопроизводству регистратор должен был исправно вести „надлежащие реестры“ и отправлять указы по назначению „в ближние Синоду подчиненные приказы подавать самим тех приказов секретарям с расписками“, а в прочие места рассылать через почты, или с кем доведется, немедленно, оставив неотложно при делах „отпуска“ – копии. При регистраторе для письма и прочего делопроизводства были по пяти копиистов.

В приказном столе, судя по роду дел, сосредоточивалось производство по бумагам, поступавшим из других присутственных мест, равно и по вопросам общего характера. В приказном столе, гласило определение Св. Синода: „иметь отправление по указам из Верхового Тайного Совета и по ведениям сенатским и по доношениям коллежским и канцелярским, генеральные до всех епархий касающиеся наряды, также и по доношениям из всех мест, что бы ни касалось до духовенства всей империи. Сосредоточенная в приказном столе дела обязаны были отправлять секретари „помесячно“, пользуясь для отправления тех дел канцеляристами с копиистами.⁶⁶

Мы остановились на подробном изложении распределения дел и занятий в синодальной канцелярии, с мыслью ближе ознакомиться с порядками синодального делопроизводства, которые оставались без изменения довольно продолжительное время. При постепенном расширении состава синодальной канцелярии, естественно приходили изменения и в делопроизводстве, с разделением труда применительно к

наличному числу служащих. Постепенное умножение дел также вызывало заботу о лучшем их распределении, с усложнением самой канцелярии. То и другое вместе в результате и сопровождалось разделением синодальной канцелярии применительно к числу обер-секретарей и секретарей. Первых с 1797 по 1843 г. было два, при которых и было два отделения. Число же секретарей менялось. В 1838 г. граф Протасов, ходатайствуя об увеличении содержания чинам синодальной канцелярии, заявлял, что синодальная канцелярия состоит из шести экспедиций с соразмерным числом столов, применительно к числу секретарей. В 1839 г. тот же обер-прокурор, ходатайствуя об упразднении комиссии духовных училищ и о передаче высшего попечения по учебной и хозяйственной части в Св. Синод, полагал усилить его канцелярию еще двумя экспедициями. При усилении состава синодальной канцелярии в 1843 г. последовало образование особого отделения для распорядительных дел, преимущественно об устройстве воссоединённого из унии духовенства. При переменах в составе той же канцелярии в 1859 г. Св. Синод предоставил синодальному обер-прокурору принять зависящие от него меры к образованию четырех отделений канцелярии Св. Синода в определенном для них новым штатом составе, по распределении между ними предметов ведомства. Из образованных таким образом отделений первые два, по характеру сосредоточивавшихся в них дел, носили наименование – распорядительных, другие два – судных. В 1864 г. при усилении состава синодальной канцелярии, тогдашний обер-прокурор Ахматов призвал нужным, в видах скорейшего окончания ожидающих разрешения Св. Синода дел, учредить два временных отделения – одно при судном, другое – при распорядительном отделениях синодальной канцелярии.⁶⁷ Из образованных таким образом временных отделений второе, именовавшееся „временным распорядительным отделением“ в том же году (9 ноября) было закрыто с отнесением сосредоточивавшихся в нем дел по духовно-учебным заведениям ко II-ому отделению, а прочих дел к III-ему отделению синодальной канцелярии. Другое из

временных отделений составило судное отделение. В настоящее время при ныне действующем штате синодальной канцелярии все дела последней и производство по ним распределяются по шести отделениям, состоящим в заведывании особых обер-секретарей, с подразделением на столы, которые вверяются секретарям. Во главе канцелярии находятся управляющий канцелярией Св. Синода и его помощник.

Сказанное достаточно обрисовывает начальную и последующую до настоящего времени судьбу синодальной канцелярии вместе с развитием синодального делопроизводства, а потому по отношению к ним задачу исследования можно почесть исчерпанной.

Глава II. Конторы при Святейшем Синоде

В духовном Регламенте не определен порядок рассмотрения и решения дел в Духовной коллегии, но замечено, что „о действиях Духовной коллегии собственно здесь не написано, понеже Императорское Величество приказал действовать по Генеральному регламенту“. В главе 8 этого регламента постановлено: „в коллегии президенты не имеют особого труда, или надзирания, но генеральную и верховную дирекцию, или управление, а дела между советниками и асессорами так разделяются, что каждому как из происходящих в коллегии дел, определенная часть, так и над канцелярией и конторами и над делами и трудами оных особое надзирание дается, яко о том в партикулярных инструкциях коллегиев пространно усмотреть можно“. Применяясь к сему Генерального регламента постановлению и „в видах лучшего в делах исправления“, Святейший Синод признал необходимым учредить в своем составе особые конторы на следующем основании: „которые дела не зело важны и рассмотрением их решены быть могут, решать и без предложения всему Святейшему Синоду по святым правилам и Его Императорского Величества указам, и прочих государственным правам, и по содержанию присяжной верности, правдиво и беспристрастно, токмо в тех решениях писать приказание Святейшего Синода, которое закреплять самим тем членам и обер-секретарю; а важных и синодальной резолюции требующих партикулярно им не решать, но предлагать оныя, подписав свое мнение, к рассуждению всего Святейшего Правительствующего Синода, и решение по ним чинить согласными Святейшего Синода приговоры, которые подписывать всем синодалам“.⁶⁸

Учрежденные на таком основании и с такими полномочиями конторы служили для разделения труда, лежавшего прежде на всем составе Святейшего Синода, а потому эти учреждения мыслились в составе Святейшего Синода и действовали от его имени и авторитета, в важных и затруднительных случаях предлагая свои предположения и мвсаия на обсуждение и

утверждение всего Святейшего Синода. Учреждение при Святейшем Синоде контор на изъясненном основании, указывая на дань времени из подражания принятым в других установлениях порядкам, отвечало собственному стремлению Святейшего Синода освободить себя от обременения мелкими и маловажными делами, которые, при отсутствии вспомогательных учреждений, по необходимости, скоплялись в Синоде, и заставляли его изыскивать способы для удобного, лёгкого и скорого разрешения таких дел. А такими способами и служили конторы по практике правительственных учреждений тогдашнего времени.

1. Контора школ и типографий

Первой из существовавших при Святейшем Синоде контор была учреждена Контора школ и типографий. Одним из самых первых высочайших указов было повелено: „печатному двору и школам словенского и греческого языков, что в Москве, и служителям при том обретающимся, быть в одной Духовной коллегии“. По наведенной в Синоде справке оказалось, что поступающие под ведение Синода типографии обретаются в разных местах, а именно в Санкт-Петербурге, в Москве, в Киеве, в Чернигове и в прочих местах.⁶⁹ Учреждая для заведывания этими предметами особую контору, Святейший Синод в учредительном постановлении, от 24 июля 1721 г., так определил круг занятий этой конторы. „Обретающиеся в Санкт-Петербурге, в Москве, в Киеве и Чернигове и впредь, где по указам устроены будут типографии, для лучшего усмотрения и в прилучающихся делах между ними правления, со всеми прежде бывшими над оными командующими и служителями ведать того Святейшего Правительствующего Синода советнику, Ипатского монастыря архимандриту Гавриилу, которому того ради правления и действия при Правительствующем Синоде иметь особливую контору, в которой ведать Московские училища со всяким их отправлением, а Киевские и Черниговские, аще я надлежать должны до своих им архиереев, обаче егда имети могут нужду какую до Святейшего Синода, писать им в помянутую контору, а именоваться помянутому советнику „школ и типографий протектором“.⁷⁰

По мысли настоящего определения круг ведомства вновь учрежденной конторы должен был обнимать все, как существующие, так и вновь могущие возникнуть типографии, со всеми начальствующими и служащими в них лицами, также Московские, киевские и черниговские училища – Московские со всем их отправлением, – киевские и черниговские по делам, требовавшим синодского разрешения. Впоследствии, именно в определении Святейшего Синода от 28 февраля 1722 года, еще определеннее был выражен круг ведомства этой конторы. По

этому определению в ней „ведомы все российские школы с учителями и служителями и типографии со всеми их принадлежностями“. ⁷¹ Заведывавший этой конторой на правах „протектора школ и типографий“ архимандрит Гавриил должен был пользоваться высшим значением и авторитетом. К нему епархиальные архиереи и начальники школ направляли все те бумаги, которые требовала синодской резолюции. От него уже зависело решить известную бумагу собственной властью, или, в виду сложности и важности вопроса, предложить со своим мнением на разрешение Святейшего Синода. По наблюдению над практикой трудно с точностью определить, какие из дел, касавшихся училищ, протектор разрешал собственной властью и по каким требовал резолюции Святейшего Синода. При том внимании, какое должен был уделять Святейший Синод духовно-учебным заведениям, в виду их значения, особенно при начале их возникновения и устройства, компетенция протектора не могла быть обширна. Финансовая и экономическая сторона Московских училищ отходила к обязанностям Монастырского приказа, учебно-педагогические вопросы очевидно требовали обсуждения самого Синода. Остается одна инспекторская часть, но и здесь назначение вновь учителей и перемещение, зависевшие от Синода, иногда предоставлялись последним протектору. ⁷² Во всяком случае духовно-учебное дело с этого времени составляет одну из живейших забот духовного правительства, прилагавшего попечение об устройстве училищ при архиерейских домах и монастырях для обучения священно-церковно-служительских детей.

В более определенных фактах представляется деятельность протектора по наблюдению за типографиями. По открытии конторы, Святейший Синод поручил протектору её архимандриту Гавриилу немедленно принять в свое ведение синодальные типографии, со всем их хозяйством и устроить управление типографиями. При приеме типографий, вследствие беспорядочности в ведении их хозяйства и счетоводства, открылись такие затруднения, которые вынуждали протектора неоднократно обращаться к Синоду с доношениями по тому или

другому предмету. В 1723 году (октября 8) архимандрит Гавриил жаловался Святейшему Синоду, что „несмотря на многократные его просьбы о том, чтобы С.-Петербургская и Московская типографии были сосчитаны, ни та ни другая не сданы ему по описям и счету, что когда он приказал сосчитать С.-Петербургскую типографию, то при этом счете на расходчике-лавочнике Михаиле Васильеве открыто начету более трех тысяч, а Московская типография так и остается несосчитанной, да и счетчиков не назначено; что хотя его старанием получен из астраханского похода именной указ о выдаче по прежнему денег на содержание С.-Петербургской типографии и на дачу служащей в ней мастеровым людям жалованья, но по этому указу жалованья пока еще не выдано, от чего как в литерях, и в переливках их, так и в содержании мастеровых людей, и в бумаге, и в прочих в тому принадлежностях крайняя скудость учинилась и остановка“.⁷³ Денежные обороты С.-Петербургской типографии были так скудны, что выручаемых в книжной лавке от продажи книг сумм едва доставало на покупку нужнейших типографских припасов.⁷⁴ Средства Московской типографии, хотя были много лучше, но там оказались свои недочеты. 9 августа 1722 года протектор Гавриил доносил Святейшему Синоду, что „Московская типография сначала бытности в приходе и расходе казны и прочих вещей и доньше не сочтена, и что поэтому необходимо остающуюся казну и прочие припасы описать и счесть“. К сему Гавриил прибавлял, что бывшие управителя типографии „явились в подозрительствах“.⁷⁵ При таком положении вещей, Гавриилу приходилось заботиться и о введении лучшего порядка в заведывании типографиями и об устройстве более правильной в них администрации.

Московской типографией заведовали, на правах директора, справщик Феодор Поликарпов, дьяк Гаментов и подьяк. Все они, по засвидетельствованию Гавриила, в бытность свою в типографии, явились подозрительны. В С.-Петербургской типографии, как доносил Синоду Гавриил, при „отправлении дел секретарей никого не обретаются“. Гавриилу предстояло, уволив „явившихся в подозрительствах“, назначить на их место других, способных и надежных, а незанятые вакансии заместить

новыми лицами. По представлению Гавриила, 3 августа 1722 года, Синод, удалив от дел дьяка Гаментова, назначил на его место секретарем в Московскую типографию „для описи и счету казны и для управления надлежащих дел“, синодального канцеляриста Михаила Морсочникова, а 16 ноября того же года отрешен Синодом от должности и Феодор Поликарпов; секретарем в С.-Петербургскую типографию назначен канцелярист типографии Андрей Прокшин. По отрешении от должности Поликарпова, Московская типография осталась без директора и секретаря, так как назначенный на должность секретаря Морсочников „по некоторым делам был задержан в Петербурге“. На место Поликарпова Гавриил находил „удобным“ служившего в Камер-Коллегии Григория Замятина, который и был определен Синодом 5 декабря по надлежащем предварительном сношении с Камер-Коллегией о службе Замятина и с Сенатом об увольнении его из светской команды. Во время переписки по этому делу, Московской типографией, по поручению Синода, заведовал архимандрит Спасского училищного монастыря Гедеон,⁷⁶ который в сомнительных случаях обязан был с своими доношениями обращаться в Московскую синодальную канцелярию,⁷⁷ которая вообще в отсутствие из Москвы протектора принимала в ближайшее заведывание Московскую типографию с её канцелярией.⁷⁸ Замятин недолго оставался в должности директора, его снова заменил бывший директор Феодор Поликарпов. Последний, докладывая Синоду о своем вступлении в должность, о времени управления Замятина Московской типографией писал: „по вступлении его в оную типографию 4 числа августа, бывший директор Замятин дел, к управлению типографскому надлежащих, никаких не отдавал по 7 число сентября, да и до днесь еще не все дела от него приняты. Обрел он ту типографию денежной казной, бумагой и прочими материалами весьма оскудевшу“⁷⁹ и т. д.

Устройство С.-Петербургской типографии также вызывало заботливость правительства. 5 февраля 1724 года император Петр I лично, в присутствии Синода и Сената, дал указ: „под ведение Святейшего Синода в С.-Петербургскую типографию,

для порядочного содержания, определить директора из светских чинов, кого Святейший Синод усмотрит“.⁸⁰ Согласно такому указу, Синод со своей стороны постановил: „как в оную С.-Петербургскую, так и в Московскую типографии в директоры людей добрых и достойных оному усматривать и кто усмотрен будет, определить“.⁸¹ Первым директором С.-Петербургской типографии был назначен Михаил Абрамов при следующих обстоятельствах, как о них докладывал Синоду протектор архимандрит Гавриил. Он доносил, что „Его Величество этого декабря 5 дня (1724), будучи в С.-Петербургской под синодским ведомством типографии, указал бывшему в той типографии цейх-директору Михаилу Абрамову, который ныне обретается в Берг-Коллегии ассессором, быть в той типографии цейх-директором по прежнему, токмо от оной коллегии до указа не отлучаться, о чем ему Абрамову при том же от Его Императорского Величества самоустно и сказано“.⁸² Вследствие этого высочайшего указа и согласно особливому донесению Абрамова, Святейший Синод распорядился:

1) обретающиеся в той С.-Петербургской типографии дела и казну и всякие типографские и градированные припасы и инструменты, что ныне имеются на лицо, описать и ему Абрамову все отдать с распиской по обыкновению;

2) будучи ему Абрамову в той типографии писаться ему директором, а в котором классе ранг ему того директорства иметь, о том, также и о определении ему трактаменту, учинить с Правительствующим Сенатом конференцию;

3) о содержании той типографии и градированных дел в каком состоянии и в каком числе служителей, и с какими окладами быть, определение к оному сочинить ему, Абрамову, с согласия синодального советника, школ и типографий протектора Троице-Сергиева монастыря архимандрита Гавриила, расписав все с изъяснением и с довольными резонами, которое для апробации предложить к рассмотрению Святейшего Синода, и

4) по Его Императорского Величества именным указам, которые ему, Абрамову, впредь особливо будут приказаны, надлежащие до этого звания дела отправлять, также что к тому

управлению на припасы и прочие нужды, потребно будет денег в мелочные расходы, без которых пробыть не возможно, держать, записывая все обстоятельно с достоверным свидетельством и поступая во всем с совету проректорского же, как Его Императорского Величества указы повелевают, только для известия Святейшему Синоду, оные именные указы объявлять в те же числа неотложно, а о всем состоянии рапортовать письменно на все месяцы без упущения.⁸³ В то время, как Московская и С.-Петербургская типографии получали новое устройство, Киевская и Черниговская синодальные типографии оставались – первая в заведывании монаха Киево-Печерского монастыря Германа Консевича, – последняя, как находившаяся в Свято-Троицком Черниговском монастыре, в управлении архимандрита этого монастыря.⁸⁴

Заботясь об устройстве Московской и С.-Петербургской типографий, архимандрит Гавриил видел всю трудность и почти невозможность непосредственного со стороны протектора заведывания этими типографиями, а потому неоднократно просил Святейший Синод уволить его от должности протектора и принять школы и типографии в свое непосредственное ведение. Так еще 8 октября 1723 г. Гавриил, жалуюсь Святейшему Синоду на встречаемые им затруднения при приеме типографии, просил об увольнении его от должности протектора. При этом Гавриил объяснял: „что он по званию советника обязан бывать неотлучно в урочные дни в Святейшем Синоде и кроме того состоит у сочинения уложения, и ему часто повелеваеся сочинять новые сочинения и отправлять по очереди проповедь слова Божия“. К сему Гавриил присовокуплял, что „вследствие указанных причин оная типография и школы весьма под своим управлением он содержать не может. Типографская контора, продолжал Гавриил, требует такого правителя, который бы находился в ней неотлучно, а сам присматривал как за мастеровыми, так и за покупкой материалов, чего ему Гавриилу за преждереченными резонами учинить отнюдь невозможно“. Синод не уважил просьбы Гавриила и не уволил его. Воспользовавшись назначением на должность директора типографии Замятина,

Гавриил вновь обращался к Синоду с просьбой по крайней мере упростить его занятия. Он представлял Синоду, дабы „повелено было директорам типографий как в казне, так и в прочих делах быть в ведомстве Святейшего Синода, а что до печатания книжного и в тому приключающихся дел надлежит, то надзирать он будет. Понеже для помянутых дел собственная контора не определена, не токмо в С.-Петербурге и Москве имеются конторы для дел помянутых типографий собственных, которые конторы и должны быть под ведением директоров, а таковой конторы, которая бы директорам повелевала, не имеется, и, по мнению его кроме канцелярии синодальной быть не надлежит“. По этому представлению протектора в Синоде определения не состоялось. 11 февраля 1726 г. Гавриил снова повторил Святейшему Синоду свою просьбу, в которой, указывая на то, что „все конторы“, которые существовали, по определению Святейшего Синода „расскасованы“ и взяты от советников в ведение всего Синода, и, упоминая о прежних своих прошениях, продолжал: „и по многих моих прошениях она контора от меня не отрешена, также за многими переписками и за неимением собственной конторы, которой и иметь не надлежит, многие дела нужные в умедление происходят, от чего в типографских делах бывает остановка. А помянутая типографская контора лучшее возымеет управление, ежели будет непосредственно под ведением всего Святейшего Правительствующего Синода, и в отправлении директоры вящий, для надзирания всего Синода, иметь будут страх и попечение“. На сей раз Святейший Синод внял просьбе архимандрита Гавриила и, приняв в рассуждение, „что в Московских школах обретается ректор, а в типографиях как в С.-Петербурге, так и в Москве, указом Императорского Величества учинены директоры, которые о всяких делах, чего сами рассуждать не могут, требуют от него, советника, резолюции, надлежащей от всего Святейшего Синода, чего он, советник, единолично чинить не смеет и не может, и через собственные его доклады напрасно токмо чинится в делах продолжение и излишний труд“, постановил: „оныя школы и типографии все в синодальной команде под его советническим ведомством донны бывшие, от собственного

его правления отрешить. А содержать в Москве словено-греко-латинские школы обретающемуся в них ректору Спасского, что за Иконным рядом, училищного монастыря архимандриту Гедeonу. А Киевские и Черниговские и прочих епархий и Александро-Невские и Киево-Печерские школы и типографии тамошним архиереям и архимандритам, у кого что в ведении ныне имеется, а С.-Петербургскую и Московскую типографии учрежденным в них директорам. И для того как им коемуждо оные школы и типографии в достодолжном действии управлять и в добром порядке содержать, о том ему советнику, от всего Святейшего Синода сочинить инструкции, в которых включить, дабы впредь о всяких школьных и типографских делах, на которые сами они управители решения учинить не могут, требовала бы резолюции, Санкт-Петербургский директор – докладами, а из прочих мест – доношениями, изъясняя все обстоятельства и приличные указы, в прилагая мнения с резонами – от Святейшего Правительствующего Синода, а не собственно от помянутого, протектором учреждённого советника, ибо он при заседании в Святейшем Синоде, хотя старание свое о надлежащей на оные доношения резолюции и о немедленном указов отправления иметь и будет, однакоже такие указы будут от Святейшего Синода, а не единолично от него советника... А управлять оные типографии, присутствуя в них, самим директором со справщиками, и при них в коейждо типографии быть по два писаря, чтобы в даче излишнего жалованья напрасной казне утраты не происходило, но могли бы весь тех типографий штат со всеми их служителями по потребе содержать из собственных типографских средств, которые должны они собирать для себя и довольствоваться каждый по пропорция трудов своих. А вышняя над ними дирекция и о важнейших случаях рассмотрение имеет быть в Святейшем Синоде, чего для вышепоименованному советнику, кроме того настоящего ему чина, и протектором отныне не писаться, но именоваться, как и другим членам, по обыкновению советником“.⁸⁵

С закрытием на изложенных основаниях Конторы школ и типографий, Московские школы по-прежнему остались в

управлении их ректоров, епархиальные с их начальниками поступили в заведывание архиереев. Типографии остались под управлением директоров, для которых должен был „составить особую инструкцию“ бывший протектор Гавриил. Святейший Синод таким образом, без посредства, принял в свое ведение означенные учреждения. Причем директор С.-Петербургской типографии должен был входить непосредственно в Синод докладами, директор же Московской типографии – доношениями о более важных делах, которых он не мог решить своей властью, объясняя в своих доношениях обстоятельства дела, относящиеся к нему указы и прилагая свои мнения. Киевская и Черниговская типографии вместе с тамошними школами были предоставлены в управление местного духовного начальства. По делам Черниговской типографии сносился с Синодом местный епископ, по делам Киевской типографии указы Синода посылались на имя архимандрита Киево-Печерского монастыря с братией. С этого времени название типографий „синодальными“ осталось только за Московской и С.-Петербургской типографиями, из коих последняя в 1727 г. была закрыта, принадлежности её, равно и инструменты Александро-Невской типографии, передав в Москву в тамошнюю типографию, назначавшуюся для печатания церковных книг.⁸⁶ Оставление в ведомстве Синода одной типографии естественно должно было повести к усложнению её операций и к увеличению её состава и упорядочению её хозяйства.⁸⁷ В 1763 г. С.-Петербургская синодальная типография была открыта вновь и управлялась смотрителем, который в 1870 г. был переименован в управляющего типографией; Московская – по обширному кругу её занятий и сложному хозяйству издавна управляется конторой.

При заведывании типографиями на протекторе лежало и наблюдение за печатанием книг. Печатание книг в поступивших под ведомство Синода типографиях вообще было запрещено без „повеления“ Духовного Синода.⁸⁸ Как ни мало в то время печаталось книг, тем не менее наблюдение за этим делом составляло нелегкое бремя, при отсутствии надежных

помощников. В то время через цензуру Святейшего Синода проходили не только все духовные книги, но и книги гражданские, переводные и даже печатанные иностранным диалектом и характером. В Синоде было „довольное число“ переводчиков, с разных диалектов на славянский „переводить искусных“. За деятельностью этих переводчиков и за правильностью переводов и изданий книг гражданской печати наблюдал синодальный советник архимандрит Феофил Кролик.⁸⁹ Протектор Гавриил следил за изданиями и переводами по преимуществу священных и богослужебных книг, а также ему поручалось составление и печатание новых церковных служб, молитв, канонов и других изданий. Так, архимандриту Гавриилу было поручено Синодом перевести католический, лютеранский и кальвинский катехизисы и, сделав перевод, напечатать на славянском языке, „для знания и веданья“.⁹⁰ Ему же в свое время было поручено собрание и рассмотрение поучений для напечатания. Он же исправлял и перевод книги Пуфендорфа „о должностях человека и гражданина“. На него же возложена была обязанность при следующих изданиях исправлять Новый Завет, через сравнение с греческим – славянского текста.⁹¹ При обременении многочисленными подобного рода поручениями, протектору трудно было успевать в исполнении возлагавшихся на него обязанностей. Посему становятся вполне понятными его настояния об освобождении его от звания протектора школ и типографий.

2. Контора судных и тиунской палаты дел

Контора судных и тиунской палаты дел, при учреждении была поручена синодальному советнику, Симоновскому архимандриту Петру (Смелину) и ассессору „кто из монашествующих особ впредь определится“. Таким, по учреждении конторы, был Анастасий Михайлов, он же Наусий грек, которого, по указу императора Петра I, от 21 января, повелено было назначить в Синод ассессором; но при определении его в это звание Синодом не было указано для него особого рода занятий, а вообще замечено: „а отправление дел иметь ему, каковые от Святейшего Правительствующего Синода определятся“.⁹² Таким образом заведующим Судной конторой при Святейшем Синоде приходится признать одного, поставленного во главе этой конторы, Симоновского архимандрита Петра. Впрочем и он, по распоряжению Святейшего Синода, при возвращении последнего в 1723 г. из Москвы в С.-Петербург, оставлен был в Москве для заведывания вновь образованной Московской синодального правления канцелярией. С такой переменой должно было последовать изменение и в положении Судной конторы, каковое изменение сказалось в том, что со времени открытия Московской синодального управления канцелярии не встречается упоминания о существовании особенной Конторы судных дел при Святейшем Синоде.

Контора судных дел имела свое устройство и особое делопроизводство. О существовании канцелярии при конторе свидетельствуют распоряжения Святейшего Синода об определении в эту контору приказных, просивших о принятии их на службу в Синод.⁹³ В справке, составленной по поводу просьбы подьячего Монастырского проказа об определении его копиистом в Судную контору, в последней показано два подканцеляриста при канцеляристах и шесть копиистов.⁹⁴ Об особом делопроизводстве конторы говорит справка, данная из этой конторы, по поводу представления вице-президента Феофана, архиепископа Псковского, о присылке из Москвы в

город Ревель к соборной церкви некоторых священно-церковнослужителей. В этой справке значилось, что подлежащий вместе с другими отправке в город Ревель диакон церкви Иоанна Предтечи, что в Казенном, Михаил Васильев показан виновным в том, что был спрошен, как свидетель по делу о нанесении подьячим Иваном Сахаровым побоев священнику церкви Козьмы и Дамиана Антону Евдокимову, с переломлением руки, дал разноречивые показания, за что, по приговору Святейшего Синода, велено его, диакона Васильева, наказать „отрешением от места и лишением чина“.⁹⁵ Из этой справки видно, какого рода дела сосредоточивались в производстве конторы. В общем виде это дела судебного характера, т.е. по проступкам и преступлениям. На сосредоточение подобного рода дел в Судной конторе намекает и то обстоятельство, что в ведении этой конторы находился караул солдат для стражи за колодниками, присылавшимися из разных контор.⁹⁶ Для определения полного круга дел конторы и уяснения её судьбы необходимо принять в соображение наименование этой Конторы при самом её учреждении „Конторой судебных и тиунской палаты дел“. В этом наименовании, кроме судебных, разумеются и дела Тиунской палаты. Учреждение этого имени, хотя и существовало в Москве, но, при открытии Св. Синода, носило другое наименование. Сферой компетенции этого учреждения было „всякое благочиние и между священным чином в церковных неисправностях рассуждение“.⁹⁷ Того же имени учреждение в С.-Петербурге, возникнув вслед за открытием Св. Синода, продолжало действовать во время конторы судебных дел. Из того, что контора должна была обнимать дела Тиунской палаты, надо заключать, что контора занимала высшее относительно палаты положение и назначалась для дел, поступавших из палаты. Таким образом полная юрисдикция рассматриваемой конторы обнимала вообще судебные дела синодального правления в Москве и дела С.-Петербургской Тиунской палаты. Первая и осталось с конторой в Москве, последняя не нуждалась более в её контроле. Дело в том, что оставляя заведывшего конторой синодального советника Симонова монастыря архимандрита

Петра в Москве, при своем возвращении в С.-Петербург, „для управления надлежащих до Синода дел“, Св. Синод поручал ему и „судные надлежащие до синодального правления дела“. Таким образом контора как бы слилась с новым учреждением – Московской синодального правления канцелярией.

3. Контора раскольников дел

Контора раскольников дел, при её учреждении, была поручена синодальному советнику Феофилакту (Лопатинскому), тогда архимандриту Заиконоспасскому, и синодальному асессору Афанасию (Кондоиди) греку по происхождению. Особого постановления о круге занятий этой конторы не было предначертано; равным образом и действительные факты безмолвствуют о деятельности этой конторы, как особого учреждения, несмотря на то, что дела о расколе составляли одну из обширных отраслей ведения Святейшего Синода. Духовным Регламентом было признано полезным „иметь в коллегии сведения, сколько во всех епархиях обретаются раскольники“. При этом там же преподаны и особые наставления относительно того, как надлежит поступать с „явными“ и „тайными“ раскольниками при „обличении и „сыске их“ а также с их „учителями“ и „укрывателями раскольников“.⁹⁸ Согласно постановлениям Духовного Регламента, по открытии Святейшего Синода, и начинается ряд законоположений и правительственных распоряжений о сосредоточении дел относительно раскола в Святейшем Синоде. В следующем, по открытии Святейшего Синода, заседании, а именно 15 февраля 1721 года, Святейший Синод обратился к государю с докладом, в котором объяснял: „по указу Вашего Величества повелено в Москве великих чинов о раскольниках следовать и с неисповедывавшихся штрафы брать в Приказ церковных дел Златоустова монастыря архимандриту Антонию, при котором следование Московскому вице-губернатору господину Воейкову чинить споможение, а также и господину Плещееву. А этого февраля 9 дня в письме оного господина Воейкова написано: „Приказу де церковных дел управители священники и подьячие за раскольников и за неисповедывавшихся забраны в Преображенский приказ и держатся в тюрьмах, которых задержанных из оного приказа не освобождают и об освобождении их указов не принимают, от чего де в оном церковных дел Приказе в следовании о раскольниках учинилась

остановка. По этому докладу государь особым письмом на имя князя Ромодановского высочайше повелел: „извольте послать указ, дабы Преображенского приказу дьяки в те дела не вступались и ничем как до чина духовного, так и до раскольников не касались, ибо те дела поручены ныне Духовной коллегии“.⁹⁹ На основании этого высочайшего повеления Святейший Синод распорядился предписать „обретающихся при раскольнических делах управителях, чтобы она все взимаемые с раскольников сборы и штрафы, также месячные о них репорты присылали в Святейший Правительствующий Синод, а кроме того, Святейшего Синода, в другие места, до которых оные дела не подлежат, никуда не отсылали“.¹⁰⁰ Для сосредоточенных таким образом в Святейшем Синоде дел по расколу и образована была, наряду с прочими, особая контора, которая однако, подобно другим, не получила особого развития. По крайней мере не встречается указаний, которые бы показывали, что при заведующем Конторой раскольнических дел состояли особые помощники, имелась и организованная канцелярия для делопроизводства. Поставленный во главе этой конторы синодальный советник Феофилакт Лопатинский, как известно, и прежде принимал деятельное участие в обличении „раскольнической прелести и в борьбе с расколом“,¹⁰¹ но эти занятия были делом выпадавших на его долю поручений. Делового участия конторы в этих занятиях незаметно. Объясняется это самим характером дел о расколе, подлежавших ведению духовной власти. Это, во-первых, дела полемических состязаний с раскольниками, устранявших уместность участия конторы. Далее дела о розыске и „следовании“ раскольников с увещанием их, – также дела о записи в раскол, взимании с раскольников и с неисповедывавшихся установленных сборов и штрафов. Но для этих дел были назначены другие, особые учреждения, в которых те дела и сосредоточивались для производства. Св. Синод непосредственной своей компетенцией в дела о расколе вступался лишь в особенных случаях. Так, по донесению синодального советника Леонида, архиепископа Сарского и Подонского, о проявившихся в городе Белеве раскольниках и

раскольницах Синод распорядился: „к взысканию и наследованию показанных в том доношении раскольников требовать из Военной коллегии обер-офицера, в содержаниях верности и в надлежащей отправке известного, и с ним капральства вооруженных солдат, о которых и указ из Синода в тою коллегию немедленно послать и, по присылке их, учинить неотложное им из Синода в Белев отправление и инструкцию оному обер-офицеру дать в такой силе, что ему с оным капральством обретающихся там раскольников – чернецов и черниц, как возможно поймав, прислать окованных под крепким караулом в Синод без умедления, а прочих тамошних обывателей в раскольнической противности содержащихся сыскивая ему, обер-офицеру, с Белевским Преображенского монастыря архимандритом Павлом, при инквизиторе, допрашивать порознь с надлежащим всех обстоятельств изъяснением и потом, как о них, так и о вышеозначенных чернецах и черницах следовать правдиво и ни к чему возбраненному не поползновенно, и поступать в том, как предложенные о таких делах Его Императорского Величества указы повелевают, и которые по наследованию в оной раскольнической противности явятся, тех привести им посланным, с оным исследованием в Синод, под крепким караулом, а имение тех противников движимое и недвижимое оному архимандриту с помянутым офицером при тамошнем инквизиторе и при сторонних, вероятия достойных людей, по силе состоявшегося апреля в 12 числе этого года именного Его Императорского Величества указу, собственноручно на докладных синодских пунктах подписанного, отписать на Его Императорское Величество и тому учинить описные книги по обыкновению, о то описное содержать до указу в надлежащем присмотре, дабы от кого тому опасному какова расхищения не учинилось“. Настоящее распоряжение Святейший Синод дал, когда находился в Москве; до приведения этого определения в исполнение Синоду предстоял отъезд в С.-Петербург. Готовясь к этому отъезду, Синод подтвердил свое распоряжение с таким дополнением: „токмо вместо того, что тогдашним приговором велено было являющихся в раскольнической прелести с

следованием приводить в Синод, ныне затем, что по Его Императорского Величества указу Святейший Синод отправляется из Москвы в С.-Петербург, привозить оных раскольников и все, что надлежит до высшего рассуждения, присылать сим архимандриту и офицеру в Москву, в Духовную дикастерию, в которой рассматривая о всем, надлежащее решение чинить, как святые правила о Духовной Регламент и прочие Его Императорского Величества указы повелевают без упущения, а буде о чем к тем делам ясных указов не взыщется и та Дикастерия решения учинить не может о том, выписывая обстоятельно, со всяком изъяснением, и со всеми к тому приличными указы, и с приложением мнения своего, из той Дикастерии присылать в Святейший Синод доношения и требовать надлежащей резолюции по обыкновению".¹⁰² Останавливаясь на сущности этого определения, нельзя не признать, что настоящим постановлением Святейший Синод отклонял от себя рассмотрение дел о расколе, сосредоточивая высшее по этим делам рассмотрение в Московской Дикастерии, которая, таким образом, должна была занять положение Конторы раскольнических дел. Впрочем, и после этого встречаются факты, указующие, что Святейший Синод обращался к содействию заведовавшего Конторой раскольнических дел в тех случаях, когда возникавшие касательно раскола вопросы достигали Святейшего Синода. Так, по поводу возбуждённого двумя Московскими священниками: Феокистовым и Михайловым вопроса о предоставлении им права по предначертанным ими правилам заняться разыскиванием раскольников по всей России, Святейший Синод поручил рассмотрением представленного упомянутыми лицами проекта заняться состоящему при делах Конторы раскольнических дел своему советнику, тогда уже Тверскому епископу Феофилакту Лопатинскому. Последний, рассмотрев этот проект, возвратил его с отзывом, что он читал, но „увидев неисполнимые к сысканию раскольников способы, признает мнением своим, что оных к действию без доклада Его Императорскому Величеству и Его Превысочайшей апробации производить невозможно“. Заметим, что дело это поступило в

Синод после того, как оно было рассмотрено в Московских учреждениях: Приказе церковных дел, Инквизиторском приказе и Раскольнической розыскных дел канцелярии и не получило одобрения от лиц, заведовавших упомянутыми учреждениями.¹⁰³ В одно из этих учреждений, именно в Московскую Раскольнических дел канцелярию, Святейшим Синодом и был наконец отправлен рассмотренный Феофилактом проект для исследования указанных в этом проекте злоупотреблений. Таким образом представляется полное основание заключить, что существовавшая при Святейшем Синоде Контора раскольнических дел не имела отдельного от Синода действия, подобно другим конторам, и не парализовала функций подчиненных Синоду учреждений, которые продолжали сохранять свою юрисдикцию и действовать в пределах предоставленных им полномочий. Главное внимание Святейшего Синода относительно раскола было обращено на то, чтобы зараженных его заблуждениями возвратить на путь истины. С этой целью Святейший Синод посылает особо избранных и испытанных им лиц в станы раскола для увещания и обращения раскольников,¹⁰⁴ заботится об устройстве открытых диспутов для собеседований с раскольниками, пишет и обнародует послания, содержащие увещания для раскольников и разъяснения их заблуждений для православных,¹⁰⁵ вообще держится на высоте пастырского авторитета относительно заблуждающихся. Предупредительные и распорядительные относительно раскола меры приводятся в действие подчиненными органами, при деятельном участии лиц правительственных, и командированных для и занятий со светской стороны. При таком положении дел учрежденная при Святейшем Синоде Контора раскольнических дел не могла развить и проявить своей деятельности в качестве организованного учреждения. Поставленный во главе этой конторы деятель, согласно принятой на себя Святейшим Синодом миссии, должен был служить ближайшим споспешником Святейшего Синода в осуществлении его предприятий, а потому его деятельность и является чуждой обрядностей делопроизводства. Потребность в учреждении – с

приказными приемами могла открыться в том случае, если бы по каким-либо обстоятельствам прекратили свое существование органы, наведывавшие полицейским розыском и финансовой статистикой раскола. Так в действительности и случилось. По закрытии Приказа церковных дел и по поводу упразднения Розыскной раскольнических дел канцелярии, Московская синодального правления канцелярия действительно возбуждала вопрос о конторе, как особом учреждении при Святейшем Синоде для дел раскольнических. Сообщая Святейшему Синоду о своих распоряжениях относительно приведения в исполнение синодального постановления касательно передачи дел Розыскной раскольнической канцелярии в Сенат, Московская синодальная канцелярия вопрошала Синод: „как быть после преобразования Розыскной раскольнических дел канцелярии с её штатом чиновников и с подчиненными ей местными по городам лицами и учреждениями“. Для успешного разрешения этого вопроса, Московская синодальная канцелярия с своей стороны предложила мнение: „так как Сенату предоставлено заведывание лишь денежными сборами с раскольников, а следование об отступлениях в раскол и прочих преступлениях против веры остается в ведении Синода, то следует при Синоде быть для таких дел особой конторе“. В подкрепление своего мнения канцелярия укрывала на то, что Московская духовная Дикастерия, в которую за упразднением Розыскной раскольнических дел канцелярии, переданы оставшиеся в ведении Синода сборы штрафных денег с неисповедывавшихся, отягощена другими своими делами; в том же случае, если бы было повелено быть при Синоде особой раскольнической конторе, в ней могли бы сосредоточиться дела как по отступлениям в раскол, и вообще с преступлениям против веры, так и сборы штрафных денег с неисповедывавшихся. Личный состав предполагаемой конторы легко мог бы быть образован из чинов упраздненной Розыскной раскольнических дел канцелярии.¹⁰⁶ Святейший Синод при постановлении окончательных своих определений об упразднении Розыскной раскольнических дел канцелярии, распределении её чинов и передаче её дел в Раскольническую

контору при Сенате не сделал никакого постановления по проекту Московской синодальной канцелярии об учреждении Раскольнической конторы и прошел молчаливым этот предмет. Очевидно Синод признавал излишним учреждение такой конторы в то время, когда в ведении Синода из обширного некогда круга дел о расколе оставались только дела по увещанию и обращению раскольников в православие, для каковых дел Святейший Синод и прежде не прибегал к посредству конторы, хотя я пользовался содействием заведовавшего оной – Феофилакта Лопатинского.

Таким образом вопрос о Конторе раскольнических дел при Святейшем Синоде должен быть разрешен так. Контора раскольнических дел одновременно с другими была учреждена при Святейшем Синоде, но для действий этой конторы не оказалось особых функций, которые уже были распределены между другими, состоявшими в ведении Святейшего Синода учреждениями. И поставленный во главе учрежденной конторы сначала синодальный советник, потом вице-президент Святейшего Синода Феофилакт Лопатинский был выдающимся против раскола деятелем, к которому обращались в Святейший Синод с своими поручениями и назначаемые от Синода для борьбы с расколом лица со своими просьбами; но деятельность Феофилакта в этом случае ограничивалась теоретической сферой, т. е. составлением увещаний для обличения раскольнических заблуждений и изложением мнений.¹⁰⁷ Подобная деятельность не нуждалась в канцелярском содействии. Для твердости предложенного вывода не лишне обратить внимание на то обстоятельство, что Святейший Синод в самый день учреждения Конторы раскольнических дел, преподавая весьма важные разъяснения по делам раскола, в своих распоряжениях вовсе не упоминает о конторе, но все свои указания для руководства и исполнения обращает прямо в Приказ церковных дел, где и сосредоточивались распорядительные мероприятия относительно „следования“ раскольников, обращения и принятия их в лоно церкви.¹⁰⁸ Факт этот указывает, что Святейший Синод не усмотрел надобности в привлечении открываемой им конторы к участию в этих делах.

Настоящий факт вместе дополняет, что и последующее существование конторы могло не оставить следа её деятельности.

4. Контра инквизиторских дел

Контора инквизиторских дел, при её учреждении, была поручена синодальному советнику Иерофею Прилуцкому, архимандриту Новоспасскому и синодальному ассессору Варлааму, игумену Угрешскому. Контора эта представляется более других устроенной как по составу её присутствия, так и по организации канцелярии; равным образом и следы деятельности этой конторы – осязательнее. Причина этого в том, что дела, какими занималась контора, относились к кругу интересных, возникавших по доносам инквизиторов, следивших за целостью интересов казны и сохранением законного порядка в действиях духовных властей. По сохранившимся сведениям, в Конторе инквизиторских дел, в первую пору по её открытию, состояло канцелярских служителей 12 человек, разновременно определенных в контору.¹⁰⁹ Между ними было 3 канцеляриста, 3 подканцеляриста и 6 копиистов. Контора первоначально действовала в Москве, где находился и Св. Синод. По возвращение последнего в С.-Петербург, переселилась сюда и Контора инквизиторских дел, вместе с заведующими оной. Во время этих перемен в составе канцелярии конторы, к половине 1723 года, насчитывалось всего 1 канцелярист и 5 копиистов. Посему заведующий конторой архимандрит Иерофей просил Синод об определении двух копиистов той же конторы в подканцеляристы. Синод уважил представление Иерофея приказав „сказать им (представленным) указ в канцелярий Синода, привести их к присяге и трактamentом определить противу обретающихся в синодской канцелярии прочей братии подканцеляристов“.¹¹⁰ Настоящее распоряжение разъясняет отношение конторы в Синоду и положение её канцелярии. В начале 1724 года Св. Синод снова переехал в Москву, вместе с делами синодальной канцелярии взяты были в Москву нерешённые и инквизиторские дела. Синод пробыл в Москве до половины того же года. Возвращаясь в С.-Петербург, Синод „для управления надлежащих для Синода дел“ в Москве предположил оставить синодального советника Иерофея,

архимандрита Новоспасского, который заведовал Конторой инквизиторских дел. Предположение это, естественно, выдвинуло вопрос о положении Конторы инквизиторских дел на будущее время. Вследствие этого тогдашний обер-прокурор, полковник Болтин, обращая на это обстоятельство внимание Св. Синода, словесно предлагал последнему: „в светской команде, для приема фискальских доношений, определена особливая контора, в которой у надлежащего по таким делам следования, обретаются особливые секретари и канцеляристы, и дабы по силе того определения повелено было и в синодальной команде на инквизиторские дела учинить таковую же контору и служителей собственных определить“. По существу, этого предположения Св. Синод рассудил: „онные инквизиторские дела ведать и отправлять синодальному советнику Иерофею, архимандриту Новоспасскому по-прежнему. А для вспоможения и отправления тех дел усмотреть ему, советнику, Московских или других знатных монастырей из архимандритов человека доброго и к приказным делам заобыкновенного и быть ему при оном синодальном советнике за асессора, также и секретаря из подчиненных Синоду приказов удобного, и канцелярских служителей, колико пристойно, усмотреть – которых по усмотрению к онным делам и определить обычайно. И дать ему, советнику, оному асессору инструкцию“. Этим рассуждением определялось положение конторы применительно к данным обстоятельствам, но Синод не ограничился этим, а, обращая внимание на будущее, старался установить общий порядок рассмотрения инквизиторских дел. Синод далее полагал: „а когда оному советнику возыметься с прочими синодальными чины из Москвы в Петербург отсутствие, и в небытность его оному определенному архимандриту те инквизиторские дела отправлять обще с оставшимся в Москве синодальным членом, и удоборешимые вершить правдиво и беспристрастно по Его Императорского Величества указам; а которых дел решать им будет невозможно, и из тех сочиня обстоятельные и перечневые ведомости, с подлинным о всем изъяснением и со мнениями присылать для конечной резолюции в С.-Петербург, в Св. Прав. Синод, при

обыкновенных доношениях и о посылке оных, также каковые дела ими будут вершены в вышеозначенному советнику присылать ему, ассессору, месячные репорты без всякого укоснения“.¹¹¹ Приведенным рассуждением Св. Синод переводил Контору инквизиторских дел в Москву и связывал ее с Московской синодального правления канцелярией в том отношении, что имеющий быть приставленным к делам конторы ассессор должен был действовать обще с синодальным советником, остававшимся в Москве при делах тамошней синодальной канцелярии. Постановляя решительное определение об оставлении в Москве „для управления надлежащих до Синода дел“ синодального советника Иерофея, архимандрита Новоспасского, Синод не преминул сделать такое же постановление и относительно Конторы инквизиторских дел: „а Инквизиторской конторе с делами, определяя Синод, из С.-Петербурга привезенными и в Москве обретающимися, которые оному советнику поручены, и скорого следования и решения требуют, быть неотлучно в Москве, при которых делах и секретарю Дудину, доколе собственный к сим делам секретарь определится, также и канцеляристу Башилову с подканцеляристы и копиисты в Москве остаться“.¹¹²

Таким образом, проведенными распоряжениями Св. Синод, если и не учредил особой конторы для рассмотрения и решения инквизиторских дел в смысле предложения обер-прокурора Болтина, тем не менее озаботился обставить эту часть соответственно предложению, поручив окончательное устройство её состоявшему при инквизиторских делах и оставленному в Москве синодальному советнику. Последний, выполняя возложенное на него поручение, „к прохождению ассессорской при инквизиторских делах должности нашел удобным настоятеля Никитского, что в Переславле Залесском, монастыря архимандрита Иосифа, – секретарем канцеляриста Монастырского приказа Алексея Телятева, природой из шляхетства“. Синод утвердил Иосифа в означенной должности; но это утверждение оказалось преддверием нового распоряжения. 30 июня 1724 г. Московская синодального правления канцелярия донесла Св. Синоду, что бывший с 1723

г. ассессором этой канцелярии архимандрит Андрониева монастыря Дионисий умер, посему просила перевести в этот монастырь Иосифа „понеже оному архимандриту из Никитского монастыря в Москву переезд и присылка припасов будет не без труда“. Синод, утвердив представление Московского синодального правления канцелярии о перемещении Иосифа в Москву, постановил, чтобы „архимандрит Иосиф имел в той канцелярии при синодальном члене заседание и именовался ассессором токмо в небытность в Москве Св. Синода“.¹¹³ Предположив определить и Телятева, Синод потребовал предварительно точных справок: „у каких он был дел и о шляхетстве его освидетельствовать и учинить выписку“. При этом Синод распорядился: „а доколе означенное повеление исполнится, в то время, против объявленного мая 22 дня 1724 г. полковника и синодального обер-прокурора Болтина словесного предложения, справясь учинить обстоятельное известие с ясным показанием, в светской команде фискальских дел следовательская контора при Сенате, или в которой коллегии особливо определена, и в которое время, и под чьей дирекцией, и на коликое число собственно при тех делах секретарей и канцеляристов и прочих служителей в штат определено и ныне обретаются, и с каким расположением, дабы и Св. Синоду удобно было основательное о том учинить определение без сомнения и исправя все вышеписанное в какой возможно скорости, обстоятельно выписать и предложить в доклад неукоснительно, а до того времени обретающиеся в синодальной канцелярии инквизиторские дела управлять по прежнему с прилежанием неотложно“.¹¹⁴ Не распространяясь о результатах этих справок, заметим, что Телятев, по предложению уже нового обер-прокурора Баскакова. 14 марта 1726 г. определён секретарем в Московскую синодального правления канцелярию.¹¹⁵

Назначенному к инквизиторским делам архимандриту Иосифу, бывшему вместе и за ассессора в Московской синодального правления канцелярии, согласно постановлению Синода, была составлена Новоспасским архимандритом Иерофеем особая инструкция, которая и была утверждена

Святейшим Синодом.¹¹⁶ По этой инструкции означенный асессор должен был принимать „подаваемые из Приказа инквизиторских дел доношения о духовных и светских лицах синодального ведомства и чинить по ним надлежащее следование“, при чем маловажные дела решать собственной властью, о немаловажных же, или „неудоборассудительных“ и „опасных“, составив из них предварительно выписки докладывать находившемуся в Москве синодальному советнику Иерофею, архимандриту Новоспасскому, а в небытность в Москве этого последнего относиться к остававшемуся в Москве синодальному члену Леониду, архиепископу Крутицкому, председательствовавшему в Московской духовной Дикастерии. С поименованными лицами означенный асессор должен был рассматривать и решать дела по доносам инквизиторов, касавшимся в чем-либо личности епархиальных архиереев. Во всех же тех случаях, когда встречалось дело, которое по причине его важности, или сомнительности, неудобно было решить и с оставшимся в Москве синодальным членом, о таком с подлинными справками, выписками приличных законов и с приложением собственного мнения представлять в Синод, уведомляя об этом находившегося в то время в С.-Петербурге синодального советника архимандрита Иерофея, которому надлежало подавать обстоятельные ежемесячные рапорты о решенных делах. Инструкция предписывала асессору наблюдать за добросовестным и усердным исполнением обязанностей приказными служителями канцелярии, и в особенности правильным ведением записи штрафных денег, взимаемых по вершенным инквизиторским делам, равно иметь контролирующие действия в отношении к самим инквизиторам. А именно инструкцией поручалось о всех провинциал-инквизиторах и инквизиторах из монашествующего и белого духовенства собрать обстоятельные сведения относительно их личности, времени вступления в монашество и определения в инквизиторскую должность, а также их благонадежности для этой должности и вообще благоповедения. О тех же, которые по собранным сведениям оказались бы причастными к предосудительным поступкам и вообще неблагонадежными или

особенно молоды, представить синодальному советнику архимандриту Иерофею с „обстоятельными выписками“ для рассмотрения. Равным образом при представлениях протоинквизитора об определении провинциал-инквизиторов и инквизиторов „опасно рассматривать“ способны ли к сему званию рекомендуемые лица, отличаются ли воздержанием и не сурового ли нрава, а о тех, которые по таковом рассмотрении окажутся достойными, представлять синодальному советнику, а в небытность его в Москве синодальному члену. К определению в инквизиторы рекомендовать лиц, достигших сорокалетнего возраста и моложе этого возраста не производить в провинциал-инквизиторы. Для успешного прохождения обязанностей асессору были даны для соображений копии с инструкций прокурорской и инквизиторской.¹¹⁷

Из рассмотрения требований этой инструкции открывается, что Контора инквизиторских дел с заведующим оной ставилась в общем порядке делопроизводства в близкое и солидарное отношение с Московской синодального правления канцелярией, когда оной управлял синодальный советник Иерофей, архимандрит Новоспасский, ведавший инквизиторские дела, а в отсутствие его – с Московской духовной Дикастерией, где председательствовал синодальный член Леонид, архиепископ Крутицкий. Действительные факты подкрепляют этот вывод, представляя деятельность Конторы инквизиторских дел сопряженной с деятельностью Московской синодального правления канцелярии. В организованное таким образом присутствие Инквизиторский приказ препровождал донесения инквизиторов, равным образом сюда же и Св. Синод направлял поступавшие к нему донесения тех же лиц.¹¹⁸ Московская синодального правления канцелярия с особо образованным при ней присутствием конторы и оставалась надлежащим учреждением для производства инквизиторских дел. Когда в 1727 году у Св. Синода созрела мысль о прекращении деятельности инквизиторского института в виду обнаруженных со стороны инквизиторов злоупотреблений и непорядков, в то время Синод предписал Московской синодального правления

канцелярии собрать надлежащие справки в своих делах, также в Московской духовной Дикастерии, а в Приказе инквизиторских дел о том „кто, когда, куды из каких чинов в провинциал-инквизиторы и инквизиторы, с каким свидетельством определены, и учинина-ль от кого-либо из них хотя малая какая правильная польза, также от кого из них противные явилась поступки, и что каких известий и дел о тех их непорядках находится, дабы то все изыскано и расписано было без всякого упущения и те выписки из оной Московской синодальной канцелярии прислать в С.-Петербург в Св. Синод, и, сообщая с здешними, предложить к рассмотрению“.¹¹⁹ Не дождавшись затребуемых сведений, Св. Синод, как бы утомленный разбирательством дел „о непорядочных поступках“ некоторых из провинциал-инквизиторов, 16 марта 1727 года постановил: „как в синодальной области, так в во всех епархиях провинциал-инквизиторов в инквизиторов от дел их до указу отрешать и содержать, где пристойно, под присмотром в братстве“.¹²⁰ С прекращением деятельности инквизиторов должно было последовать прекращение существования и Конторы инквизиторских дел. Впоследствии Синод вообще устранился от рассмотрения дел об инквизиторах, предоставив оные окончательному решению епархиальных архиереев по принадлежности.¹²¹

Таким образом, обзревая в частных обнаружениях деятельность тех контор, которые были учреждены Св. Синодом, в видах собственного его облегчения и для вящего удобства в заведывании отдельными частями синодального управления, необходимо заключить, что деятельность этих контор не была особенно производительна, а вместе в продолжительна вследствие того, что конторы эти вообще были тесно связаны с заведовавшим лицами; с переменой положения этих лиц происходили изменения и в учреждениях, порученных им. Немаловажное значение в судьбе этих контор имело и то обстоятельство, что почти все они были учреждены в то время, когда Св. Синод находился в Москве и следовательно назначение их было соображено с условиями тогдашнего положения дел и с потребностями синодального действия.

Переезд Св. Синода из Москвы в С.-Петербург неизбежно отражался на положении этих контор и осязательности их действий. Действительные факты дополняют, что и при существовании этих контор Синоду приходилось самому полагать решения по маловажным делам. От 1724 года встречаемся с рассуждениями Св. Синода об умножении дел, между которыми обретаются доношения „не о важных и высшему Св. Синода рассуждению подлежащих, но о мелких и неважных делах“.¹²² Вследствие таких рассуждений Св. Синод предписывал по своему ведомству, чтобы ему впредь о мелких и неважных делах не докучали, дабы от того в важных духовных правлениях помешательства не было. Подобные рассуждения и предписания, предполагая вообще слабую со стороны подведомственных Св. Синоду учреждений помощь, говорят и о том, что существовавшие в Св. Синоде учреждения главным образом устремляли свою деятельность на подлежавшие непосредственному ведомству Св. Синода предметы и при том по преимуществу из круга собственного синодального управления. Широта этого управления на первых порах деятельности Св. Синода и была ближайшей причиной учреждения контор из подражания порядкам светских установлений. Сокращение этого управления делало излишним существование при Синоде вспомогательных учреждений, каковыми служили рассмотренные конторы.

Глава III. Учреждения епархиального характера при Святейшем Синоде

При высшем управлении делами всей русской церкви. Св. Синод, в первое время своего существования, имел в своем непосредственном заведывании особую область. Такой областью в С.-Петербурге была вся местность новозавоеванного в то время края, обнимавшего вообще нынешнюю С.-Петербургскую губернию. До учреждения Св. Синода, эта местность, именуясь городом С.-Петербургом с новозавоеванными городами и их уездами, по делам церковным относилась к пределам Новгородской епархии. Тогдашний митрополит этой епархии Иов сам непосредственно ведал церковные дела новозавоеванного края. С этой целью митрополит Иов и лично посещал С.-Петербург и новозавоеванные города и делал непосредственные распоряжения о построении церквей, снабжении их духовенством в необходимыми богослужебными принадлежностями. При отдаленности от Новгорода и разбросанности новозавоеванных местностей, Иову конечно, затруднительно было с успехом исполнять требования непосредственного надзора за жизнью и поведением духовенства и за нравственным состоянием паствы. Вследствие этого в 1708 г., по указу государя Петра I, Иов, в качестве своего наместника, отправил в С.-Петербург, для надзирания здесь и в новозавоеванных городах с уездами церковного благочиния, архимандрита Новгородского Хутынского монастыря Феодосия (Яновского), впоследствии архиепископа Новгородского и вице-президента Св. Синода. В 1712 г. Феодосий был назначен архимандритом новооснованного в то время Александро-Невского монастыря и утвержден главным надзирателем (духовным заказчиком) по церковным делам всей новозавоеванной области. Для сосредоточения и удобства отправления дел по управлению, Феодосий учредил при Александро-Невском монастыре особую канцелярию, в которую и поступали все бумаги, касавшиеся церковных дел края и

указы государя на имя Феодосия, который и разрешал дела по указанию митрополита Иова, или по докладу государя. По смерти Иова (3 февраля 1716 г.) Феодосий в решении церковных дел руководствовался указаниями местоблюстителя патриаршего престола, жившего в С.-Петербурге (с мая 1718 г) и бывших на черед епископов. В 1721 г. Феодосий, по докладу Стефана Яворского, был наречен (1 января) Новгородским архиепископом, а 14 февраля открыл свои действия Св. Синод.¹²³ С такими переменами естественно должны были последовать изменения в заведывании С.-Петербургом и новозавоеванными городами с уездами. Последние, обособившись в церковном отношении во время управления Феодосия, окончательно были отделены от епархии Новгородской, но, не получив своего особого епископа, поступили в непосредственное заведывание Св. Синода, образовав, так сказать, синодальную епархию с именем „С.-Петербургской синодальной области“, по примеру существовавшей в Москве прежде „патриаршей“, теперь синодальной, области. Принятие Св. Синодом в свое непосредственное заведывание новозавоеванных местностей С.-Петербургского края очевидно требовало особых учреждений, которые и явились при Св. Синоде и находились под его непосредственным ведением до открытия в С.-Петербурге самостоятельной епископской кафедры. Учреждения эти, сменяя одно другое, имели свою историю.

1.Тиунская (палата) контора

Озабочиваясь устройством церковного управления в С.-Петербурге и в новозавоеванных местностях, Святейший Синод, по определению 17 апреля 1721 г., учредил при себе „особливое духовное правление“, т. е. тиунское. Назначение этого правления Святейший Синод изъяснил таким образом: „в С.-Петербурге и при нем в новозавоеванных городах и уездах, а именно: в Шлиссельбурге, в Ямбурге, Выборге, в Копорье, на Котлине острове, надсмотрение во святых церквах всякого благочиния, и дабы церковные служители житие свое имели исправно и правильно, и никаких бы непотребств ими не чинилось, и между теми церковными и духовными и мирскими персонами в приключаящихся делах, также и в прелюбодейном грехе оных, иметь справедливое суждение, по святым правилам и по Его Царского Величества указам без всякого фальша, также всемерно тцаться и о сыску раскольников, которые являются церкви святой несогласные, паче же и противники, дабы тое их раскольническую прелесть весьма искоренить, и ежели таковые сысканы будут, а по допросам их и по прилежному к ним увещанию которые от той раскольнической прелести не обратятся, а пожелают оклад платить вдвое, таковых записывать в расколе и имать с них штрафы противу тяглого платежа их вдвое. Да в том же правлении иметь Санкт-Петербургу и уезду откуп вечным памятям и сбор с них пошлинным деньгам, а в помянутых новозавоеванных городах оный сбор ведать определенным там управителем, токмо под его тиунским ведомством, и оные с раскольников штрафные и венечные памяти и с них сборные и по делам пошлинные и штрафные же деньги записывать в приходные книги именно, без утайки, и о тех деньгах рапортовать ему тиуну повсемесечно, а с доношениями оные деньги вносить в Правительствующий Духовный Синод по третям года“.¹²⁴ Изложенные в общем, но определенном виде занятия вновь учреждённого Тиунского правления, еще подробнее были изъяснены в тогда же начертанное тиуну Калязина монастыря архимандриту

Трифилию, инструкции. По этой инструкции „Тиунское правление есть некоторая часть под правлением синодального правительства“. „Для суждения и вершения определенных ему дел“ правление должно иметь „вселенских и поместных соборов каноны, и соборное уложение и после того уложения состоявшиеся Его Царского Величества указы и Генеральной, Духовной и Военной Регламенты и прочее, к тому правлению приличествующее“. Главным действующим лицом Тиунского правления является тиун, который обращается к Святейшему Правительствующему Синоду во всех тех случаях, ежели встречается какое-либо затруднение, или недоразумение, неудоборешаемые собственной властью тиуна. В Санкт-Петербурге и при нем в новозавоеванных городах, и на Котлине острове, и в весях „во святых церквах имея надсмотрение всякого благочиния и правильного в оных исправления“, тиун, в частности, по инструкции обязывался наблюдать за священно и церковно-служителями „в своем звании исправно ли пребывают, не пьянствуют ли о в церкви не кощунствуют ли“, не допускать мирским людям „принимать к церковному служению, священников и диаконов, которые, оставив церкви свои, волочатся семо и овамо; но таковых ловить и отсылать к прежним их церквам за поруками“; в случае же их упорства, „объявлять о таковых в доношении Святейшему Синоду“; равно не велеть никому держать в домах и „крестовых попов“; священников и диаконов, которые „от архиереев за преступления обнажены священства, а ходят в лице священном, ловить и доносить о том Правительствующему Синоду“; священников „в полку воинскому“, без „письменного позволения своего епископа“ не допускать, но отсылать таковых в епархии в архиереям, по учинении им за то преступление „наказания“; накрепко смотреть над церковниками всякого звания, дабы „не происходила от них непотребные обыкности, а именно: не шумели бы и не ложились спать до улицам, или что горшее, во святых церквах не шумели пьяные, не делали бы церковного молебствия двоегласно, не ссорились бы по мужичью на обедах, не истязовались бы в гостях подчиванья и не являли бы силы и храбрости в питье, не мужались бы в боях

кулачных, не ходили бы простовласы, не шли бы по кабакам, и ежели в оных явятся наказывать их жестоко и впредь воспретить им под жестоким же наказанием, чтобы на себе хранили благообразие, а священникам и диаконам иметь и одеяние верхнее, хотя и убогое, токмо бы было единое черной краски“. Прилагая всевозможные старания в обнаружении раскольников и в искоренению „раскольнической прелести“, инструкция начертывала особые правила для руководства Тиунскому правлению и в атом отношении, предписывала священникам „болящих“ исповедовать наедине, а „святых тайн“ сподоблять при церковниках и при людях дому того в устранение подозрения в укрывательстве раскольников, не утаивать крещения детей по подкупам раскольников, следить за посещающими приходские дома „чернцами и учителями раскольническими, а также льстецами и пустосвятами“, накрепко смотреть, чтобы все прихожане каждый год исповедовались и приобщались св. тайн, а отсутствующие доставляли о сем удостоверения от тех священников, у которых исполняли христианский долг; от подозреваемых в приверженности к расколу отбирать присягу в том, что они не сторонники раскола; раскольнических лжеучителей представлять в Тиунскую палату для допроса. Вообще относительно раскольников требовалось „весьма с прилежно тщательным радением смотреть, дабы как возможно их сыскивать и допрашивать, кто у них той раскольнической прелести учитель, и ту их воровскую прелесть искоренять, а ежели кто от той раскольнической прелести не обратится, а пожелает против наложенного на него повсегодного окладу, платить вдвое, таковых, буде кто из них таковой прелести не учитель, записывать и с них положенной повсегодный оклад имать в Тиунскую, и в том давать отписи, в которых подкрепление писать, дабы он той раскольнической прелести других никого не учил и у себя учителей не держал...а ежели из тех раскольников явится их воровской раскольнической прелести учитель, таковых объявлять в Правительствующем Синоде“. Относительно скоропостижно умерших без покаяния и св. причастия предписывалось „без похоронных памятей“ из

Тиунской не погребать, но предварительно исследовать не был ли умерший противником православной церкви, не лишил ли себя жизни отравами, не был ли подвержен хмельным напиткам, таковых погребать не у церкви, а вне оной. Тиуну предписывалось наблюдать, чтобы священники не венчали сомнительных браков, а также браков не сомнительных, но чужеприходных; о незаконно живущих в грехе прелюбодеяния и любодеяния „суждение чинить справедливо по святым правилам и по указам Царского Величества, кто чему будет достоин“. Тиуну же вменялось в обязанность смотреть, дабы „сложенных и вновь слагаемых канонов и акафистов и прочих молитв рукописных без указа Правительствующего Духовного Синода не было в обращении“.

По существу, вышеизложенных с других содержащихся в инструкции, возлагавшихся на тиуна обязанностей, Тиунская контора предназначалась Святейшим Синодом и служила для отправления епархиальных дел в С.-Петербурге и прилежавших к нему новозавоеванных городов, с островом Котлином и другими селениями. Эта контора в действительности заменяла епархиальное учреждение, при посредстве которого Святейший Синод проводил свои распоряжения епархиального свойства. Так, например, в 1722 г. Святейший Синод поручал Тиунской конторе составить ведомость о находящихся в С.-Петербурге и новозавоеванных городах с уездами священниках и диаконах и церковниках с показанием, кем священники и диаконы поставлены, а церковники определены к их местам, по указам и по чьим требованиям. Из собранных во исполнение этого распоряжения сведений оказалось, что священники и диаконы, бывши поставлены разными архиереями, не имеют у себя ставленных грамот, а церковники новоявленных памятней. Представляя о таковых обстоятельствах Святейшему Синоду, архимандрит Трифилий вопрошал: „и о таковых не имеющих священниках, диаконах ставленных грамот и церковниках новоявленных что ваше святейшество соизволит?“. По этому поводу Святейший Синод постановил: „оним обретающимся в С.-Петербурге поставленным священникам и дяконам и впредь поставляющимся ставленные грамоты подписывать

обретающимся в синодальном собрании архиереям, но церковным причетникам новоявленные памяти закреплять вышеозначенной Тиунской конторы судье, имея за те ставленные грамоты и новоявленные памяти указные, в бытность святейших патриархов определённые, пошлины, которые в приходе записывать обычно!“. ¹²⁵ В том же году Святейший Синод через Тиунскую контору объявляет пасторам при иностранных кирках в С.-Петербурге свое определение о том, чтобы они „неукоснительно в высокоторжественные и викториальные дни отправляли благодарственное по их закону молебствие“ ¹²⁶. Контора вообще обязана была Синодом доставлять ему сведения об иностранных церквях. ¹²⁷ В сентябре 1723 г. вице-президент Святейшего Синода преосвященный Феодосий, архиепископ Новгородский, предлагал Святейшему Синоду: „в бытность в Великом Новгороде викария новгородской моей епархии, Аарона епископа Карельского, город Кексгольм, то есть Корела с уездом, по данному ему, епископу, титулу, хотя и в дальнем от Новгорода расстоянии обретающийся, содержим был духовным и прочим правлением под его епископской дирекцией и под ведением Новгородского моего разряда, отсюда и указы о всяких делах по его, епископа, в Новгороде бытность отправляются. А ныне именным Императорского Величества указом и Святейшего Синода определением, он, епископ, отпущен, по требованию его на обещание в Нилову пустынь, в которую в последних прошедшего августа числах из Новгорода выехал. А оный город Кексгольм с уездом ни под чье ведение по нем не определен, и собственного престолоправителя ныне не имеется, а подобные тому к Санкт-Петербургу прилежащие: Шлиссельбург, Выборг, Котлин остров, Ямбург и Копорье всякими духовными делами ведомы в Санкт-Петербургской Тиунской конторе, в которой и тому городу Кексгольму ведомо быть приличествует“. Согласно такому предложению, Святейший Синод и сделал свое постановление, распорядившись, чтобы город Кексгольм с его уездом с этого времени „духовным всяким правлением ведом был в Санкт-Петербургской Тиунской конторе“. ¹²⁸ Приведённые распоряжения ясно указывают, что существовавшая при Синоде

Тиунская контора служила для Синода вспомогательным учреждением, при посредстве которого Святейший Синод исполнял свои постановления, имевшие характер епархиальных распоряжений,¹²⁹ равным образом и контора действовала по непосредственным указаниям Синода, которому она обязана была еще по первоначальной инструкции тиуну ежемесячно подавать рапорты „о вершенных и невершенных делах“ с показанием важности дел, а „ежели прилучится какое важное дело, доносить как то дело прилучится“.¹³⁰ В отсутствии Святейшего Синода из С.-Петербурга контора поступала в ведение остававшихся в столице синодальных членов и заступавших во время отсутствия Св. Синода в Москву его место учреждений.¹³¹

Первым судьёй Тиунской конторы был Трифилий, архимандрит Калязина монастыря, назначенный в эту должность при самом учреждении конторы. Трифилий и оставался в этом звания до 28 Июня 1728 г., когда по словесному повелению императора Петра I, объявленному вице-президенту Святейшего Синода, Новгородскому архиепископу Феодосию в Троицком соборе, был назначен к переводу на место настоятеля Саввино-Сторожевского монастыря.

Судьёй Тиунской конторы тогда же указано определить из синодальных асессоров Троицкого протопопа Иоанна Семенова с увольнением его из синодальных асессоров, ибо на его место тогда же назначен Рафаил Заборовский, бывший прежде обер-иеромонахом флота, а теперь переведенный в Калязин монастырь, вместо Трифилия. Предначертанные распоряжения, по приведении их в исполнении Синодом, были утверждены государем 16 сентября 1723 г, и с этого времени Семенов вступил в заведывание Конторой. Потеря Семеновым звания синодального асессора из-за назначения его судьёй Тиунской конторы, не могла остаться без последствия и не вызывать со стороны Семенова попыток к сохранению за собой потерянного звания. В 1724 г., по случаю отъезда Святейшего Синода в Москву, в С.-Петербурге при синодальной канцелярии, для отправления синодальных дел, были оставлены синодальные

асессоры: архимандрит ярославского монастыря Афанасий и протопоп Петропавловского собора Петр Григорьев.¹³² Этим лицам, оставленным при них для исправления „приказной должности“ секретарем Тишиным было заявлено, что „обретающийся при С.-Петербургской Святейшего Синода канцелярии Тиунские конторы судья протопоп Троицкого собора Иван Семенов требует, чтобы в посылаемых к нему указах писать ему чин „синодального асессора“. По этому словесному Тишина заявлению, упомянутые асессора постановили: „без собственного о том Святейшего Синода повеления, асессором его протопоба не писать, для того, что по справке с записной состоявшимся именным Его Императорского Величества указом книгой, означилось, что он из асессоров отрешен письменным Его Императорского Величества указом, а чтоб ему, будучи в Тиунской конторе судьей, нарицаться и асессором синодальным, такого достоверного определения в здешней синодальной канцелярии не обретається; к тому же, если и асессором его писать, то уже и местом в заседании при всем Святейшем Синоде почесть нужно, еще же суждение имеется, как бы сверх судейского по Тиунской конторе трамента, не потребовал он и на асessorство жалованья“.¹³³ Святейший Синод иначе взглянул на возбужденный вопрос и, по определению от 2 Июля 1725 г., постановил: „оному протопопу Иоанну Семенову именоваться по прежнему синодальным членом и в посылаемых в оную Контору указах и в прочих канцелярских корреспонденциях писать его синодальным асessorом и Тиунской конторы судьей“.¹³⁴ Подобным распоряжением по-видимому навсегда упрочивалось настоящее положение Семенова; в действительности же, спустя год. Святейшему Синоду пришлось возбуждать вопрос о бытие самой конторы. Дело в том, что когда манифестом от 15 Июля г. Святейший Синод был разделен „на два апартамента“, и первый образован „во шести персонах архиереев“, о синодальных членах протоиерейского сана было заключено: „а протопопам, которые в Синоде присутствовали, быть по-прежнему у своих соборов“.¹³⁵ Таким распоряжением Семенов наряду с прочими отрешался от звания синодального члена и

должности судьи. Вследствие этого Святейший Синод, между другими недоуменными мероприятиями по поводу приведения высочайшего манифеста в исполнение, во всеподданнейшем докладе вопрошал и о том „в С.-Петербурге Тиунской конторе быть же ли?“.¹³⁶ По этому пункту доклада преосвященный Георгий, архиепископ Ростовский и Ярославский, 16 Декабря 1726 г. словесно объявил Синоду высочайшее повеление, чтобы учинено было совершенное решение относительно отрешения „Троицкого протоиерея Иоанна Семенова от Тиунской конторы“. Во исполнение этого повеления Синод постановил: „предложить (о сем) Святейшему Синоду впредь, когда определенные в С.-Петербург, в годовую к будущему 1727 г. священнослужения череду архимандриты придут, чтобы из них кого пристойно, вместо того протопопа в оным Тиунской конторы делам определить по рассмотрении Святейшего Синода было возложено“.¹³⁷ На упомянутый год были вызваны два архимандрита: Рождественна, что во Владимире, монастыря, Сергей, и Пафнутьева, что в Боровске, монастыря, Корнилий. Из них Синод 20 января 1727 г. назначил Сергия с таким пояснением: „в помянутой Тиунской конторе, на место Троицкого протопопа Иоанна Семенова судьёй быть, и между духовными персоны и церковными причетники и прочими людьми, до которых духовные дела касаться будут, надлежащую расправу чинить, как правила святых апостол и богоносных отец и гражданские права повелевают, помянутому Рождественна монастыря архимандриту Сергию... а ежели в каковых делах явится, что сомнительно, и собой он, архимандрит, решить не возможет, о том ему доносить Святейшему Синоду“.¹³⁸ Настоящим пояснением уже намекалось на сокращение круга деятельности Тиунской конторы и на упадок её значения.

Канцелярия Тиунской конторы с начала её существования представляется отдельной от канцелярии синодальной. При учреждении Тиунского правления предполагалось, что при тиуне этого правления архимандрите Калязина монастыря Трифилии, имеют быть „служители“, которые должны вместе с ним учинить присягу на верность службы. В том определении не была указаны число и звания этих служителей, но в сообщенных в

1722 году от Синода Правительствующему Сенату штатах Святейшего Синода и подведомственных оному мест, по табели обретающейся в С.-Петербурге Тиунской конторы полагалось: один канцелярист, два подканцеляриста, четыре копииста и два сторожа.¹³⁹ В действительности же по открытии Тиунской конторы и при вступлении в должность судьи протопопа Иоанна Семенова, в штате её канцелярии находились один канцелярист, один подканцелярист и три копииста „для вспоможения последним в письме были нанимаемы еще три копииста“. Указывая на недостаточность этого штата. Семенов просил Святейший Синод, чтобы в Конторе „для отправления всяких монастырских, тиунских и прочих приличных той конторы судных дел“, в штате её канцелярии было два канцеляриста, два подканцеляриста и восемь копиистов; при этом Семенов на должность второго канцеляриста представлял подканцеляриста Баженова, а на должность второго подканцеляриста копииста Филиппова; Синод уважил представление Семенова.¹⁴⁰ По штату Тиунской конторы предполагалось быть в её канцелярии: секретарю, канцеляристу, подканцеляристам (2), копиистам (6), сторожам (2), в действительности же находилось: секретарь, канцелярист, подканцеляристов два, только недолго, копиистов четыре и сторожей два.¹⁴¹ По образовании из второго апартамента Святейшего Синода Коллегии экономии, для канцелярии последней указано было отделить сколько надлежит „служителей“ из синодальной канцелярии и Тиунской конторы по рассмотрению обер-секретаря и секретарей.¹⁴² При всех переменах Тиунская контора пользовалась соответственным епархиальному учреждению значением.

2. Тиунская изба

С изменением положения Святейшего Синода, по разделении его на два апартамента, естественно должны были последовать перемены в состоявших при нем и подведомственных ему учреждениях. Дело в том, что при последовавшем разделении, компетенция Святейшего Синода была сокращена и в распоряжениях он был подчинен Верховному Тайному Совету. То и другое должно было влиять на судьбу синодальных учреждений. От 19 августа 1727 г. встречаемся с таким манифестом от имени императора Петра I из Верховного Тайного Совета: „указали мы в Тиунских избах в Санкт-Петербурге и Москве, секретарям и подьячим не быть, а писать в тех избах, как было издревле певчим, и повелеваем Святейшему Синоду учинить о том по сему указу“. Синод ясно понял цель этого указа, и во исполнение требования одного постановил: „от этого времени тое (Тиунскую) контору – конторой не именовать и не писать, а именоваться ей Тиунской избой, а подлежащие до духовного правительства дела и отпуск венечных памятей, кроме судебных и других светской команде подлежащих, дел отправлять в той Тиунской избе судье Рождественского, что во Владимире, монастыря архимандриту Сергию“. С отменой наименования прекратилась и деятельность Тиунской конторы. В том же определении Святейший Синод поручал заступившей место конторы Тиунской избе, „имеющиеся в ней прежние дела вершенные и невершенные описать, по приказной должности, я тое опись взнести для рассмотрения в синодальную канцелярию; и как внесена будет, то на ней, рассмотри, учинить расписание каковым делам где быть надлежит, и тое расписание предложить к синодальному рассмотрению“.¹⁴³ Подобным распоряжением уже преуказывалось временное существование Тиунской избы, каковое и продолжалось только до 13 декабря 1727 г. Святейший Синод, рассудив о выдаче подьячим Тиунской избы жалованья за январскую и майскую трети 1727 г., в заключение постановил: „а с этого времени оной Тиунской избе не быть,

потому что всякое надзирание церковного благочиния за духовных дел отправление имеет быть в Святейшем Синоде, а дела взять в синодальную канцелярию немедленно”.¹⁴⁴

При переименовании Тиунской конторы в избу, для письма в оной при архимандрите Сергии указано быть двум подьячим до указу, а прочих приказных отослать в Герольдмейстерскую контору, секретаря от дел отрешить.¹⁴⁵ При упразднении 15 декабря 1727 г. Тиунской избы, служившими в ней „подьячими“ поименовано шесть человек, в том числе один канцелярист, один подканцелярист и четыре копииста. При закрытии избы все они вместе с сторожами были отрешены от должности и оставлены без жалованья.¹⁴⁶

Для большего уяснения положения Тиунской избы, во время Верховного Тайного Совета при Петре II, полезно отметить, что в то время сознавалась правительством мысль о назначении для С.-Петербурга и прилегающих к нему уездов новозавоеванных городов особого епископа. Тогдашний синодальный обер-прокурор Баскаков докладывал Святейшему Синоду, что в бытность его в Верховном Тайном Совете обер-секретарь последнего объявил ему „дабы в С.-Петербурге и в прочих завоеванных городах и уездах, к С.-Петербургу присутствующих, под ведомством синодским обретающимся, священников с причетниками ведать и всякое над ними благочиние наблюдать собственно преосвященному Игнатию митрополиту Коломенскому и Каширскому“. По поводу этого предложения Святейший Синод, довольно рассуждая, постановил: „требовать о том письменного в Св. Синод указа, с таким повелением, чтобы оных священнослужителей ведать ему, преосвященному Игнатию, митрополиту, не токмо надзиранием во благочинии, но и всяким правлением оные к С.-Петербургу прилежащие города и уезды содержать так, как и прочие архиереи епархии свои ведают”.¹⁴⁷ Есть данные, удостоверяющие, что митрополит Игнатий действительно некоторое время пользовался положением епископа в С.-Петербурге, распоряжался церковными делами, и подпись его имеется под бумагами Тиунской избы.¹⁴⁸

3. Санкт-Петербургское духовное правление

По закрытии в конце 1727 г. Тиунской избы, в виду предстоящего в начале – „по первому зимнему пути“ – будущего 1728 г. отъезда Св. Синода в Москву на коронацию императора Петра II, согласно рассуждению Верховного Тайного Совета, предположено Синодом вместе с оставляемой частью канцелярии синодальной оставить в С.-Петербурге „для управления дел“ Игнатия митрополита Коломенского, до прибытия в годовую священнослужения череду Питирима архиепископа Нижегородского.¹⁴⁹ Питирим прибыл в С.-Петербург до отъезда в Москву членов Синода и вступил в заведывание оставшейся синодальной канцелярией и в управление епархиальными делами в Петербургском крае.¹⁵⁰ Питирим деятельно управлял вверенными ему делами, как свидетельствуют о том многочисленные и, нужно прибавить, властные распоряжения.¹⁵¹ На место Питирима, вместо отказавшегося по болезни Иоакима Суздальского, был вызван Рафаил, епископ Псковский, который и прибыл в конце декабря 1728 г. и, по примеру предшественника, правил делами. При Рафаиле, в марте 1729 г., и оставленная часть синодальной канцелярии была вызвана в Москву „за малоимуществом приказных служителей“.¹⁵² Управление же духовных дел по С.-Петербургу и новозавоеванным городам поручено бывшему некогда судье Тиунской конторы, Троицкому протопопу Иоанну Семенову „с ведома обретавшегося в С.-Петербурге на чередѣ священнослужения преосвященного Рафаила, епископа Псковского и Нарвского“. При этом для Семенова, как управителя, было начертано особое положение: „а помянутому протопопу, постановил Синод, быть у тех дел, яко заказчику так, как и в прочих епархиях в десятинах заказчики учреждены; а к управлению тех дел взять ему, протопопу, церковных причетников потребное число, удобных людей, или кого он заблагорассудит, а которых дел собой решить ему, протопопу, будет невозможно, о том присылать ему в Москву в Святейший Правительствующий Синод доношения с приложением своего

мнения“.¹⁵³ В приведенном постановлении намечались уже задатки для новой формы управления. В этом смысле и понял свое положение протопоп Семенов. Представляя Святейшему Синоду о принятии в свое заведывание поручаемых дел, Семенов просил Святейший Синод о назначении к нему „особливых подьячих“ из приказных служителей, так как вверенных ему дел без приказных служителей управлять невозможно по той причине, что церковные причетники, которыми Синод указал ему довольствоваться, люди малограмотные, большей частью не умеющие писать, обремененные обязанностями церковной службы и бедностью, а также отвести для его управления помещение в синодальном каменном доме. При этом Семенов вопрошал Синод и о том, „каким образом в корреспонденциях с другими командами поступать и как тому управлению именоваться и в подчиненным писать“. По этому доношению Синод постановил: „оного Троицкого, что в С.-Петербурге, собору протопопу Иоанну Семенову, будучи при отправлении оных дел, писаться С.-Петербургским духовных дел управителем, а для письма и отправления тех дел, по силе прежнего синодального определения, довольствоваться ему тамошним церковниками; а ежели ими удовольствоваться не может, то приискивать ему подьячих людей, добрых и неподозрительных, самому и пропитание тем подьячим иметь по вышеписанному его, Протопопову, мнению, от оных духовных дел, кто что по возможности своей даст, и для управления тех духовных дел и на случающихся колодников занять ему, протопопу, в синодальном каменном доме, в нижнем апартаменте две или три палаты; а на приказные необходимые расходы, на покупку чернил, бумаги, свеч и дров, как в С.-Петербурге, так и в прочих завоеванных заказу его городах и местах, собирать со всякой венечной памяти, сверх настоящих пошлин, по 3 копейки, и те деньги особливо, не сообщая с настоящими положенными сборы, записывать в зашнурованные приходные и расходные книги именно, и колико каких сборов в приходе и в расходе, также и что каких вершенных и невершенных дел впредь будет, о том в Святейший Правительствующий Синод репорта

присылать повсемесечно без всякого упущения, под опасением за неисполнение тяжкого истязания и штрафа; а со обретающимися там коллегиями и канцеляриями о всяких делах сношение иметь промемории, а в подчинённые места посылать указы”.¹⁵⁴ На изъясненных началах созидалось новое учреждение, которое, начиная свою деятельность вдали от Синода, должно было действовать под ведением обретавшегося в С.-Петербурге на чередѣ служения Псковского епископа Рафаила, который, однако вскоре выбыл в свою епархию. Равным образом и находившийся в С.-Петербурге при духовном правлении Троицкий протопоп Иоанн Семенов также скоро, именно 21 марта 1730 года, был переведен в Москву протопресвитером в Благовещенский собор при доме Её Императорского Величества на место умершего протопресвитера Иакова Федорова. Духовное в Петербурге правление и всякие дела поручено „до указу ведать и по святым правилам исправлять петропавловскому протопресвитеру Петру Григорьеву”, который должен был принять от Семенова все дела и деньги по описи с распиской, каковыя и препроводить с Семеновым в Святейший Синод при доношении”.¹⁵⁵ Григорьев оказался не на высоте порученного ему управления, а потому Святейший Синод признал необходимым изменить саму форму этого управления, образовав его по началам коллегиального устройства. Синод постановил: „в оном Санкт-Петербургском духовном правлении для лучшего и порядочного дел исправления с помянутым протопопом Петром заседание иметь Санкт-Петербургских же соборов протопопам, а именно: первому Троицкого Иоанну Семенову, второму вышеобъявленному Петропавловского Петру Григорьеву, третьему Исаакиевского Иосифу Чедневскому, которым, будучи в том духовном правлении поступать и всякое отправление по делам чинить по силе святых правил и регламентов и указов праведно и беспристрастно, опасаясь за неправду тяжкого штрафа”. Всех именованных лиц для „верности” в службе Св. Синод поручил Александро-Невского монастыря архимандриту Петру привести „по обыкновенно к присяге и присяжные листы прислать в Синод в Москву”.¹⁵⁶ К означенному составу

присутствия вскоре был приобщен один из очередных архимандритов, которых с 5 июня 1732 года, по докладу Св. Синода, стали вновь вызывать в годовую священнослужения череду.¹⁵⁷ Первым из таких архимандритов в самом конце того же 1732 г. в Духовном Правлении является Иов, архимандрит Костромского Богоявленского монастыря.¹⁵⁸ Секретарем правления 8 апреля 1731 г. был определен Св. Синодом Василий Тишин, бывший секретарем синодальной канцелярии, остававшийся в то время без места. Кроме него в канцелярии правления были канцелярист, подканцеляристы и копиисты.

По определению Св. Синода, члены Духовного правления „для рассуждения и решения дел“, кроме воскресных и праздничных дней, должны были иметь „повседневное заседание, а паче в те дни, в которые бывают собрания и в Св. Синоде“. Компетенция правления простиралась вообще на дела епархиального свойства, как, например построение и освещение церквей, отправление в них богослужения, назначение к ним причетов, ведение им списков, надзор и наблюдение за ними, дела брачные, раздача по церквам венечных памятей, взимание за них пошлин и другие сборы. Свою деятельность правление отправляло под непосредственным ведением Св. Синода, в канцелярию которого подавало ежемесячные донесения о „происходящих в правлении делах, и о взимаемых сборах“. В отсутствие Св. Синода в Москву, правление поступало под ближайшее наблюдение синодальной конторы и заведовавшего последней синодального члена, которому подробно о сем предписывалось в инструкции.¹⁵⁹ С назначением по высочайшему указу Елизаветы Петровны, 1 сентября 1744 года, особого в С. Петербург епископа, с образованием особой С.-Петербургской епархии, Духовое Правление утратило непосредственную зависимость от Св. Синода и поступило в ближайшее управление местного епископа. О такой перемене Св. Синод, находившийся в то время в Москве, известил С.-Петербургскую синодальную контору, которая уведомила об этом С.-Петербургское духовое правление, а это последнее тогда же поставило об этом в известность подведомых ему

благочинных и заказчиков с церковными причетами.¹⁶⁰ Первым в С.-Петербурге епархиальным епископом с именем "С.-Петербургского и Шлиссельбургского,, был Никодим по фамилии Сребницкий.

Таким образом, всматриваясь в те учреждения, которыми пользовался Св. Синод для заведывания церковными делами новозавоеванных городов С.-Петербургского края, до открытия здесь епископской кафедры нельзя не признать, что эти учреждения были необходимы для Синода в виду действительного управления означенным краем. А потому эти учреждения, если под влиянием сторонних обстоятельств прекращали свою деятельность, то вскоре же возникали вновь. В преемственной смене этих учреждений заявляли себя преемственность начал старого отжившего склада епархиальной администрации. А потому эти учреждения, оказываясь не по времени, должны были наконец уступить место новым, формировавшимся по требованиям нарождавшегося строя епархиальной жизни. Особенно примечателен в этом отношении момент, когда Св. Синоде, все еще придерживаясь старых традиций, поручал Троицкому протопопу Иоанну Семенову ведать управление духовных дел в новозавоеванном крае по примеру заказчиков, действовавших в десятинах по епархиям. Поручение это, бывши повторено преемнику Семенова, Петропавловскому протопопу Петру Григорьеву, оказалось неудачным и потребовало изменений. Устройство С.-Петербургского Духовного правления по-новому, коллегиальному типу положило решительную грань перехода старых учреждений, так сказать, до синодальной конструкции – к учреждениям новым – синодальной формации. Словом, если бы пришлось исследовать вопрос о замене прежних святительских приказов и домовых архиерейских правлений новыми учреждениями, подготовившими почву для нынешних духовных консисторий, – то описанные учреждения епархиального характера при Святейшем Синоде дали бы свежий материал и верное указание для освещения переходной эпохи. Вообще возникшие в новозавоеванном крае, при ближайшем участии и так сказать, на виду Св. Синода, под

влиянием новых веяний в епархиальной жизни, епархиальные учреждения представляют передовые посты в развитии учреждений современного епархиального строя. Этим хотим в частности сказать, что существовавшие при Св. Синоде учреждения епархиального характера были передовыми не по внешнему только строю, а и по внутренней компетенции. Тиунская контора своим назначением обнимала деятельность общепархиальных учреждений. Она ведала:

1) надзирание всякого церковного благочиния в С.-Петербурге и новозавоеванных городах и уездах;

2) дела судные между священно, церковнослужителями и по проступкам их, также дела брачные и по нарушению супружеской верности;

3) дела о разыскании раскольников и

4) выдачу венечных памятей и сбора пошлинных денег.

Помощниками конторы в отправлении этих дел были определенные по городам и уездам духовные управители. Компетенция эта, бывши подробно сформулирована в инструкции тиуну, первому судье Тиунской конторы Калязина монастыря архимандриту Трифилию, послужила основным содержанием для актов подобного рода последующего времени.

Глава IV. Учреждения синодального правления

В первые годы существования Си. Синоду нередко, по обстоятельствам, приходилось менять свое местопребывание между двумя столицами. Совмещая отрасли высшего управления русской церковью, Св. Синод естественно должен был находиться там, где пребывала государственная власть и сосредоточивалось высшее управление делами государства. Таковым местом в обыкновенном порядке течения жизни, служила новоустроенная столица, но в те времена традиции старой столицы превозмогали; поэтому в случае важных обстоятельств естественны были переселения в Москву государственной власти с высшими государственными учреждениями. Во время таких переездов, конечно, и Св. Синод, как «важное и сильное» правительство по делам духовным, должен был также переселяться в старую столицу, и оставаться там до тех пор, пока это было нужно, до срока пребывания государственной власти с высшими учреждениями. Периоды такого пребывания иногда длились довольно продолжительное время, затягиваясь на несколько лет. Так, в конце первого же года своего существования, Св. Синод должен был отъехать в Москву и пробыть там весь следующий и начало нового года, словом с декабря 1721 по март (20) 1723 года. В начале следующего 1724 года, Св. Синод снова уезжал в Москву и пробыл там до половины того же лета. Но случаю предстоявшей коронации императора Петра II, Св. Синод отъехал в Москву «по первому зимнему пути в начале 1728 и пробыл там до 1732 г., возвратившись после коронации Анны Иоанновны. Подобные переезды повторялись и в последующие царствования особенно по поводу предстоявших коронаций. Во время таких перемещений Св. Синоду естественно и даже необходимо было для продолжения управления иметь особые учреждения. Такие учреждения Св. Синод оставлял в С.-Петербурге, когда отъезжал в Москву, и в Москве, когда возвращался в С.-Петербург. Учреждения эти претерпевали изменения и в составе, и в положении, и в деятельности.

1. Санкт-Петербургские Синодального правления учреждения

Первым опытом подобного рода упреждений Св. Синод должен был воспользоваться для С. Петербурга во время первого, по его открытии, отъезда в Москву. Готовясь к сему отъезду, Св. Синод 7 декабря 1721 года распорядился: «по отъезде своем в Москву, в С. Петербурге, у отправления синодальных и тиунской конторы деть быть ассессорам: Троицкому протопопу Иоанну Семенову, петропавловскому и протопопу Петру Григорьеву, и чинить им отправление по присланным Его Императорского Величества указам из Москвы, из Св. Правительствующего Синода, со всеусердным радением, также подаваемые от коллегий и присылаемые из городов доношения и дела, приличествующие гл. синодальному рассмотрению, принимать и по ним, что возможно отправлять, без продолжения времени, с остерегательством смотря по важности деда. А ежели чего им отправить будет не можно, о том, через уставную почту, репорты присылать в Москву в Св. Правит. Синод. А при них, ассессорах, для управления дел, по примеру против должности секретарской, быть комиссару Семену Дьякову и как в смотреии и отправлении дел, так и за приказными людьми надзирание иметь и самому по должности отправление чинить с повеления оных ассессоров.» В видах более точного и подробного начертания обязанностей оставляемым в С.-Петербурге ассессорам была дана от Синода особая инструкция. Этой инструкцией ассессорам поручалось:

1) окончить рассмотренные и разрешённые Св. Синодом дела, а также исполнить те, по которым уже состоялись приговоры;

2) принимать, ведя реестр, присылаемые из Сената ведения, а из коллегий и канцелярий доношения и выдавать по ним требуемые справки, а о бумагах, подлежащих общему всего Синода рассмотрению сообщать в Москву немедленно;

3) получать присылаемые из епархий суммы и отсылать по принадлежности, куда следовало, с донесением о сем Св.

Синоду. Вообще инструкция ограничивала компетенцию асессоров исполнительными распоряжениями. Определённого наименования этому учреждению не было указано; сами же оставленные в С.-Петербурге синодальные члены, решая порученные им дела от имени Св. Синода, писались „в приговорах полной титлой синодальной” по примеру остававшихся членов других коллегий. Вице-президент Св. Синода Феодосий, архиепископ новгородский, признав такое наименование «неприличным», предложил Си. Синоду указать, чтобы они в своих протоколах писали так: „по указу Императорского Величества, Св. Правительствующего Синода обретающиеся в С.-Петербурге члены согласно приговорили”, и Синод 31 августа 1722 г. утвердил эту форму,¹⁶¹ которая, однако не выражала специального наименования.

В 1724 г., готовясь „полным своим собранием” отправиться в Москву, Св. Синод 7 февраля распорядился вызвать в С.-Петербург находившегося в отпуске Спасо-Ярославского архимандрита Афанасия для отправления в синодальной канцелярии надлежащих дел до возвращения Св. Синода из Москвы.¹⁶² С Афанасием был оставлен в С.-Петербурге и синодальный асессор, Петропавловский протопоп Петр Григорьев, с секретарем Тишиным. Находившемуся на лицо Григорьеву Синод дал инструкцию, которой должны были руководиться оставляемые в С.-Петербурге синодальные асессоры. Эта инструкция, в общем представляя повторение прежней, содержала некоторые прибавления, указывавшие на расширение компетенции в том, что этой инструкцией предоставлялось не только окончить и привести в исполнение рассмотренные и разрешённые Св. Синодом дела, но и производить расследование по другим и, при возможности решать, рапортуя Синоду по обыкновению; также иметь смотрение за С.-Петербургской типографией в отсутствие школ и типографии протектора, наблюдать за производившимися постройками и пр.¹⁶³

Руководствуясь этой инструкцией, упомянутые члены рассматривали предоставленные их юрисдикции дела, из коих одни разрешали, полагая определения,¹⁶⁴ другие, выразив по

ним свои мнения, препровождали в Москву на окончательное решение,¹⁶⁵ некоторые же оставляли без резолюции, до возвращения Св. Синода¹⁶⁶ которому обязательно рапортовали о принятых и постановленных ими решениях.

По случаю отъезда в Москву на коронацию Петра II Св. Синод сделал иные распоряжения, о которых упомянуто выше, при рассмотрении С.-Петербургского духовного правления. Здесь прибавим, что в оставленной с синодским секретарем Тишиным и канцелярскими служителями, по усмотрению обер-прокурора Баскакова¹⁶⁷ синодальной канцелярии Питирим действовал твердо и поступал решительно, являясь с одной стороны заместителем епархиального епископа, с другой – представителем власти Синода в делах и вопросах, требовавших его компетенции. Дела церковного благочиния и благоустройства С.-Петербургского края одинаково подлежали рассмотрению Питирима и разрешались им собственной властью, или препровождались в Москву на усмотрение Св. Синода.¹⁶⁸ На тех же основаниях, как Питирим, действовал и Рафаил епископ Псковский, сменивший Питирима.¹⁶⁹ По отъезде в епархию Рафаила Св. Синоду приходилось самому из Москвы принимать близкое участие в делах, требовавших „архиерейского действия“. Эти обстоятельства объясняются тогдашним положением Св. Синода, который при отъезде в Москву в 1727 г. на коронацию Петра II, после разделения в 1726 г. на два апартамента, иметь в своем наличном составе всего четырех членов, из коих и предположил оставить одного, как сказано, Игнатия митрополита Коломенского. Во время настоящего пребывания Синода в Москве последовала важная перемена¹⁷⁰ в его положении в том отношении, что увеличился состав его членов, в числе которых вновь явились и архимандриты и протопопы. При умноженном составе своих членов Синод свободно мог устроить управление синодальными делами в С. Петербурге, когда отъезжал в Москву.

Повторявшиеся с этого времени опыты носят несколько иной характер. Образовываемые Св. Синодом учреждения с этого времени получают определенное наименование «синодальных контор». Так в начале 1742 г., отправляясь на

коронацию Елизаветы Петровны, Св. Синод распорядился оставить в С.-Петербурге «Св. Правительствующего Синода контору». Присутствующим в эту контору назначен синодальный член, Троицкого Ипатского монастыря архимандрит Феофилакт. Должность секретаря при этой конторе указывалось исправлять секретарю С.-Петербургского духовного правления Ивану Шаврову, в случае же затруднительности предоставлялось Феофилакту избрать кого-либо по его усмотрению из оставленных приказных как синодальных, так и духовного правления. Феофилакту за подписью всего Св. Синода была дана особая инструкция, подробно изъяснявшая круг действий конторы и обязанности присутствовавшего в ней. Назначением конторы было ведать порученные Синодом дела и чинить распоряжения по требованиям сенатской конторы и других канцелярий. С особенной подробностью инструкция распространялась об участии конторы в делах епархиального управления. В этом отношении инструкция значительно проясняет состояние епархиального управления в С.-Петербургском крае, а потому полезно познакомиться с её требованиями, пункт 4-ый этой инструкции гласил: „ведомости С.-Петербургского духовного правления к церквам, требующим на праздные места поставления в иереи, диаконы, церковного причта людей во чтении и пении и в прочем принадлежащем свидетельствовать и слушать вам в синодальных палатах, где заседание имелось Св. Синода, а о произведении их в те чины, по прошениям их, дела велеть производить в С.-Петербургском духовном правлении по правилам св. отец и по духовному регламенту и по указам, без всякого пристрастия и замедления. И те дела вносить в синодальную контору по реестру, кто прежде прошение подал, дабы никому напрасной волокиты не происходило; и достойных в те чины по усмотрению искусства и указных лет, кроме С.-Петербургского Петропавловского и других соборов протопопов и священнослужителей, а в Петропавловский собор, даже до церковного причта, для посвящения отсылать к чередно-служащему архиерею по прежнему обыкновению. А о произведении в вышеупомянутые соборы на праздные места в протопопы и в священники, а в

Петропавловский и в причетники достойных и беспорочных людей, по надлежащем засвидетельствовании, представлять Св. Синоду". Пункт 5 возлагал на контору обязанность иметь крепкое смотрение, по силе прежде состоявшихся указов и синодальных определений, за пришлыми в С.-Петербург из разных мест попами, дьяконами, монахами и монахинями. Пункт 6 предоставлял присутствующему в конторе „прилежно наблюдать" над С.-Петербургским духовным правлением, „дабы в оном всякие случающиеся дела с надлежащим прохождением имели порядочное течение без всякого продолжения". Причем представляемые от этого правления дела указывалось решать, кроме важных и сомнительных, о которых вообще следовало представлять Св. Синоду с обстоятельным изъяснением и с приложением мнения. Инструкция касается вопроса вообще о наблюдении за церковным благочинием. В отношении к этому предмету пункт 9 обязывал „прилежно наблюдать и крайне стараться, чтобы по ведомству С.-Петербургского духовного правления при всех церквях священнослужение отправляемо было в надлежащее время „без упущения", чтобы нигде в священнослужителях не было недостатка и чтобы все они вели себя „без зазорно", не подавая соблазна другим и не навлекая нарекания на духовный чин. Главными помощниками в этом положении указаны определенные благочинные, а в прочих городах и уездах заказчики. Конторе (пункт 7) предоставлялось по требованию Адмиралтейской коллегии назначать во флот иеромонахов из Александро-Невского монастыря, но в случае недостатка, и из монастырей Новгородской епархии. Вообще инструкция старалась обнять все стороны ведомства конторы и точно определить круг действий присутствовавшего в ней.¹⁷¹ Вышеприведённые разъяснения ярко обрисовывают порядок и строй епархиальной жизни в С.-Петербургской епархии, до назначения в нее особого епископа. С назначением этого епископа (1 сентября 1742 г.) естественно должно было измениться отношение как Св. Синода, так и его учреждений к делам епархии, и действительно, хотя опыты оставления в С.-Петербурге „Св. Правительствующего Синода конторы" повторялись и позже, но в выдававшихся этим конторам

инструкциях уже не было упоминания о делах епархиальных. Так в начале 1744г. и 1749 г., при отъезде Св. Синода в Москву, оставляемы были в С. Петербурге конторы, из коих в первой присутствовал синодальный член Рождественна монастыря архимандрит Платон (Петрункевич)¹⁷², в последней – архимандрит Хутынского монастыря Дамаскин (Аскаронский). Тому и другому были выданы особые инструкции, в общих чертах определявшие их обязанности без упоминания о делах епархиальных. Последнему указано, в случае отправления на флот „белых священников” обращаться к рассмотрению местного архиерея, каковым в то время в С.-Петербурге был архиепископ Феодосий Яновский.¹⁷³ Следует заметить, что указанные случаи имели место в то время, когда управлявшие С.-Петербургской епархией епископы стояли еще вдали от Св. Синода и не принимали участия в делах последнего. Участие последних в делах Св. Синода, по-видимому, делали затруднительным назначение кого-либо к присутствованию в синодальной конторе в то время, когда находился налицо член Св. Синода С.-Петербургский епископ. Первым из С.-Петербургских епископов удостоен был этого звания Сильвестр (Кулябка), назначенный 2 июля 1756 г. Петербургским епископом и членом Св. Синода. Он же, по Высочайшему указу 26 ноября 1752 г., при отъезде Св. Синода в Москву, оставлен в С.-Петербурге для присутствия в синодальной конторе. Сильвестру от Св. Синода не было дано особой инструкции, но в определении Си. Синода замечено: „Его Преосвященству, синодальному члену, Преосвященному Сильвестру архиепископу С.-Петербургскому и Шлиссельбургскому и архимандриту Троицко-Александро-Невского монастыря в оной синодальной конторе остаться для надлежащего делопроизводства по святым правилам, духовному регламенту, государственным правам, Ее Императорского Величества Высочайшим указам, а в нужнейших и времени нетерпящих, и сомнительных делах, которых бы она контора собой решить не могла, Святейшему Синоду по надлежащему для представления”. Действия конторы продолжались весь 1753 г., почти до половины 1754 года.¹⁷⁴ Преемнику Сильвестра

Вениамину (13 июля 1763 г.), при отъезде членов Св. Синода в Москву на коронацию императрицы Екатерины II, первоначально указано остаться в С.-Петербурге в синодальной конторе, но после (26 июля того же 1763 г.), с назначением Вениамина архиепископом Казанским, повелело ему ехать в Москву, куда указано отправиться и вновь назначенному в С.-Петербург архиепископу Гавриилу Кременецкому. Синодальная контора была поручала Тихону Соколову (Святому), епископу Кексгольмскому и Ладожскому, викарию Новгородской епархии,¹⁷⁵ который в то время находился на чередѣ священнослужения вместе с бывшим Суздальской епархии Спасо-Евфимиева монастыря архимандритом Феодосием. Эти лица, по отбытии Св. Синода в Москву, и составили присутствие конторы, открывшей свои действия 21 августа 1763 г. В первом же заседании относительно принятых в руководство при отправлении и производстве дел правил, контора постановила: „в правлении и в производстве по оной конторе надлежащих дел, а о нужнейших и времени нетерпящих и сомнительных делах, которые оной же синодальной конторе решать будет не можно, о представлении со мнениями Св. Правит. Синоду без замедления и в прочем во всем исполнение чинить по означенному Св. Правит. Синода определению непременно.¹⁷⁶ И для того оставленные здѣсь от Св. Синода нерешѣнные дела по реестрам и вновь входящие откуда представления и сообщения, принадлежащие до решения и резолюции оной Св. Синода конторы, предлагать в доклад порядочно без упущения”. На место преосвященного Тихона 29 декабря 1763 г. для отправления череды священнослужения был вызван Пахомий, епископ Тамбовский, которому повелело было присутствовать в С.-Петербургской Св. Синода конторе и поступать по тем же правилам. Тихон пробыл в конторе до 17 февраля 1764 г., подписываясь с 9 февраля епископом Воронежским. 25 февраля вступил в контору Пахомий и оставался в ней вместе с упомянутым архимандритом Феодосием до 21 июня 1761 г., когда возвратился из Москвы Св. Синод. Секретарскую обязанность при конторе исполнял

секретарь Синода Стефан Юрьев.¹⁷⁷ Контора во все время своей деятельности имела непрерываемые заседания.¹⁷⁸

На новых началах и с особенным устройством была организована в С.-Петербурге синодальная контора в 1771 году. Высочайшие предначертания для устройства этой конторы так были изъяснены в именном указе Св. Синоду от 30 сентября. „По отбытии нашем в Москву повелеваем в остающейся здесь синодальной конторе присутствовать преосвященному Парфению, епископу Смоленскому, Курского Богородицкого Знаменского монастыря архимандриту Виктору, здешнего Петропавловского собора протопопу Василию Алексееву, с таким по их чинам жалованьем, как ныне в Московской синодальной конторе члены получают”.¹⁷⁹ Из назначенных членов архимандрит Виктор находился в С.-Петербург в годовой чередѣ священнослужения. Преосвященный Парфений был в епархии, которому для проезда в С.-Петербург по высочайшему указу, была выдана тысяча рублей из коллегии экономии.¹⁸⁰ Прокурорскую должность при конторе указано Синодом исполнять обретающемуся в Москве синодальной конторы прокурору Сергею Рожнову. Особых полномочий не было возложено на контору со стороны Св. Синода, кроме производства и решения оставленных по реестру и имеющих поступить дел, причем о нужнейших, времени нетерпящих и сомнительных представлять Синоду с своим мнением.¹⁸¹

Контора открыла свои действия 8 января 1775 г. о чем и донесла Св. Синоду. 8 марта по прибытии вступил в должность прокурор конторы и оставался до конца 1775 г., когда и самая контора, по случаю возвращения из Москвы Св. Синода, должна была прекратить свое существование. Присутствовавшему в ней преосвященному Парфению сохранено звание члена Св. Синода при отбытии его в епархию, по указу 9 января 1776 г.

В виду предстоящей коронации, император Павел 18 января, 1797 г. указав, по всеподаннейшему докладу тогдашнего Новгородского митрополита Гавриила, Св. Синоду быть в Москве во время и кому в оном присутствовать, повелел и в С.-Петербурге на то время быть Св. Синода конторе на том основании, как Московская, и в ней присутствовать Синода

членам: архиепископу псковскому Иннокентию, оставляемому в С.-Петербурге, по прошению его, и Новоспасскому архимандриту Анастасию, присутствующим же в Московской Синода конторе, не ездя в С.-Петербург, остаться в Москве, без присутствия на время пребывания там Св. Синода. Для исполнения и приведения в действие настоящего высочайшего поколения Св. Синод постановил: С.-Петербургской Св. Синода конторе, до возвращения Св. Синода из Москвы, быть на том во всем основании, как Московская и какие в ней для производства и рассмотрения по распоряжению синодального обер-прокурора могут быть оставлены дела, по оным равно и по вновь вступающим в ту контору делам в решениях поступать ей по правилам св. апостол и св. отец, по духовному регламенту и государственным узаконениям, а если бы случились какие важные, решению её неподлежащие, или сомнительные дела „о таковых представлять Св. Синоду с мнением“. Оставленному при конторе секретарю со стороны синодального обер-прокурора было предписано: „в отправлении должности поступать по генеральному регламенту и государственным узаконениям, наблюдая при том и по должности прокурора, чтобы все по делам решения заключаемы были на точном основании государственных узаконений, о которых и о присутствии членов еженедельные репорты представлять обер-прокурору без упущения, иметь смотрение и о состоящих при сей конторе канцелярских служителях и служащих, дабы всяк в отправлении своих должностей поступать рачительно при порядочном поведении“.¹⁸²

По поводу предстоявшей в 1801 г. коронации, император Александр I, назначив отправителя в Москву к торжеству коронования всем членам Св. Синода, за исключением архимандрита Михаила (Десницкого) и обер-священника Павла Озерецковского, особые здесь должности исправляющих, повелеть, чтобы оставшиеся в С.-Петербурге члены Св. Синода составили присутствие конторы, назначить в эту контору и преосвященного викария Новгородской епархии, епископа Старо-Русского Антония. К составу этого присутствия конторы был приобщен и преосвященный Ириней, архиепископ

Псковский, который всеподданнейшим прошением испросил высочайшее соизволение на то, чтобы по слабости здоровья остаться ему здесь для епархиальных дел и присутствовать в конторе Св. Синода, когда силы его преосвященства то позволят.¹⁸³

По случаю предстоявшей в 1826 г. коронации императора Николая I высочайше было повеление Св. Синоду сделать нужные со стороны его распоряжения на том основании, как было и 1801 г, при коронации блаженные памяти императора Александра Павловича. В исполнение этого повеления Св. Синод, между прочим, предположил, „к присутствованию по отбытии Св. Синода в Москву в имеющей открыться здесь в С.-Петербурге Св. Синода конторе назначить С.-Петербургской епархии викария, Никанора, епископа Ревельского, Московской епархии Можайского Лужицкого монастыря архимандрита, С.-Петербургской академии ректора Иоанна и С.-Петербургского кафедрального Петропавловского собора протоиерея Стахия Колосова, а должность прокурора поручить имеющему остаться здесь одному из обер-секретарей”. По всеподданнейшем о сих предположениях докладе синодального обер-прокурора, государь император собственноручно изволил начертать: «согласен, до прибытия сюда обер-священника 1-ой армии, которому и вступить здесь на испытание в должности полевого обер-священника». В исполнение сей высочайшей резолюции, Св. Синод, приняв от назначенных в контору членов присягу, по установленной для синодальных членов форме, относительно обер-священника 1-ой армии, каким был протоиерей Павел Моджугинский постановил: когда прибудет сюда обер-священник 1-ой армии, то по явке его в контору, привести к таковой же присяге и вступить в должность обер-священника. В предположенном составе контора открыла свои действия, но по прибытии протоиерея Моджугинского, последний вступил в присутствие конторы вместо Петропавловского собора протоиерея Стахия Колосова. Прокурорские обязанности при конторе исполнял обер-секретарь Журихин.

Рассказанные примеры с наглядностью объясняют, какими Св. Синод пользовался способами собственного

заместительства во время отсутствия из С.-Петербурга. Те же примеры показывают, что оставляемые Св. Синодом для продолжения его управления учреждения в С.-Петербурге, отличаясь в собственном смысле временным характером, не могли получить надлежащей устойчивости в своем действовании. Тем не менее, если проследить историю их существования и опыты их деятельности, то нельзя не подметить, что учреждения прежнего времени стояли ближе к Св. Синоду и пользовались более решительной юрисдикцией в направлении дел синодального правления. Кажущаяся причина этого в том, что в прежнее время отсутствие Св. Синода из С.-Петербурга продолжалось иногда целые годы, а потому и заведывание оставшимися в С.-Петербурге синодальными делами требовало более обстоятельной организации. При непродолжительном отсутствии Синода не представлялось надобности в особенной заботливости относительно устройства синодального правления в С.-Петербурге. По крайней мере того же характера синодальные учреждения в Москве получили другое развитие именно в виду того обстоятельства, что в этих учреждениях там ощущалась потребность и они имели почву для деятельности.

2. Московская синодального правления канцелярия

Оставляя в 1723 г., после первого своего пребывания Москву и возвращаясь в С.-Петербург, Св. Синод по подражанию открытой в Москве Правительствующим Сенатом конторе распорядился организовать и свое учреждение. 12 декабря 1722 г. Правительствующий Сенат сообщил Св. Синоду ведением, что Его Величество повелел в Москве быть для суда и управления из каждой коллегии по одному советнику и иметь контору для управления дел по указам своей коллегии; также судить присудных его коллегии: над ними по одному члену из Сената, и иметь Сенатскую контору для этого управления и исполнения указов Сенатских погодно. В сообразность этого повеления Св. Синод и со своей стороны постановил: «во время Синодального в Петербурге отсутствия быть в Москве для управления надлежащих до Синода дел, синодальному советнику Симонова монастыря архимандриту Петру, да при нем ассессорам – Андрониева монастыря архимандриту Дионисию, да Канцелярии розыскных, раскольнических дел судье господину Топильскому, которым по делам, каковы от Св. Синода будут в Москве оставлены, надлежащее следование чинить, и по которым возможно решение и без всего Синодального рассуждения определению быть, те и решать и присудных Синоду в подлежащих до синодального правления делах судить по святым правилам и по духовному и генеральному регламентам и по соборному уложению и по состоявшимся о том Его Императорского Величества указам и государственным правам: о чем и инструкции им от Св. Синода даны с примеру данной за собственной Его Императорского Величества рукой оставленному в Москве сенатскому члену инструкции. В заведывании тех же лиц, по определению Синода, должна была находиться, во время отсутствия из Москвы протектора школ и типографий, Московская типография с обретающеюся при ней канцелярией. Выраженные в настоящем определении предначертания повторены и в особо составленной для сих лиц инструкции, в которой в заключении

прибавлено: «понеже определено... Святейшему Синоду в духовном деле равную иметь власть, как Сенату в светском, того ради архимандриту Петру в вышеозначенных и в прочих до него надлежащих действиях поступать, применялся к данной за подписанием собственные Его Величества руки, оставшемуся ныне в Москве сенатскому члену инструкции.¹⁸⁴

Инструкция эта обязывала сенатского члена:

1) по полученным именным и сенатским указам чинить безотлагательное исполнение и своевременно доносить Сенату об исполнении и встреченных при этом затруднениях;

2) наблюдать над губернаторами ближайших к Москве провинций, чтобы они безотлагательно исполняли сенатские указы, о которых поставлялся в известность и оставленный в Москве член Сената, и, в случае неисполнения губернаторами сенатских решений, подвергать их штрафу через нарочито посылаемых лиц, и о действиях своих доносить Сенату;

3) принимать от челобитчиков жалобы на находившийся в Москве надворный суд и „обретающихся там членов коллегий на медленность” (в волокитах), и жалобы эти препровождать в подлежащие места с понуждением „на кого челобитье” решать дела право, без замедления (безволокитно) и по указам в указное время;

4) подвергать штрафу по 4 гл. генерального регламента тех кои не решат дела в указанное время по отправленному челобитью и с „понуждением”;

5) принимать к рассмотрению жалобы на неправые решения и обсуждать их с членами прочих коллегий, кроме тех, на кого „челобитье”, решая без замедления, как указы повелевают, и, не взирая ни на какие персоны, подвергать виновных штрафам, в случае же тяжких наказаний присылать подсудимых вместе с делами в Сенат; о решенных делах рапортовать Сенату ежемесячно и;

6) накрепко смотреть, чтобы определенные от коллегий члены полученные им от коллегий дела отправляли немедленно и для этого ежедневно, согласно регламенту, заседали в своих конторах, сколько будет нужно, записывая об этом в журнал и сообщая с этого журнала рапорты сенатскому

члену и о полученных от коллегий указах. Сенатор обязан был вести свой журнал и о своих занятиях ежемесячно доносить Сенату. При нем для вспоможения в делах полагалось двое ассессоров из лучших людей по назначению Сената, также прокурор и экзекутор с канцеляристами.¹⁸⁵

Если к предписаниям настоящей инструкции обязан был в своих „действиях“ применяться оставленный в Москве синодальный советник, то компетенция его, надо полагать, была обширна и простиралась на существовавшие в Москве синодальные учреждения. Так в действительности и представляется дело в последующей инструкции Св. Синода образованному в 1724 г. присутствию. В этой инструкции представляющей повторение предыдущей, п.6 содержал следующее прибавление «обретающиеся в канцелярии вашего ведомства и в дикастерии дела, которые явятся сомнительны, те, собравшись с заседающими в той дикастерии у отправления дел персонами в синодальную крестовую палату, вершить по указам и крепить обще, и ежели с общего согласия решить за чем будет чего невозможно, таковые с общего мнения присылать в Синод». При этом пояснено «письменную корреспонденцию из оной вашего ведомства канцелярии с дикастерией иметь о государственных делах указами, а из дикастерии писать доношениями под титулом Св. Синода.¹⁸⁶ По силе настоящего пояснения Московская синодального правления канцелярия должна была занять высшее положение относительно Московской духовной дикастерии, равно и других, находившихся в Москве духовных учреждений синодального ведомства. Эти учреждения в недоуменных случаях должны были обращаться в Московскую синодального правления канцелярию, к оставленному в ней синодальному советнику. К этому означенные учреждения обязывал указ Св. Синода, который в сообразность с сообщенным от Сената ведением, относительно принятого Сенатом порядка разрешения возникающих в коллегиях и других подчиненных местах недоуменных случаев, постановил: «Московской духовной дикастерии, монастырскому приказу, розыскной раскольничьих дел канцелярии и С.-Петербургской тиунской конторе, в которых,

ежели случится какое-либо сомнительное дело, точных к решению указов не имеющее, которое кроме Св. Синода решить весьма невозможно, то о таких делах, учиня выписки или доношения, с изъяснением всех обстоятельств пунктами, при бытности Св. Синода в близости, с теми выписками и доношениями приходить оным членам и судьям самим, в чтении тех дел, и отправлении протоколов и указов поступать по тому же, как в Сенате о коллегиях изображено, во всем неотменно. А в неприсутствии Св. Синода полного собрания в близости, то есть во время бытности их святейшества в С.-Петербурге московских канцелярий, а во время московской бытности с.-петербургских контор управителям, с теми доношениями и выписками, приходит к оставленным в синодальном правлении членам, и, купно рассуждая, что возможно решать, как его императорского величества указы повелевают. А ежели чего оные в Синодальном правлении обретающиеся члены решить не могут, то оным канцеляриям и конторам, а также из епархий архиереям о тех делах, буде на что точных указов нет, и решить собой не могут, означа то все в оных выписках и доношениях именно, с мнением и с показанием довольных резонов присылать в Св. Синод. А на которые дела точные указы имеются, таких в Синод не приносит и не присылать».¹⁸⁷ Подтверждая в последствии начертанный в сем определении порядок решения сомнительных дел по своему ведомству, Св. Синод ещё определённое выразился, что московская синодального правления канцелярия должна иметь центральное среди и относительно других учреждений синодального ведомства положение. Синод через ту же московскую синодального правления канцелярию оповестил указами, дабы в сомнительных делах «подчиненные Синоду в Москве обретающиеся во всех местах управители, о всем, чего сами решить не могут, или друг на друга о каком неудовольствии сатисфакции пожелают, прежде вносили бы свои доклады и резолюции требовали в тамошней канцелярии, а ежели решения уже тамо не получают, то присылать свои доношения с изъяснением того только в Синод».¹⁸⁸ Таким образом все синодальные учреждения в Москве в важных делах и

затруднительных случаях, должны были обращаться в московскую синодального правления канцелярию, которую сам Св. Синод, как бы на место себя, поставлял во главе тех учреждений, обязывая её в «великоважных» делах присылать обстоятельные доношения, без упущения времени.¹⁸⁹

Сообразно с таким положением, московская синодального правления канцелярия получила и своё внутренне устрой

ство. При первоначальном открытии этой канцелярии в 1723 г. в состав её присутствия вошли: синодальный советник, Симонова монастыря архимандрит Петр, с двумя особо назначенными к нему ассессорами: Андрониева монастыря архимандритом Дионисием и розыскной раскольнических дел канцелярии судьёй Топильским. Эти лица и заведовали делами канцелярии до прибытия в Москву Св. Синода в 1724 г. Совершив коронавание императрицы Екатерины I, Синод в половине июня должен был возвратиться в С.-Петербург. Остановливаясь на вопросе об устройстве в Москве синодального правления, Св. Синод на этот раз распорядился оставить, согласно первоначальному учреждению, синодального советника Иерофея, архимандрита Новоспасского и при нем ассессорами тех же лиц, которые и прежде были, т. е. Дионисия – Андрониевского монастыря архимандрита, и Топильского, судьёю розыскной раскольнических дел канцелярии; также ассессора Московской духовной дикастерии петровского архимандрита Сергия. Из поименованных лиц Дионисий вскоре умер; на его место был назначен из Никитского Переславль-Залесского монастыря архимандрит Иосиф, который был определен ассессором к архимандриту Иерофею по инквизиторским делам. Архимандрит Иерофей оставался во главе учреждения до 1720 г. когда, по определению 8 января, был вызван в С.-Петербург для присутствования в Св. Синоде, хотя по болезни и не возвратился. На место Иерофея был назначен синодальный советник, архимандрит Чудова монастыря Феофил Кролик, который и управлял делами канцелярии (с 24 января – по 10 декабря 1726 г.).¹⁹⁰ Прокурорские обязанности при канцелярии, по назначению Св. Синода, исполнял прокурор монастырского приказа Раевский.¹⁹¹

Канцелярию этого учреждения, по первоначальному распоряжению Св. Синода, должны были составить те канцеляристы, подканцеляристы и копиисты, которые по расписанию оставались в Москве. В этом расписании значились: 6 канцеляристов, 4 подканцеляриста и 23 копииста.¹⁹² Для секретарской должности поручено самому советнику подыскать „достойную секретарского звания персону” из подчиненных Синоду приказов, или из других команд, могущих в сей должности действительно быть, „свободного и неподозрительного человека”. Таковым был признан „бывший у дел сочинения уложения” Семен Котыгузов, который по сношению Синода с Сенатом и оставлен был при этой должности.¹⁹³ При соединении в 1724 г. с Московской синодального правления канцелярией конторы инквизиторских дел, для производства последних, при Московской синодального правления канцелярии был оставлен Св. Синодом секретарь Дудин на время „доколе собственный к тем делам секретарь определится” и другие с ним канцеляристы.¹⁹⁴ Умножение состава приказных при Московской синодального правления канцелярии очевидно указывало на усложнение её занятий. Это и видим из следующего обстоятельства. К концу 1724 г. Св. Синод потребовал выслать из Москвы в С.-Петербург 11-ть человек канцеляристов, в том числе оставленного при делах инквизиторских секретаря Дудина и для занятий по Московской типографии канцеляриста Волкова. Московская синодального правления канцелярия, возвращая прочих, относительно Дудина отзывалась, что его выслать не возможно „для того, что он находится при отправлении инквизиторских дел, которых не малое число имеется, и ежели Дудина со товарищи выслать в Петербург, то за неимением при тех делах особого секретаря в отправлении следствий учинится остановка”, – равным образом и относительно Волкова заявлено, что он занимается исполнением секретарских обязанностей по типографии и ведет приход и расход книжной казны. Не взирая на эти объяснения, Св. Синод, в виду крайнего недостатка канцелярских служителей, приказал без замедления явиться указанным лицам в Петербург в средних числах января

1725 г.¹⁹⁵ И это требование осталось неисполненным. Служащих в Московской синодальной канцелярии за 1725 г. насчитывалось: 2 секретаря, 1 протоколист, 1 регистратор, 6 канцеляристов, 6 подканцеляристов и 35 копиистов, также 22 пристава и 2 сторожа. В марте (14) 1726 г. Св. Синод определил секретарем в канцелярию Телятева, которого на должность секретаря к инквизиторским делам представлял еще архимандрит Иерофей в 1724 г., но определение которого замедлялось собиранием об его службе надлежащих справок.¹⁹⁶ Приводимые частности указывают на заботливость об устройстве рассматриваемого учреждения. Разделение Св. Синода на два апартамента, с ограничением круга его ведомства, повлияв на другие учреждения, должно было коснуться и положения Московской синодальной канцелярии. При обсуждении мероприятий для приведения высочайшего по сему предмету повеления в исполнение, Св. Синод между прочим коснулся вопроса и о том: „в Москве синодальной канцелярии быть-ли, и ежели быть, из тех же ли впредь будущих синодальных членов шести человек кому там управлять”.¹⁹⁷ В разрешение этого вопроса Георгием – архиепископом Ростовским и Ярославским, словесно было предложено Св. Синоду, чтобы он, на основании указа о разделении Синода на два департамента, постановил окончательное определение об отрешении оставшегося в Москве синодального члена Феофила, архимандрита Чудовского, от синодальных дел. Вследствие этого Св. Синод, отрешил от дел „обретающихся в Московской синодальной канцелярии архимандритов: Чудова монастыря – Феофила и Петровского – Сергия”, указал „синодальные дела в Москве ведать и управлять в синодальной канцелярии преосвященному Леониду – архиепископу Сарскому и Подонскому, а в дикастерии, под ведением его же преосвященного, Иоакиму – архимандриту Донскому. При этом Св. Синод разъяснил: „ежеди каковы сомнительные прилучатся дела, которых его преосвященство сам разрешить не возможет, о тех ему, преосвященному Леониду архиепископу, писать в Св. Правительствующий Синод и присылать доношения за своей

рукой, с приложением своих мнений”.¹⁹⁸ Настоящее распоряжение указывало на упадок учреждения, которое с потерей Св. Синодом прежней компетенции естественно должно было потерять свое значение. Вследствие этого и видим, что Св. Синод, обратив внимание на „не малое число” служащих в Московской синодального правления канцелярии и Московской духовной дикастерии, и приняв в соображение, что „на них напрасный токмо исходить трактамент”, так как „синодальной команды дела могут отправляемы быть в одном токмо месте”, мнением положил „оную Московскую синодальную канцелярию упразднить и быть одной токмо духовной дикастерии, и имеющиеся в оной синодальной канцелярии дела, все описав, вершенные и действием исполненные – в той же дикастерии положить в архив, а не вершенные – вершить в той дикастерии преосвященному Леониду, архиепископу Сарскому и Подонскому, как указы и генеральный регламент повелевают, без продолжения времени; а ежели за чем него решить будет невозможно, о таковых присылать в Св. Синод из той дикастерии обстоятельные доношения, со мнением”. При этом Св. Синод сделал постановление и относительно приказных, из которых „негодных” в синодальной команде распорядился отослать в Герольдмейстерскую контору, а „годных” разобрал и в оной дикастерии потребное число оставя, достальных лучших людей для определения к делам выслать в С.-Петербург в Св. Синод.¹⁹⁹ Своим определением Синод не обнял всех сторон упраздняемой канцелярии, поэтому Московская духовная дикастерия, представляя Св. Синоду об исполнении синодального распоряжения, вопрошала Синод относительно собиравшихся в епархиях и высылаемых в Московскую синодального правления канцелярию лазаретных и с венечных памятей деньгах и о распределении, бывших при той канцелярии, отставных солдат и сторожей. Синод поручил дикастерии лазаретные и прочие сборы принимать, но из них без указа Синода не делать никаких расходов, а относительно распределения солдат и сторожей потребовал мнения дикастерии с резонами, подтвердив при этом дикастерии „впредь, которые доношения будут с требованием резолюции,

изъяснять в них все приличные правила и указы и прилагать мнения с решениями, как во всех прежде посланных указах изображено неотложно”.²⁰⁰

Закрытие Московской синодального правления канцелярии, по-видимому, не делало пробела в синодальном правлении, ибо в начале 1728 г. Св. Синод, по случаю коронации Петра II, переехал в Москву и оставался там во время вступления на престол и коронации Анны Иоанновны, словом до начала 1732 г. В это время сама мысль о вспомогательном для Синода учреждении, кроме существовавших в Москве, должна была казаться излишней. Приготовление Синода к возвращению в С.-Петербург, как бы в силу установившихся традиций, снова выдвигает вопрос о синодальном правлении в Москве. Именным указом 29 ноября 1731 г. императрица Анна Иоанновна потребовала от Св. Синода письменного мнения о том, кому из синодальных членов Св. Синода будет определено ехать в С.-Петербург, а кто будет оставлен в Москве для управления синодских дел. В исполнение этого высочайшего повеления Св. Синод постановил доложить государыне, что в Москве, при управлении дел „имеют быть из Синодальных членов: преосвященный Иоаким – архиепископ Ростовский и Ярославский. Большого Успенского собора протопоп – Иоанн Максимов, да с ними в собрании присутствие иметь (будет) духовной дикастерии судья, Новоспасского монастыря архимандрит – Феофил”. При этом Синод рассудил и о том, что в Москве „при отравлении дел” будет оставлен секретарь Иван Протопопов с определенным числом канцелярских служителей по расписанию синодального обер-секретаря, тогда – Михаила Дудина. Открытому, таким образом, учреждению с особо организованной канцелярией было усвоено наименование „Святейшего Правительствующего Синода в Москве”, которому от Св. Синода в Петербурге была дана в руководство особая инструкция, определявшая круг ведомства и занятий. Эта инструкция с особенной подробностью, но в очень узких рамках, определяла компетенцию Московского Синода, обязывая его действовать под наблюдением С.-Петербургского Синода, к которому первый должен был обращаться в более важных и

сомнительных случаях, сообщать о своих распоряжениях и подавать ежемесячные рапорты о ходе и характере делопроизводства. В частности, Московский Синод этой инструкцией обязывался:

1) наблюдать за всегдашним и неопустительным отправлением богослужением в кремлевских и прочих соборах и во всех церквях, особенно в праздники и дни поминаения царских особ, когда положено, и архиерейским служением неопустительно. Неисправных в этом отношении подвергать штрафу и наказанию „на теле”, доводя об этом до сведения Св. Синода в С.-Петербург;

2) производить в иеромонахи, иеродиаконы, иереи и диаконы по всей синодальной области лиц, и по надлежащем испытании их в чтении и пении и прочем, чего следует, в присутствии Московской дикастерии, вместе с её членами, испытать священнослужителей кремлевских соборов, придворных церквей, протопопов прочих Московских соборов, а также архимандритов и игуменов монастырей синодальной области, о всех таковых предварительно представлять Св. Синоду в С.-Петербург. При этом наблюдать, чтобы находящиеся при отправлении ставленических дел синодальные иподиаконы и прочие служители и подьячие казённого приказа не причиняли обид ставленникам и не вымогали от них излишних, сверх указов, пошлин;

3) смотреть за пришлыми в Москву из разных мест „священниками”, попами и диаконами, монахами и монахинями, а также и за живущими в Московских монастырях монахами, чтобы все они вели себя воздержанно, не подавая другим соблазна; „продерзателей”, по усмотрению их вины, подвергать наказанию „неотложно и без упущения”;

4) иметь наблюдение над всеми обретающимися в Москве под ведомством Св. Правит. Синода судебными и правительственными местами, подаваемые от них доношения решать, кроме весьма важных и сомнительных дел, о которых представлять Св. Синоду в С.-Петербург, куда препровождать все присылаемые из епархий от самих архиереев и епархиальных управителей доношения, требующие резолюций;

5) учинить реестр всем оставленных Синодом решенным, но неисполненным, и нерешенным делам, а также записные книги всем вступающим из прочих мест, исполнять и решать из них те, какие возможно, а какие требуют общего всего Синода решения, или важного „определения” о тех с обстоятельными мнениями и резонами представлять Св. Синоду. Инструкция предоставляла Московскому Синоду сноситься со Св. Синодом в С.-Петербурге и с Правительствующим Сенатом в Москве по общепринятому порядку ведениями.²⁰¹

Подобное разделение Св. Правительствующего Синода последовало по подражанию Правительствующему Сенату. Последний, при возвращении своем в С.-Петербург, вопрошал государыню докладом: „а кому в Москве остаться, и управление дел иметь по прежней ли инструкции одного члена, или по общей сенатской должности? На этом докладе государыня дала резолюцию: „оставаться здесь сенатским членам решать по должности сенатской, на что имеются точные указы и регламенты, а чего одним решить будет не можно, о том писать в Сенат к полному собранию”.²⁰² Таким образом Правительствующий Сенат разделился на Московский и С.-Петербургский, при особых канцеляриях и порядке производства. Оба Сената сносились ведением за подписанием обер-секретаря и секретаря. Соответственно этому устроился и Св. Синод. В 1733 г. последовал именной указ, который гласил: „указали мы обретающимся в Москве сенаторам со всей сенатской канцелярией быть в Петербурге, кончая к будущему июля 15 числу нынешнего 1733 г., а приехав присутствовать здесь в Сенате в общем собрании по прежнему, а в Москве оставить от Сената контору, в которой быть из сенатских членов одному, которому при том поступать и над тамошними коллегиями и конторами и во всем смотрение иметь по прежней данной в 1723 году оставшемуся в Москве сенатскому же члену инструкции”.

С упразднением Правительствующего Сената в Москве, естественно, должно было последовать и закрытие Св. Синода в Москве. 20 июля 1734 г. Св. Синод в С.-Петербурге рассудил: „ныне в Москве обретаются из числа Правительствующего

Сената членов один член, который и присутствует для отправления дел в оставшейся там от Правительствующего Сената конторе, которой повелено быть по Ее Императорского Величества указу”. Из Правительствующего Сената из С.-Петербурга пишут таким образом: в Москву, в сенатскую контору, сенатору со товарищи – ведение. А из числа Св. Правительствующего Синода членов же в Москве у отправления до синодального правительства касающихся дел обретается один же член, преосвященный Иоаким – архиепископ Ростовский и Ярославский, а кроме его преосвященства иного никого из Синодальных членов с его преосвященством при отпращивании дел не имеется. А из Святейшего Правительствующего Синода в С.-Петербурге, где большая часть синодальных членов, письменная корреспонденция имеется в Москву и пишется тако: Св. Правительствующему Синоду в Москву, а не по вышеписанному как из Правительствующего Сената из Петербурга в Москву в сенатскую контору письменная корреспонденция имеется, примеру. Понеже Св. Прав. Синод с Правительствующим Сенатом по указам уравнение имеет, того ради надлежит из Св. Прав. Синода в С.-Петербурге в Москву ко оному синодальному члену письменную корреспонденцию иметь по примеру сенатскому. На основании изложенных рассуждений Св. Синод постановил: „отныне в Москве Св. Синоду полным Св. Синода титулом, ни письменно, ни словесно, ни в чем не именоваться и не писаться, а писать таковым образом: Св. Прав. Синод оставленному в Москве синодальному члену преосвященному Иоакиму, архиепископу Ростовскому и Ярославскому с заседающими – ведение. И тамошнюю канцелярию писать – Московской синодального правления канцелярией. А в Св. Правит. Синод писать тако: Св. Правит. Синоду оставшегося в Москве синодального члена с заседающими – ведение. А в Правит. Сенат, ежели случай возымеется, и в сенатскую контору писать таким же образом, как и в Св. Правит. Синод, а в прочие места, куда надлежит, посылать указы и писать по обыкновенному Ее Императорского Величества титулу следующее: „из Московской синодального правления

канцелярии". К сему Св. Синод присовокупил: „а в надлежащих до синодального правления делах оному синодальному члену с заседающими поступать по сообщенным из Св. Прав. Синода в С.-Петербурге марта 7 числа 1732 г. пунктам неотложно”.²⁰³ Настоящим распоряжением Св. Синод с одной стороны восстановил свое единство, а с другой возобновил упраздненное учреждение „Московскую синодального правления канцелярию”.

Преосвященный Иоаким недолго оставался во главе возобновлённого учреждения. 7 апреля 1735 г. первенствующий член Св. Синода, преосвященный Феофан, архиепископ Новгородский, словесно объявил Св. Синоду следующий именной высочайший указ: „оставшегося в Москве синодального члена преосвященного Иоакима, архиепископа Ростовского и Ярославского, за старостью и дряхлостью его, от трудов синодальных уволить и, немедленно отъехав из Москвы, позволить жизнь свою окончить в епархии своей”. Такую высочайшую волю Иоаким принял, как знак особого к нему „милосердия” и высокого к старости его милостивого призрения.²⁰⁴ Того же 7 апреля, тот же архиепископ Феофан словесно объявил Св. Синоду и другой высочайший указ коим повелевалось: „преосвященному Вениамину – епископу Коломенскому и Каширскому быть в Москве и управлять дела оставшемуся в Москве синодальному члену подлежащие, купно с обретавшимися при бывшем синодальном члене заседавшими, и для лучшего в управлении тех дел порядка дать надлежащую с подкреплением инструкцию. Заседающими в то время были архимандриты Московских монастырей: Богоявленского – Герасим и Андрониевского – Киприан. В данной этим лицам инструкции Св. Синод повторил в существе требования прежней т. е. 7 марта 1732 г., с некоторыми немногими дополнительными разъяснениями и исправлениями, на основании состоявшихся распоряжений.²⁰⁵ Преосвященный Вениамин оставался у дел канцелярии до 1739 г., когда, по докладу Св. Синода 18 мая, был переведен в Вятку на место Киприана, перемещённого в Коломенскую епархию. Киприан, заняв кафедру Вениамина, не был назначен к присутствованию

в Московской синодального правления канцелярии, ибо заседал в Св. Синоде. Само перемещение поименованных епископов одного на место другого состоялось по тому поводу, что Св. Синод находил неудобным для Киприана заведывание столь отдаленной, как Вятская, епархией. Поэтому, ходатайствуя о перемещении Киприана в Коломну, Синод во всеподданнейшем докладе объяснил: „понеже Вятская епархия от С.-Петербурга весьма отдалена и затем в ней епархиальному епископу надлежащего по долгу звания своего смотрения иметь неудобно, того ради не соизволите ли Ваше Императорское Величество всемилостивейше повелеть перевести помянутого Киприана в Коломенскую, а на его место Вениамина, епископа Коломенского, в Вятскую епархию”. При этом Св. Синод в том же докладе ходатайствовал и о том, чтобы „в Москве, в канцелярии синодального правления, присутствовать по близости к Москве Митрофану – епископу Тверскому”. Государыня повелела „учинить по представлению”.²⁰⁶ С перемещением Вениамина, до приезда Митрофана в Московской синодального правления канцелярии оставались заседающими архимандриты: Пахомий – Петровский и Гавриил – Богоявленский. Во время правления этих лиц, Св. Синод обратил внимание на то, что „Московская синодального правления канцелярия в отправлении по указам из Св. Правительствующего Синода всяких дел поступает весьма слабостно и нерадетельно”. Эти „слабость и нерадение” Синод находил в том, что „на многие письменные указы требуемых рапортов Св. Синоду не прислано, а по некоторым и о получении тех указов, особливо же производящимся в той синодальной канцелярии делам месячных, каковые именными её императорского величества указами повелено подавать в кабинет репортов, с сентября месяца прошлого 1736 г. и поныне не прислано; сверх же того уже через три ординарные почты, а именно от 17 числа мая месяца сего года ни о чем от той канцелярии и доношения в Св. Синод не бывало, и потому нужнейшая пересылка пресеклась”. Вследствие этого Св. Синод потребовал объяснения, от каких причин „учинилось такое крайнее небрежение и упущение, от слабого ли заседающих в

той синодальной канцелярии персон смотра, или же от недовольственного в делах секретарского производства". Заседающие с своей стороны объясняли, что они поступают „по присяжной должности с прилежностью без всякой слабости и небрежения, и что оные дела течением и самым действием производимы и исполняемы и принадлежащие до Св. Правит. Синоду репорты и ведомости отправляемы были без наималейшего упущения и продолжения, о том с накрепчайшим подкреплением как бывый в синодальной канцелярии в присутствии преосвященный Вениамин, епископ Коломенский, ныне же Вятский, так и они непрестанно оным секретарю и канцелярским служителем подтверждали и взыскивали накрепчайшим понуждением неослабно и для лучшего исправления дел всегда в канцелярии в присутствии бывали во многие и кроме присутственных дней, и впредь, по присяжной своей должности, в немедленном исправлении дел поступать будут с накрепчайшим наблюдением и понуждением, без всякого послабления". К своему объяснению заседающие присовокупили и „ответствие" секретаря Алексея Васильева, который, указывая на множество и разнообразие дел и на недостаток канцелярских служителей, с обидчивостью писал, что производство ведено исправнее прежнего, но своевременности в исполнении невозможно соблюсти. Синод не только не удовлетворился подобными объяснениями, напротив усмотрел в „ответствии секретаря дерзость". Посему потребовал новых объяснений, сделав замечание заседающим за то, что они представили дерзостный ответ секретаря, и поручил им внушить секретарю, чтобы он впредь не позволял себе подобных поступков под опасением наказания. Переписка по этому делу затянулась. Синод требовал по тому же делу объяснений и от Митрофана, епископа Тверского, который о своем вступлении в отправление дел по канцелярии доносил Св. Синоду от 29 июля 1739 г.²⁰⁷

Митрофан оставался в канцелярии во все последующее время, несмотря на то, что 4 августа 1740 г. был представляем Св. Синодом в числе кандидатов „к избранию в Синод в члены". Государыня, утвердив других, указала Митрофану оставаться в

Москве „для управления синодальных дел”. Преосвященный Митрофан не только закончил деятельность Московской синодального правления канцелярии, но и участвовал в начальных шагах сменившей канцелярию Московской синодальной конторы.

В 1742 г., по случаю отбытия из Москвы Св. Синода в С.-Петербург, после коронации Елизаветы Петровны, высочайше (2 декабря) повелело быть в Москве от Св. Правительствующего Синода конторе, с тем, чтобы контора эта управляла делами по прежде данной от Св. Синода Московской синодального правления канцелярии инструкции. Членами этой конторы тогда же повелело быть синодальному члену, преосвященному Митрофану – епископу Тверскому и Кашинскому, и при его преосвященстве в той конторе в присутствии находиться архимандритам: Пахомию – Высокопетровскому и Илариону – Савинскому.²⁰⁸ Учреждение конторы, существующей и в настоящее время, полагает грань исследованию, поставившему целью обозреть синодальные учреждения прежнего времени.

Таким образом, обозревая те синодальные учреждения, которыми пользовался Св. Синод, как бы для продолжения своего правления в С.-Петербурге, когда отбывал в Москву, и в Москве, когда возвращался в С.-Петербург, нельзя не подметить различия между этими учреждениями. Открываемое в С.-Петербурге на время отсутствия Св. Синода в Москве синодальное правление имело в собственном смысле временный характер и не могло получить и не получило особого развития. Напротив, учреждение, возникавшее в Москве, куда сам Св. Синод приезжал лишь для временного, хотя и довольно продолжительного пребывания, приобретало значение вспомогательного для Св. Синода органа в том смысле, что Св. Синод возлагал на него функции собственной юрисдикции. Московская синодального правления канцелярия, хотя, как видели, временно и прекращала свое существование, тем не менее представляется центральным среди других существовавших в Москве синодального ведомства учреждений. Св. Синод пользовался этим учреждением для объединения действий и для контролирования деятельности

всех прочих. Широту юрисдикции Московской синодального правления канцелярии, равно и параллельного ей С.-Петербургского учреждения придавало то обстоятельство, что Московская и С.-Петербургская епархии долгое время находились под непосредственным ведением Св. Синода и не имели собственных епископов. Поэтому дела епархиального управления, составляя немаловажную часть в заведывании этих учреждений, влияли на изменение их положения. Так при упразднении в 1727 г. Московской синодального правления канцелярии, Св. Синод все дела этой канцелярии передал в Московскую духовную дикастерию, выразив тем мысль, что последняя, в качестве епархиального учреждения, более удовлетворяет целям управления делами синодальной области. Наоборот, при возобновлении той же канцелярии, дикастерия утрачивает первенствующее положение в епархиальных делах на том основании, что в инструкциях, выдававшихся канцелярии, значились те же предметы, которые входили в круг ведомства дикастерии. Действуя под управлением председательствовавших в ней преосвященных архиереев, канцелярия естественно расширяла свои права на счет деятельности дикастерии. Вообще до открытия в С.-Петербурге и Москве особых, самостоятельных епископских кафедр, С.-Петербургская синодальная контора и Московская синодального правления канцелярия, вместе с положением учреждений собственно синодального управления, приобретали значение епархиальных органов в управлении делами синодальной области, имея в своем подчинении – первая С.-Петербургское духовное управление с зависившими от него духовными управителями, последняя – Московскую духовную дикастерию с синодальными приказами и другими, существовавшими в Москве синодального ведомства учреждениям. Московская синодального правления канцелярия посредствовала в сношениях Св. Синода с подчиненными ему учреждениями и с епархиями.

Глава V. Учреждения Синодальной области в Москве

По переезде в мае 1718 года местоблюстителя патриаршего престола Стефана Яворского из Москвы в С.-Петербург, указом императора Петра I, от 27 января 1719 г., управление патриаршей областью было поручено Игнатию – митрополиту Сарскому и Подонскому с таким повелением: „в Москве соборную церковь и патриаршую епархию, также и духовые всякие дела ведать и отправлять, как ведал и отправлял преосвященный Стефан – митрополит Рязанский и Муромский”.²⁰⁹ На основании такого повеления митрополит Игнатий становился распорядителем патриаршей области, как бы в качестве епархиального епископа. Поэтому, по открытии Св. Синода, когда, по распоряжению последнего, было предписано: „в церковных священнодействиях, где было патриаршее имя возносимо, возносить (имя) Святейшего Правительствующего Синода”, митрополит Игнатий, донося Св. Синоду об исполнении этого предписания, спросил Синод: „а впредь мне богомольцу те духовные и принадлежащие дела патриаршей епархии и оный Духовный приказ ведать-ли”. Синод разъяснил: „прежде бывшего Патриарша Духовного приказу и впредь прилучающиеся Патриаршей области духовные дела ведать и управлять достойной тому духовной персоне, которая Правительствующим духовным Синодом усмотрена и определена будет, и то управление чинить по инструкции, каковая от оного Синода дастся; а важные дела управлять с ведома преосвященного Игнатия, митрополита Сарского и Подонского, а которые дела и ему архиерею недоуменная будут, о тех присылать доношения в Правительствующий духовный Синод, в который и о всем того ему важного действия повсемесячно рапортовать”.²¹⁰

По силе этого разъяснения митрополит Игнатий, хотя и оставался заведующим патриаршей областью, но в непосредственной зависимости от Св. Синода, который тем же разъяснением давал знать, что он принимает патриаршую

область в свое ведение и будет управлять ей при посредстве особо избранных самим Синодом и доверенных лиц. Принятие Синодом патриаршей области в свое управление потребовало более точных указаний и относительно круга компетенции заведовавшего оной. Одним из таких указаний Синод разъяснял, что митрополит Игнатий, не списався с Синодом, или не получив указа, не должен поставлять игуменов и архимандритов в степенные и не степенные монастыри, равно и перемещать их из одного монастыря в другой.²¹¹ В свою очередь и митрополит Игнатий доносил Св. Синоду, что он затрудняется рукоположением для патриаршей области, потому что оный труд попремногу несносен, вследствие того, что в Москве только два архиерея, которые всякие соборные службы, и хождения со святыми иконами, также и царских ангелов празднество и памяти отправляют без всяких остановок. „Посему Игнатий просил умножительных ставленников к посвящению посылать к присутствующим прочим архиереям“. Синод распорядился „отсылать их для посвящения к архиереям в другие епархии“.²¹²

Из тона подобных сношений уже чувствуется некоторое обострение отношений. Действительные вины, за которые Св. Синод был недоволен Игнатием, состояли в том, что последний медлил высылкой из Москвы в Св. Синод, для образования его канцелярии, приказных Духовного приказа, также в том, что в доношениях своих Св. Синоду, Игнатий, как бы стараясь укорить последний, адресовал свои бумаги „в правительствующую Духовную Коллегию Святейшему Правительствующему Синоду“ или „в Духовную Коллегию Святейшему Правительствующему Синоду от Преосвященного Игнатия митрополита Сарского и Подонского доношения“ и именовал Св. Синод „достойным Превосходительством“.²¹³ Усмотрев в подобных обращениях намеренное умаление своих прав, Св. Синод разъяснял Игнатию, что в присылаемых в правительствующий Духовный Синод доношениях данную от царского Величества оному Синоду честь (он должен) изъяснять ему без всякого умаления и повиноваться оному во всем беспрекословно, понеже оный Синод имеет честь, силу и власть патриаршескую или едва ли

небольшую понеже есть собор. Игнатий по-видимому мало внимал таким разъяснениям и как бы даже выражал непочтение. Вследствие этого Св. Синод поручил митрополиту Милиникийскому в трех архимандритах – Чудовскому, Новоспасскому и Златоустовскому „в самую сущую истину” допросить Игнатия. Следователи представили Синоду показания Игнатия, в которых он заявлял, что и „не думал умалять чести Св. Синода, а ежели что в доношениях его написано неугодное то от недоумения и он испрашивает в том прощения”.²¹⁴ Непредотвратимая гроза надвигалась с другой стороны. В то время в канцелярии тайных розыскных дел, производилось дело о поступках бывшей царицы Евдокии (Лопухиной), первой супруги Императора Петра I. По собранным канцелярией данным открылось, что Игнатий, когда был Суздальским епископом, оказывал бывшей царице особые знаки почтения. Синод „для сущего по оным исследования” вызвал Игнатия в Петербург, предписав с нарочным „ехать поскорее не отговариваясь ничем, без ризницы и с немногими дому его служителями и явиться в Синод”. Названный Игнатий уже не возвращался в Москву, но отпущен по обещанию в Нилову пустынь, для жительства с запрещением „писаться митрополитом и епископом”.²¹⁵ На место Игнатия Синод распорядился бывшую Патриаршую область и Крутицкую епархию поручить „всяким правлением ведать до указу Милиникийскому архиерею – Григорию, да архимандритам: Чудовскому – Геннадию, Новоспасскому – Сергию и Златоустовскому – Антонию”. Этим лицам Синод, также, как и Игнатию, не предоставил права производить кого-либо в архимандриты мужских и в игумении женских монастырей бывшей патриаршей области без донесения о сем Св. Синоду.²¹⁶ Из поименованных лиц Златоустовский архимандрит Антоний просил Св. Синод освободить его от участия в управлении епархиальными делами потому, что он и без того весьма отягощен делами по приказу церковных дел и о назначении на его место Андрониевского архимандрита – Серапиона. Синод уважил просьбу Антония.²¹⁷ Вскоре изменен был и весь состав этого управления. 23 августа 1721 г. Св.

Синод постановил: „бывшую Патриаршую область, как в правлении духовном, так и в поставлении ставленников и в прочих принадлежностях, до прибытия Крутицкого митрополита в Москву, ведать Арсению митрополиту Фиваидскому, обще с обретающимся в Москве Григорием – митрополитом Милиникийским. А при них у одного правления, кроме хиротонисания, до одних только архиереев надлежащего, быть Чудовскому и Андрониевскому архимандритам. А первенство в том правлении иметь оному Фиваидскому митрополиту”.²¹⁸ Назначение этого управления имело временный характер, как сказано, в определении Св. Синода, до назначения в Крутицкую (т. е. Сарскую и Подонскую) епархию епископа. Таким епископом 16 февраля 1722 г. был назначен, а 3 марта рукоположен в Москве, где в то время был и Св. Синод, синодальный советник – Леонид, архимандрит Петровский. Леонид, таким образом, согласно выше приведенному определению, и являлся прямым от имени Св. Синода управителем бывшей Патриаршей, теперь Синодальной области. Поручив Леониду в управление эту область, Св. Синод так выражался о причинах и целях этого распоряжения. Синод нашел правление Синодальной областью прежних архиереев (Арсения Фиваидского и Григория Милиникийского), яко чужестранных и российских обычаев не приобыхших персон, не важным и недействительным, а потому, желая привести сие управление в лучшее состояние, постановил: «оную Синодальную область в Москве как хиротонисанием священнослужителей, так и духовными и прочими до Синодального правления надлежащими делами ведать и управлять того Святейшего Правительствующего Синода советнику, преосвященному Леониду – архиепископу Сарскому и Подонскому, которому и духовный и казенный Синодального правления приказы во всем ведать и инквизиторские дела рассуждать и определять, как надлежит, а при нем, для вспоможения быть Московских монастырей архимандритам Сергию – Петровскому и Иоакиму – Донскому, а в отсутствие из Москвы Св. Синода, иметь им сессию в синодальном доме, в приличной на то палате, кроме синодальной Крестовой, и

именовать оную сессии их палату, определенную от Св. Синода, Московской консисторией. А помянутым архимандритам писаться оной консистории асессорами, и съезды в оную чинить по подобию синодальных членов, а случающиеся от оной Синодальной области дела, до духовного правительства надлежащие, рассуждать и определять и решать по святым правилам и по содержащимся в книге Кормчей царским законам, и по соборному уложению, и по состоявшимся Его Императорского Величества указам, и по Духовному Регламенту, и по присяжному своему обязательству, и по приличным к оному правлению государственным правам, и по синодальным определениям и указам, как по званию их правдиво и беспристрастно им, яко духовным и поверенным персонам поступать надлежит, а о важных делах, которые без синодального суждения решены быть не могут, присылать в Св. Синод обстоятельные доношения с обыкновенными из тех дел экстракты, на которые и решения требовать, в как что от Синода определено будет, так в том и поступать. И о всем оных дел правлении в Св. Синод по надлежащему рапортовать, и над приказными людьми, которые у тех дел ныне есть и впредь будут, надзирать бодростно, дабы как в делах, так и в сборах, никакого ни от кого к возбраненным действиям поползновения и ничему похищения отнюдь не происходило, за что таковых, ежели в таком преступлении явятся, и наказывать по указам беспощадно. А в рукоположении священнослужителей и в позволении строения церквей поступать ему архиепископу, по содержанию святых правил и Духовного Регламента и присяжной верности и клятвенного своего при произведении в архиерейство обещания, памятуя незабытно дабы ничему в оных действиях и определениях запрещенному преступлению и возбраненных взяток ни под каким протекстом не было, чего и за прочими в Москве обретающимися архиереи, до которых ставленники от него ради рукоположения отсылаться будут, как возможно, усматривать и, усмотря, неотложно о том Св. Синод уведомлять без всякого опущения, опасаясь жестокого ответа». Учрежденное на изъясненных основаниях управление Синодальной области получило наименование «Московской

духовной дикастерии» (консistorии). Поставленный во главе этого управления Леонид архиепископ Сарский и Подонский, заступив на место епархиального епископа, заведовал делами Синодальной области в качестве доверенного от Св. Синода лица.

1. Московская духовная дикастерия

По существу, и цели вышеприведенного определения Св. Синода, Московская духовная дикастерия должна была составить центральное учреждение для дел Синодальной области. Применительно к этому назначению была предначертана и первая, данная советнику Св. Синода, Леониду – архиепископу Сарскому и Подонскому, инструкция, которая в отдельных пунктах повторяла вышеизложенное определение Св. Синода.²¹⁹ Эта инструкция, содержа лишь общие указания круга и предметов ведомства, не предлагала руководственных правил для частных и отдельных действий. Поэтому архиепископ Леонид, вступив в управление порученной ему областью, еще до отъезда Св. Синода из Москвы, обратился с требованием разъяснения своих недоумений, которые и изложил в 24 пунктах. Ответствуя на эти пункты, Синод повелел чинить следующее:

1) о производстве не в степенные малые монастыри настоятелей, в присутствие Св. Синода в Москве, докладывать Синоду, а в отсутствие производить по дикастерскому определению, с таким усмотрением, чтобы в том определении Духовному Регламенту противности не было, например, где малобратственный монастырь, тут архимандритов не ставить, хотя бы и прежде был, то же и об игуменах чинить и о том в Синод рапортовать;

2) в большие Московские соборы в Кремле, в протопопы без доклада и определения синодального не производить, а в прочие соборы определять против одного о нестепенных монастырях учиненного определения с достоверным добронравного их жития свидетельством, в новозавоеванные города, яко в нынешний низовый поход, ежели востребуется кто из священников, требовать резолюций у Св. Синода доношением;

3) ставленников к обретающимся в Москве греческим архиереям для поставления посылать по прежнему, а им с них указные, и служителям их определенные доходы иметь по

синодальному в прошлом 721 году,²²⁰ подношению Фиваидского архиерея, состоявшемуся приговору без излишества, и рукополагать оных по реестру, а не через ряд, в чем представляющие к рукоположению иподьяконы весьма опасны быть должны, и о том сказать им в дикастерии Его Императорского Величества указ с запиской и с рукоположением, под жестоким страхом, а почему синодальным подьяконам от ставленных грамот брать, справиться о том с прежним святейших российских патриархов уставлением, по которому и определение им в дикастерии учинить, и о том определенном, дабы они сим токмо довольствовались, а излишнему отнюдь не касались, сказать синодальному казначею и им и подьяконам указ с запиской же и с рукоприложением;

4) из архиерейских епархий в Синодальную область и из Синодальной в архиерейские епархии священников и дьяконов от церквей не отпускать, и отпущенных не принимать, кроме собственного синодального позволения;

5) об определении к церквам попов, дьяконов и прочих церковников чинить по состоявшемуся синодальному 10 августа прошлого 722 года приговору;²²¹

6) о священниках, и монахах и монахинях, которые долгов своих заплатить не могут, чинить, как и о прочих должниках состоявшийся Его Императорского Величества указ повелевает, а именно посылать в каторжную работу, токмо чинов с них не снимать;²²²

7) о священниках и дьяконах, которые явятся в важных винах, чинить по правилам;

8) о духовных персонах которых будут требовать в коллегии и канцелярии по делам, надлежащие действия употреблять по Его Императорского Величества собственноручному указу, каков на поданных марта 19 дня 721 года на докладных синодских пунктах подписан, которым определено так: на которых духовных персон оговор какой будет (кроме тяжких государственных дел) в каком партикулярном злодеянии, таких отсылать к Синоду и следовать о них в Синоде, пока оные до гражданской суда приличны будут, а самим гражданским судьям

в коллегии, или где инде не брать, и не держать, и должен каждый челобитчик в злодеянии на духовых нигде инде бить челом, токмо в Синоде, сие разумеется о брани, бою, краже и прочих тому подобных делах, а по о тех, которые тяжёбые дела, к которым сами духовные себя привязали, яко какая покупка, промыслы, откупы, торги и прочее тому подобное, ежели где определено всем, там и на духовных бить челом, например, в иностранных торгах в коммерц-коллегии, во внутренних торгах, промыслах и откупах в камер-коллегии и прочее тому подобное, а ежели какая духовная персона эта будет в явном каком злодействе, о таковых следовать в гражданском суде, токмо для снятия чина присылать в духовное правительство по прежнему и по силе того Его Императорского Величества собственноручного указа, чему определено быть в Синоде, тому в неприсутствии Синода в Москве действовать в дикастерии, и которые от духовных персон и от священного чина по чему доношению или челобитью и по допросам их и по ясным доказательствам и по беспристрастному исследованию в важных делах дойдут до гражданского розыска: тех, кои в Синоде таких чинов, их обнажены бывают, обнажать в дикастерии, откуда и отсылку имев в гражданский суд, чинить по обыкновению;

9) по делам, касающимся монахов, вотчинных священников, служителей и крестьян монастырей синодальных членов, в небытность последних в тех монастырях, духовной дикастерии поступить так, как предоставлено ей действовать в делах таких же лиц прочих монастырей;

10) за правильные вины от мужей отрешенных жен в монашество не постригать, и отсылать на прядильный двор, буде по винам, их окажутся повинны наказанию или ссылке; относительно мужей, требующих иного бракосочетания, чинить по правилам;

11) не разводить и не постригать без синодского рассуждения ни мужа, ни жены, ищущих развода по болезни, но исследовать «обстоятельно и опасно» и по освидетельствовании болезни врачом присылать доношение в

Синод с письменным свидетельством и ожидать резолюции синодальной;

12) исследовать и постановлять решение по правилам о мужьях и о женах, оставляющих друг друга и вступающих к новым супружества;

13) в случае бегства жены от мужа исследовать достоверно не оставленное ли лицо тому причиной и буде «вины оставленного лица в том никакие не явятся», оставившему отказывать, а сочетавшемуся браком «быть неразлучну»; если же оставленное лицо окажется виновным в «умышлении на живот» и прочее, в таком случае, по разлучении, обязывать жить в прежнем браке;²²³

14) чинить по правилам, когда жена, оставившая мужа обманом, выдать за другого, как в том случае, когда первый муж не потребует, так и в том, когда потребует оставившую к себе;²²⁴

15) по жалобам на духовных лиц «в блудных насилиях» исследование чинить в дикастерии, доколе до гражданского розыску не дойдет, а в малых винах и решение в оной постановлять по указам;

16) с Синодом и Сенатом сноситься «доношениями», с синодальными членами, епархиальным архиереями, коллегиями и канцеляриями – промемориями, и управителями синодальных членов – указами;

17) на место умерших попов и диаконов производить обучавшихся в школах, и прочих достойных священства, не ожидая возраста оставшихся от оных умерших детей;

18) жалобы по делам, решенным при преосвященных Стефане Рязанском, Игнатии Крутицком и греческих архиереях не принимать, а предоставлять обращаться в Св. Синод;

19) принимать доношения по делам инквизиторов, согласно инструкции протоинквизитора, и производить по ним расследования и постановлять решение в присутствии протоинквизитора;

20) разрешать производить из церковных сумм уплату, по оценке, женам и детям умерших священнослужителей за их дворовое и хоромное всякое строение и в том случае, если на места умерших будут определены из обучавшихся в школах.²²⁵

Приведенными постановлениями исчерпывался и определялся круг действий Московской духовной дикастерии на первых порах деятельности этого учреждения. С течением времени круг этого ведомства еще более определился по особым синодальным распоряжениям.²²⁶ Особенно же ведомство Московской духовной дикастерии расширялось в тех случаях, когда дела других существовавших в Москве синодальных учреждений, при закрытии их, переходили в дикастерию. Так, при упразднении, в 1724 году 20 мая, приказа церковных дел в духовную дикастерию поступили:

1) сбор от причтов книг о неисповедывавшихся и исповедовавшихся;

2) наряд Московских шести сороков священнослужителей в крестные ходы;

3) смотрение за церковным благочестием в Москве;

4) отправление похоронных памятей о погребении скоропостижно умерших;

5) выборы погодных в сороках поповских старост и для посылок десятских к слушанию благовеста (который прежде соборного бывает) десятских же, т. е. для наблюдения, чтобы не начинали звона в Москве прежде соборного, и

6) сбор ведомостей от поповских старост о родившихся и умерших.²²⁷

Своего рода расширение круга дикастерского ведомства последовало и при упразднении розыскной раскольнических дел канцелярии через передачу, 7 февраля 1727 г., в дикастерию сбора штрафных с неисповедывавшихся денег по священническим ведомостям в Синодальной области. Собираемые штрафные деньги с неисповедывавшихся дикастерия, вместе с табелями из священнических ведомостей, обязана была представлять в Св. Синод по прошествии каждого года безотлагательно.²²⁸ При закрытии Московской Синодального правления канцелярии, 26 июня 1727, Св. Синод сделал общее распоряжение, чтобы, оставив одну духовную дикастерию, передать в нее все дела по описи – вершенные и действием исполненные для хранения в архиве, а невершенные – для решения по указам и генеральному регламенту без

продолжения времени с тех, чтобы о сомнительных представлять Св. Синоду обстоятельные доношения со мнением;²²⁹ дикастерии же было представлено Синодом составить окончательные предположения и о распределении оставшихся после закрытия Московской синодального правления канцелярии сторожей солдат и проч.²³⁰ С закрытием канцелярии дикастерия заняла центральное положение относительно заведывания делами Синодальной области.

Присутствие дикастерии, под председательством Леонида, архиепископа Сарского и Подонского, по первоначальному установлению Св. Синода, составляли архимандриты Московских монастырей: Петровского – Сергей и Донского – Иоаким. К составу сих лиц прежде других был приобщен Киприан – архимандрит Спасоярославского, после Воскресенского, что на Истре, монастыря. При закрытии в 1724 г. приказа церковных дел, Синод указал судье этого приказа, архимандриту Златоустова монастыря Антонию, и товарищу его, игумену Воздвиженского монастыря Макарию, «быть у дел и сидение иметь в духовной дикастерии с прочими дикастерскими чины».²³¹ Из поименованных членов архимандрит Антоний 19 апреля 1726 г. умер, прочие же, а именно Сергей Петровский, Киприан Воскресенский и Макарий Воздвиженский 16 декабря 1726 были отрешены от дел духовной дикастерии и оставлены при своих монастырях по-прежнему. В дикастерии был оставлен один Донской архимандрит Иоаким, который и должен был заведовать делами дикастерии, под ведением Леонида – архиепископа Сарского и Подонского; последний в сомнительных и недоуменных случаях должен был обращаться в Синод со своим мнением.²³² По назначении, в 1727 г. 3 Июня, Иоакима епископом в Переславль на его место в дикастерию вступил Серапион – Знаменский архимандрит. К концу 1730 г. в присутствии дикастерии оставался один Аввакум – игумен Угрешский, бывший прежде протоиереем. 11 ноября 1730 г. Синод словесно просил государыню о назначении в духовную дикастерию судьей Феофила – архимандрита Новоспасского с тем, чтобы при нем для отправления дикастерских дел в товарищах был и упомянутый Аввакум.²³³ Вступив в

отправление своей должности, Феофил возбудил перед Св. Синодом ходатайство об усилении состава присутствии Московской духовной дикастерии, именно светским лицом, указав при этом на члена коллегии экономии синодального правления, Ивана Топальского. Докладывая государыне о назначении Топальского в дикастерию, на правах «советника коллежского», Синод между прочим писал: «издревле в Москве в доме святейших патриархов (что ныне синодальный) был учинен патриарший разряд, и в нем были для отправления дел, судящие из духовных и светских персон, и те светские персоны назывались патриаршими боярами, с которого приказы, по состоянию Синода, для таковых же дел отправления учинена духовная дикастерия, которая то правление так (как и в том бывшем патриаршем разряде происходило) ныне и имеет». По этому синодальному докладу государыня определила Топальского к делам в дикастерию, в чине коллежского советника.²³⁴ Топальский заседал в дикастерии до 1741 г., когда по определению Св. Синода, 14 октября, был заменен Филиппом Ягодынским, бывшим судьей дворцового приказа. В то время как Топальский оставался бессменным, заседавшие в дикастерии архимандриты, менялись сменяя друг друга.

Прокурорские обязанности при дикастерии исполнил прокурор монастырского приказа Раевский, по назначению синодального обер-прокурора, в то время полковника Болтина. Относительно обязанностей Раевского дикастерии не было преподано определенных наставлений. Отсюда между дикастерией и Раевским возникали пререкания, которые, по предложению синодального обер-прокурора, разрешались Св. Синодом.²³⁵ В общем Раевский наблюдал за правильностью делопроизводства в дикастерии, как и в других, подчиненных Св. Синоду, учреждениях. По силе этого наблюдения, Раевский о замеченных непорядках и неисправностях обязан был предварительно докладывать присутствию учреждения о замеченных неисправностях, в случае же безуспешности его заявлений, доносить синодальному обер-прокурору, который о таковых доношениях прокурора предлагал Св. Синоду на разрешение.²³⁶ Канцелярию дикастерии составляли секретари с

дьяками и приказными других низших наименований. По табели 1722 г. при дикастерии показал один секретарь²³⁷, впоследствии определен был и другой. По смерти одного из них, в 1727 г., преосвященный Леонид безотлагательно возбудил ходатайство перед Св. Синодом об определении другого секретаря объяснив, что дикастерия отягчена делами, и одному секретарю «управиться весьма не можно». При этом Леонид указывал на особенное умножение дел в дикастерии, вследствие упразднения розыскной раскольнических дед канцелярии.²³⁸ Два секретаря показываются и в последующее время.

При открытии своей деятельности Московская духовная дикастерия была единственным в Москве учреждением, созданным Св. Синодом. Поставленному во главе этого учреждения Леониду архиепископу Сарскому и Подонскому было поручено «духовный и казенный синодального правления приказы во всем ведать и инквизиторские дела рассуждать и определять как надлежит».²³⁹ По мысли этого поручения дикастерия должна была занять первенствующее положение между другими существовавшими в Москве синодальными учреждениями. Такое положение дикастерии Св. Синод признавал необходимым защищать и поддерживать в тех случаях, когда представлялся к тому повод.²⁴⁰ Иначе определены и разъяснены были Св. Синодом отношения Московской духовной дикастерии к Московской синодальной правления канцелярии. При отъезде в 1724 г. Св. Синода из Москвы, Московская духовная дикастерия обратилась к Св. Синоду с докладом, в котором между прочим вопрошала Синод: «в отсутствие Св. Синода оставшемуся члену такое послушание и подчинение иметь, как и всему собранию, такожде и дела вершенные и невершенные отдавать ли?» При этом дикастерия прилагала и свое мнение по данному вопросу, предлагая за лучшее определить, каким делам быть в дикастерии и каким у отставшего члена, дабы «всяк мог за свое дело ответ дать». Возбужденный дикастерией вопрос, Синод разрешил таким образом: «обретающиеся дела в канцелярии отставшего синодального члена и в дикастерии, которые явятся сомнительными, те, собрався в синодальную крестовую палату,

вершить по указам, и крепить обще; а ежели и с общего согласия решить за чем будет невозможно таковые, с учинением общего мнения, присылать Синоду, а корреспонденцию оной канцелярии с дикастерией иметь о государственных делах указами, а из дикастерии писать доношениями под титулом Св. Синода».²⁴¹ По мысли этого разъяснения дикастерия ставилась в подчиненное положение относительно канцелярии, на обсуждение которой и должна была представлять сомнительные дела.²⁴² Отношение дикастерии к канцелярии определялись вообще тем, что дикастерия ведала по преимуществу дела епархиального характера Синодальной области; напротив канцелярия занимала положение высшего центрального учреждения для дел Синодальной области, и поступивших в нее по особым распоряжениям Св. Синода. Епархиальный характер дикастерии, представляя ее необходимым для Синодальной области учреждением, послужил основанием к тому, что в 1727 г. Св. Синод, разрешая вопрос о закрытии одного из существовавших в Москве учреждений, признал излишним существование Московской синодального правления канцелярии и передал её дела, для хранения и дальнейшего производства, в Московскую духовную дикастерию. Возобновление в 1732 г. Московской синодального правления канцелярии, и как сказано выше, с характером епархиального управления, поставленного под начальство преосвященного, с поручением последнему заведывания Синодальной областью, очевидно должно было расширить компетенцию этого учреждения, на счет ведомства духовной дикастерии. И действительно, во время заведывания Синодальной областью преосвященных Иоакима Ростовского, Вениамина Коломенского и Митрофана Тверского, которые председательствовали в Московской синодального правления канцелярии, дикастерия не имела прежнего значения; она заняла положение вспомогательного учреждения для канцелярии по наблюдению за церковным благочинием и жизнью духовенства и исполнением её распоряжений. По образовании в Москве, 1 сентября 1742 г., самостоятельной епархии, с назначением в неё особого епископа, последний

естественно должен был непосредственно стать к делам епархиального управления. Поэтому, хотя Св. Синод указом, от 18 марта 1743 г., и поручил Иосифу Волчанскому управление в звании синодального члена, Московской синодальной конторой, тем не менее Иосиф, вступив в управление Московской епархией, распорядился перевести из синодальной конторы в Московскую дикастерию все дела, принадлежавшие к его епархии, как то: о построении и освящении церквей, назначении священников и диаконов, пострижении в монашество и т. д. С этого времени Московская духовная дикастерия утратив характер синодального, получила значение в собственном смысле епархиального учреждения, подлежащего в дальнейшей ее судьбе исследованию в ряду синодальных учреждений прежнего времени.

При широте и разнообразии круга своего ведомства, Московская духовная дикастерия не обнимала и не могла вдруг обнять всех сторон управления бывшей Патриаршей, а со времени Св. Синода – Синодальной области. Необходимы были иные учреждения, в которых сосредоточивались дела, не подлежавшие непосредственному ведению дикастерии, и которые в то же время служили переходными стадиями к всестороннему дикастерскому заведыванию делами Синодальной области. Такими учреждениями были приказы, которые, возникнув в период патриаршества, сохранили свое существование во время местоблюстительства патриаршего престола, а с учреждением Св. Синода получили наименование синодальных приказов. Ближайшими к кругу дикастерского ведомства из этих приказов были: приказ духовный и церковных дел.

2. Духовный приказ

Возникновение Духовного приказа и патриарший период находится в связи с делом патриарха Никона и вообще со стремлениями церковной власти освободить духовенство от светской подсудности и светского суда по обвинениям светских лиц. Уложение царя Алексея Михайловича, образовав для духовенства, исключая патриарха, духовных и церковных людей его области, особое светское судилище в лице монастырского приказа, как государственного учреждения, передало духовенство в руки светского правосудия. Патриарх Никон, не одобряя в этом пункте соборного уложения царя Алексея Михайловича, возражал и против компетенции монастырского приказа в судных делах духовенства. Большой Московский собор, осудив патриарха Никона за неумеренность его суждений и решительность действий, направленных против распоряжений государства относительно церкви и духовенства, в сущности признал возражения патриарха Никона заслуживающими внимания. Возражения эти в общем были повторением и развитием, по указанию современного положения дел, тех суждений, которые обыкновенно разделяли представители церковной власти, когда заходил вопрос о лучшем устройстве духовной администрации, с устранением её недостатков. Московский собор 1551 г., по предложению царя Иоанна Васильевича Грозного, в статьях о святительском суде старался выразить и отстоять идею освобождения духовенства от излишней подчиненности светским архиерейским чиновникам, сформировать и образовать святительский суд по жалобам на духовенство по преимуществу из лиц духовых. освободив совершенно монашествующее духовенство от привлечения на суд святительских бояр.²⁴³ Большой Московский собор 1667 г., преследуя те же цели, издать общее постановление о невмешательстве светских лиц в судные дела над духовенством. Собор постановил: «впредь быти судьей духовных дел и духовных лиц духовному человеку, сиречь архимандриту с другими искусными мужи в патриаршем дому, в

духовных делах судити и рассуждати духовные лица, сиречь священнического и монашеского чина, яко да не вовлачают отныне священников и монахов в мирские судилища, ниже да судят мирские люди освященного чина и всякого церковного причта, яко же воспрещают св. правила».²⁴⁴ Согласно с таким общим постановлением, собор озаботился издать отдельное распоряжение об образовании на дворе патриарха особого судилища для суда и расправы над духовенством. Таким вновь открытым учреждением и был духовный приказ, судьями коего тогда же были назначены Переславля Залесского Горецкого монастыря архимандрит, Чудова монастыря келарь и Сретенского собора протопоп. Назначением этого приказа было именно образование особого и отдельного для духовенства суда в противовес и в замену монастырского приказа. Подтверждением этой мысли служит распоряжение, которое сопровождало открытие этого приказа. В выписке прав и привилегий греко-российской церкви, составленной при патриархе Адриане, читаем: «В прошлом в 176 году января во 2-й день, великий господин святейший Иоасаф, патриарх Московский и вся России указал послать в монастырский и в иные приказы памяти, чтобы архиереев, архимандритов, и игуменов, и священников, и диаконов, и монахов, и инокинь, и церковных причетников и их людей судить в духовном приказе властям по повелению великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича – и по изложению всего освященного собора. И в 176 г. января в 4-ый день против соборного изложения в монастырский приказ послана память, и в памяти написано: «архиереев, архимандритов, и игуменов, и священников, и диаконов, и монахов, и инокинь, и весь церковный чин и их людей мирским людям ни в чем не судити» и. т. д.²⁴⁵ Открытый, таким образом, духовный приказ был именно удовлетворением настояниям духовной – со стороны светской власти, освободившей духовенство от светской подсудности. Новость и неподготовленность, при тогдашних условиях, почвы для этого учреждения были причиной непродолжительности его существования. В той же выписке прав и привилегий греко-российской церкви читаем: «В 183 году

сентября в 18 день царь Алексей Михайлович и святейший Иоаким патриарх Московский и всея России указали: «которые в патриаршем духовном приказе дела ведали и расправой ведомы были, и те дела ведать в патриаршем разряде, и духовному приказу не быть». Закрытие Духовного приказа, указывая на отдельность его существования от патриаршего разряда, вполне свидетельствует, что приказ слился с разрядом, образовав при нем отделение для заведывания дела его компетенции.²⁴⁶ Отделение это, сохранив свое существование, по закрытии 16 октября 1700 г. патриаршего разряда, образовало особый приказ с возобновлением его прежнего наименования. Ближайшую компетенцию этого приказа должны были составить дела, которые, при закрытии патриаршего разряда, были предоставлены ведению местоблюстителя. «А которые дела, заключал именной указ о закрытии патриаршего разряда, в патриаршем приказе были и впредь будут в расколе и в иных противностях церкви Божией и в ересях: и те дела ведать преосвященному Стефану митрополиту Рязанскому и Муромскому».²⁴⁷ В 1701 г. Стефан Яворский к ведомству этого приказа присоединил и дела закрытого в то время патриаршего приказа церковных дел, но это не возвысило значения Духовного приказа, хотя последний и действовал именем и правами местоблюстителя патриаршего престола. Златоустовский архимандрит Антоний в 1721 г., докладывая Св. Синоду о необходимости увеличения состава порученного ему заведыванию приказа церковных дел, в виду расширения его ведомства делами о взимании штрафов с неисповедывавшихся и о раскольниках, в подкрепление своего доклада указывал на пример организации духового приказа. Антоний писал: «понеже в бывшем патриаршем духовном приказе таких важных дел, как наперед этого не бывало и ныне нет, но и тут при оных делах был судья, да при нем два дьяка».²⁴⁸ Замечание Антония, указывая на малозначимость компетенции Духовного приказа, представляло его все время действовавшим учреждением. Обыкновенно через духовный приказ Стефан Яворский управлял бывшей Патриаршей областью и делал распоряжения по делам церкви. При вызове

Стефана Яворского на жительство в С.-Петербург, Петр Великий, поручая Игнатию митрополиту Сарскому заведывание Патриаршей областью, указал: «в Москве соборную церковь и патриаршую епархию, также и духовные всякие дела ведать и отправлять, как ведал и отправлял преосвященный Стефан митрополит Рязанский и Муромский».²⁴⁹

В этом Высочайшем поручении заключалось и предоставление ведомству Игнатия Духовного приказа.²⁵⁰ Вопросая Св. Синод о порядке управления делами бывшей Патриаршей области, Игнатий писал: «а впредь мне, богомольцу, те духовные и принадлежащие дела патриаршей епархии, и оный духовный приказ ведать ли и кем збирать пошлины» и т. д. На этот вопрос Игнатия Св. Синод отвечал: прежде бывшего патриаршего Духовного приказу и впредь прилагающиеся Патриаршей области духовные дела ведать и управлять достойной тому духовной персоне, которая Правительствующим Духовным Синодом усмотрела и определена будет».²⁵¹ Вместо одной персоны, Св. Синод, по отозвании Игнатия в С.-Петербург, управление Патриаршей областью поручил двум греческим архиереям и трем архимандритам Московских монастырей.²⁵² Управление этих лиц оказалось не на желательной высоте. Вследствие этого Св. Синод, как видели, принужден был создать и образовать особое учреждение для заведывания делами бывшей Патриаршей области – Московскую духовную дикастерию. Поставленному во главе этого учреждения Леониду – архиепископу Сарскому и Подонскому, указано было иметь в своем заведывании духовный и дворцовый приказы синодального правления. При учреждении дикастерии по-видимому не имелось в виду закрытия Духовного и других существовавших в Москве приказов синодального правления. И в вышедшем за этим 22 июня 1722 г. разъяснительном указе Св. Синода, относительно порядка производства дел по инстанциям синодального ведомства, духовный приказ показал первым в числе подчиненных Св. Синоду Московских приказов со всеобъемлющим кругом юрисдикции по всем делам синодального ведомства, возникающим «от Московских и всей

бывшей Патриаршей нынешней же Синодальной области обывателей».²⁵³ При всем том возникновение нового учреждения с юрисдикцией, обнимавшей круги ведомства прежнего, не могло остаться без последствий. Последствия эти оказались в том, что с открытием действий Московской духовной дикастерии деятельность синодального Духовного приказа как бы замирает, и о нем, как о самостоятельном учреждении, в синодальных документах упоминания не встречается, хотя не знаем и особого постановления о прекращении его существования. Объясняется это тем, что судьба этого приказа давно уже была предрешена. Петр Великий, учреждая Синод, повелел, чтобы «патриаршего Духовного приказу всякие указные книги и дела что касается к духовной коллегии с дьяками, и с подьячими и при них прочие служители были высланы в С.-Петербург в оную духовную коллегию без мотчания».²⁵⁴ В настоящем Высочайшем повелении как бы уже предносилась мысль о совершенном упразднении Духовного приказа и о замене его духовной коллегией. Настаивая на исполнении этого Высочайшего повеления, Синод требовал высылки всех приказных Духовного приказа с книгами и делами, начиная с 710 года, оставив в нем подьячих одного старого и двух молодых с оставшимися там делами и книгами. Митрополит Игнатий выслал половину, – из них семь человек оказавшихся «годными к делам» оставлены в Синоде, а восемь «за негодностью» отпущены в Москву с тем, чтобы «быть у дел в духовном приказе по прежнему»²⁵⁵. По спискам, составленным в начале 1722 г. в духовном приказе значилось приказных: два дьяка, пять подьячих старых, один средний и девять молодых.²⁵⁶ С прекращением самостоятельной деятельности приказа, и эти приказные распределились на службу по другим учреждениям, в том числе и в духовную дикастерию.

3. Приказ церковных дел

Приказ этот был образован во времена Московского патриаршества из существовавшей при первых патриархах тиунской избы. История и судьба этого учреждения так изображена в официальном документе: «в прошедших летах, при бытности святейших патриархов, издревле бывала тиунская изба, и ведали архимандриты протопопы и ризничие, и управляли всякое церковное благочиние, и между церковным чином в церковных неисправлениях рассуждение. А в прошлых годах, блаженные памяти, при святейшем Иоакиме, патриархе Московском и всея России, построены из казны особливые палаты, близ собора Покрова Пресвятыя Богородицы и Василия Блаженного, что на рве, и вместо тиунской избы повелено быть приказу церковных дел и тиуны писались приказными. И в прошлом 701 году, по указу великого государя, нелепо ведать приказ церковных дел духовного приказа судье монаху – Иосифу Булгакову, для всякого его скоро рассмотнительного в приказном поведении управления и рассуждения, и надлежащие из приказа церковных дел дела и книги перенесены на патриарший двор в духовный приказ, а после судьи монаха Иосифа Булгакова был судьей патриарший крестовый иеромонах – Иринарх, а ныне от судейства ему отказано. А по приказу преосвященного Стефана – митрополита Рязанского и Муромского, тиунской велено быть особо, кроме Духовного приказа, и по-прежнему писаться приказом церковных дел, а судьей велено быть его архиерейскому ризничему иеродиакону – Трифиллию Поморцеву, и велено ему сидеть и всякие дела управлять в прежних палатах, которые построены из казны Святейшего патриарха». Настоящий документ представляет донесение Правительствующему Сенату судьи церковных дел иеродиакона Трифиллия, который по распоряжению Стефана Яворского, просил Сенат о возвращении прежнего помещения приказа церковных дел, занятого в то время «изуграфств исправления супер-интендантом Иваном Зарудным». Сенат уважил это донесение, указав ему занять прежнее помещение

приказа церковных дел.²⁵⁷ Постановленный в 1711 г., по распоряжению Стефана Яворского, приказ церковных дел или не получил этого наименования при его возобновлении, или получив его, вскоре был переименован в тиунскую палату, под каковым названием и пишется до 1718 г.²⁵⁸ До этого времени рассматриваемое учреждение ведало главным образом дела «церковного благочиния», также сбор пошлин, «крестцовых служб и годовых с попов и диаконов и с церковничьих новоявленных памятей». С 1718 г., когда у всех попов, под угрозой извержения из сана и лишения имущества, повелело отобрать сказки в том, что они в поданных в 1716 и 1717 гг. росписях неисповедававшихся не показали исповедавшимися и раскольников – не противниками Церкви Божией, и когда все этого рода дела с тиунской избой (тиунской палатой) приказано ведать Златоустовскому архимандриту – Антонию²⁵⁹ с этого времени ведомство приказа церковных дел расширилось и значение его возвысилось. Умножение дел в приказе, по словам Антония, возросло особенно с того времени, когда приказу поручено было делать расследование о имеющих брады, кроме крестьянства и ямщиков». ²⁶⁰ Круг ведомства приказа обнимал «смотрение в Москве над церковными священнослужителями всякого благочиния и случающиеся им в указанные места отправления и положенным с них деньгам сбор, также всякие о раскольниках дела и определенный с них сбор.²⁶¹ К этим делам, как показывает практика, относились обнаружение и увещание раскольников, посылка в разные места для этой цели и для следствий доверенных лиц, отобрание и хранение предметов оказательства раскола и т. п. В этом отношении приказ являлся главным проводником правительственных распоряжений, при содействии Розыскной раскольнических дел канцелярии.

Со времени назначения Златоустовский архимандрит Антоний один оставался заведующим приказом. В виду умножения дел в приказе, Антоний в 1721 г. 10 августа обратился в Св. Синод с просьбой о назначении к нему одного или двух сотоварищей из Духовного или мирского чина, дабы в отправлении дел было наипаче вящее исполнение без замедления.²⁶² Синод предоставил Антонию избрать себе в

товарищи духовную персону «потребную». Известия об этом распоряжении не дошло до Антония; поэтому он вновь повторил Синоду свою просьбу, которую мотивировал таким образом: «понеже мне одному оных дел, за умножением, а паче, что оные дела, сочиненные вновь, из которых происходят великие сопротивления ко святой восточной церкви, и достойны оные следованию не без совета... И для того оных дел править мне одному невозможно, понеже оный приказ издревле таковых дел, каковые ныне содержатся, в себе не имел, к которым я немало озабочен; а ежели к отправлению оных дел вспомоществование из знающих приказной регул какого ко мне определено не будет... то прошу от оных дел быть мне уволену, дабы мне от недознания моего не прийти под каковое подозрение». Синод предоставил Антонию выбрать себе в товарищи из духовных монашеского чина, из белого духовенства и из мирских, кого пристойно.²⁶³ Антоний выбрал бывшего патриаршего дома иеромонаха Макария, да дьяка печатного приказа Петра Швартова, которых Св. Синод и утвердил помощниками Антония.²⁶⁴ Эти лица и оставались на службе в приказе до его упразднения. Канцелярию приказа, по табели 1722 г. составляли дьяки, канцеляристы(6), подканцеляристы (2), копиисты (18), сторожа (2), капрал и солдаты (22).²⁶⁵

При кажущемся благоустройстве приказа, заведовавший оным архимандрит Антоний не переставал докучать Св. Синоду своими доношениями, заявляя в оных о неисправностях по приказу и встречаемых затруднениях при исполнении функций приказа. Синод по большей части оставлял доношения приказа без ответа и тем вызывал как бы жалобы со стороны заведующих приказом.²⁶⁶ Особенно обременял приказ сбор окладных и штрафных денег с раскольников и неисповедывавшихся. Поэтому заведующие приказом неоднократно просили Св. Синод или прибавить приказных, или сбор окладных и штрафных денег «отрешить» от приказа церковных дел. Св. Синод не делал никаких распоряжений по таким просьбам. Поэтому в январе 1724 г. заведующие приказом, повторив свою прежнюю просьбу, в подтверждение её сослались на то, что по указам государя сбор окладных денег

с раскольников и штрафных с неисповедывавшихся поручен светским, но не духовным лицам. При этом заведующие находили справедливым оставить в приказе только:

1) сбор ведомостей о неисповедниках с одной Москвы, и то, для отсылки, куда повелело будет;

2) записку в раскол, исследование по донесениям и известность на потаенных раскольников и увещание к обращению в православие;

3) благочиние церковное и наряды в крестные ходы;

4) выдачу новоявленных памятей причетникам и просфирням и

5) свидетельство о погребении скоропостижно умерших в убогих домах.

Синод по поводу настоящей просьбы сделал распоряжение, чтобы сборам окладных денег с раскольников и штрафов с исповедников быть в ведомстве Раскольнической розыскных дел канцелярии. Отчисление от приказа дел о расколе, ради которых и расширен был штат его присутствия и канцелярии, естественно выдвигало вопрос о дальнейшей судьбе учреждения. Вследствие этого заведующие приказом не замедлили обратиться в Св. Синод с представлением, в котором объяснив, что «если для оставшихся в приказе малых дел», иметь наличное число приказных на жалованье и приказный расход держать, то произойдет ущерб казенному интересу. К тому времени было подано в Синод доношение судьи Розыскной раскольнических дел канцелярии, Топильского, о том, чтобы ему под помещение его канцелярии были отданы палаты приказа церковных дел. Св. Синод, обсудив в совокупности все обстоятельства дела, 20 мая 1724 г. постановил упразднить приказ церковных дел, распределив его дела между духовной дикастерией, казенным приказом и розыскной канцелярией. По распределении этих дел, Антонию с его товарищем, игуменом Макарием, повелено, как мы видели, быть у дел и сиденье иметь в Дикастерии наравне с членами ее, где указано быть и дьяку Швартову «наравне с разночинными ему дьяками». Подьячие упраздненного приказа были распределены между дикастерией и розыскной раскольнических дел канцелярией.²⁶⁷

4. Розыскная раскольнических дел канцелярия

В первом при открытии Св. Синода заседании, первым же докладом Синод просил государя: «судии мирские, которые определены при духовных персонах у дел раскольнических, дабы были непременно, того ради, что от них есть не малая польза, и духовные персоны к тому определённые об них прилежно просят». По этому докладу государь дал собственноручную резолюцию: «без собственного нашего указа не переменять».²⁶⁸ Настоящей резолюцией оставлялись в ведомстве Св. Синода особые должностные светские лица. Назначением этих лиц вообще было «чинить всякое вспоможение» духовным лицам в делах по расколу. Наблюдая деятельность этих лиц, следует признать, что, оказывая с своей стороны вспоможение, светские лица содействовали розыску и обнаружению заподозренных в принадлежности к расколу, отбирали от объявивших себя раскольниками и оставшихся непреклонными в заблуждении, несмотря на преподанные им увещания, сказки (подписки) о желании их оставаться в расколе, вносили их в раскольнические списки, облагая установленными сборами и пошлинами, взымали эти сборы и пошлины, донося о своих действиях Св. Синоду. При учреждении Св. Синода такими лицами были в Нижегородской епархии – тамошний вице-губернатор Ржевский, в Москве – полковник и лейб-гвардии капитан поручик Плещеев, заменивший в этом отношении с 1720 г. Московского вице-губернатора Воейкова, в Ямбурге и Копорье – гвардии поручик Зиновьев. Первые два были назначены Высочайшими указами, объявленными им в письмах кабинет секретаря Макарова, последний Сенатом по предложению того же Макарова. По примеру этих лиц, когда Св. Синодом были приняты в его ведение дела о расколе, были назначены подобные лица в другие местности, где ощущалась в них потребность. Назначавшимся лицам давались особые инструкции, подробно изъяснявшие круг их занятий, обязанности и отношения к духовным властям и лицам.

Действовавший в Москве полковник Плещеев в доношении от 16 июня 1721 г. так изображал Св. Синоду свои обязанности и занятия: «по именному царского величества указу, велено мне ведать в Москве раскольнические дела и в тех делах Златоустовского монастыря архимандриту (Антонию) чинить всякое вспоможение, также по Его Царского Величества указам, присланным из Св. Правительствующего Синода, повелено считать в приходе и расходе денежные казны и хлеба бывшего патриарха дому дворцового приказу судей и подьячих, и из того, также и из казённого приказов присылать повсемесячные рапорты; и по таким же присланным указом велено по доношению подьячего Могутова исследовать, также и о других делах по тем указам исполнять».²⁶⁹ Возлагавшиеся на Плещеева поручения и занятия производством их сосредоточивались в особом, состоявшем под его ведением, учреждении, которое и носило наименование «Розыскная раскольнических дел канцелярии» или «Раскольническая розыскная канцелярия», или «канцелярия розыскных раскольнических дел» или даже просто «канцелярия Плещеева».²⁷⁰

По поданной от Св. Синода Правит. Сенату таблицы в канцелярии раскольнических розыскных дел полагались: судья, секретарь, два канцеляриста, семь копиистов, сторож, капрал и двенадцать солдат.²⁷¹ В действительности при Плещееве в этой канцелярии находились: дьяк, два подьячих старых и пять молодых, которые с переходом канцелярии в 1721 г. в синодальное ведомство начали получать и содержание из взимавшихся с раскольников сборов. С этой канцелярией Плещеев и исполнял все возлагавшиеся на него обязанности и поручения,²⁷² пока 3 мая 1722 г. по указу государя не был назначен на должность герольдмейстера. Назначенный на эту должность Плещеев взял с собой к герольдмейстерским делам и приказных розыскной раскольнических дел канцелярии, которая таким образом опустела и делопроизводство в ней прекратилось. Обстоятельство это особенно затруднило приказ церковных дел, который пользовался услугами опустевшей канцелярии и находился в постоянных с ней сношениях. Судья

этого приказа, Златоустовский архимандрит – Антоний, донося об этом Св. Синоду, ходатайствовал о скорейшем замещении Плещеева и о возобновлении действий канцелярии. Синод полагая, что Сенат самовольно отрешил Плещеева от раскольников дел, не соглашался с своей стороны сделать распоряжения об увольнении Плещеева и назначении ему преемника. Равным образом и Сенат не оказал содействия Синоду, который просил об определении к раскольников делам «из офицеров человека доброго, к тем делам забытого». Затруднения Синода в этом отношении дошли до государя, который повелел Синоду избрать на место Плещеева двух или трех кандидатов и представить на утверждение. Синод избрать четырех и, докладывая об избранных государю, оговаривался, что они «не весьма о достойных вероятия известен, и того ради просить, дабы к оному правлению определить поверенную персону, кого Его императорское Величество соизволит». Настоящую оговорку Синод присовокуплял в виду важности той должности, для которой указывались кандидаты. Синод по этому случаю писал: «дела в оной канцелярии о расколе и о прочих благочестию противностях случаются и случаться могут, такие важные, которые содержащимся в Тайной канцелярии делам подобны, и того ради требуется к тем делам такая персона, которая могла бы содержать таковую верность, какова в Тайной канцелярии содержится, а к разным светским командам отсылки подозрительных в оных делах людей чинить не возможно, понеже с сами некоторые командиры являются в таких делах подозрительны».²⁷³ Из представленных Синодом кандидатов государь прямо назначил ландрихтера (судью) Московского надворного суда Топильского, который и вступил в исправление обязанностей по новой должности, приняв от Плещеева дела и колодников канцелярии.²⁷⁴

Первым делом Топильского, по вступлении его в должность, была забота об устройстве канцелярии, в которой, за перемещением Плещеева, «копииста ни единого не обреталось». Для возобновления опустевшей канцелярии Синод пытался было возвратить взятых из нее Плещеевым приказных, но не имел в этом успеха. Плещеев удерживал их для нужных

дел в герольдмейстерской канцелярии.²⁷⁵ Из взятых Плещеевым приказных возвращен был в канцелярию по указу Сената один лишь канцелярист Протопопов; прочие не без затруднения были набраны Топильским из приказных других учреждений преимущественно Московского надворного суда. Солдаты для канцелярии были командированы из монастырского приказа. Вообще канцелярия под управлением Топильского подучала благоустроенный вид.²⁷⁶ С закрытием в 1724 г. приказа церковных дел, как видели, круг занятий канцелярии розыскных раскольнических дел значительно расширился. Из закрытого приказа перешли в канцелярию сборы с раскольников двойного оклада и с неисповедывавшихся штрафных денег, собирая которые канцелярия обязана была присылать в Синод и с обыкновенными по указам ведомостями без удержания.²⁷⁷ Затем в ту же канцелярию переданы были следственные дела о потаенных и записных раскольниках и вообще все дела о расколе.²⁷⁸ Под помещение канцелярии были отданы сами палаты приказа церковных дел.

В ряду синодальных учреждений канцелярия розыскных раскольнических дел занимала самостоятельное положение. Возбужденный Московской духовной дикастерией, по упразднении приказа церковных дел, вопрос о порядке сношений с рассматриваемой канцелярией разрешен был в том смысле, что «духовной дикастерии в розыскную раскольнических дел канцелярию письменную корреспонденцию между собой иметь промемориями, и указов из той дикастерии в оную канцелярию не посылать, понеже она розыскная раскольническая канцелярия той дикастерии не подчинена, но состоит, равно как и прочие приказы под вышней дирекцией Св. Прав. Синода».²⁷⁹ Ограждая права канцелярии розыскных раскольнических дел в ряду прочих синодальных учреждений, Св. Синод предпринимал со своей стороны попытки к возвышению вообще административного положения канцелярии и ее судей. Так, спустя около месяца по назначении в канцелярию Топильского, Синод особым докладом предположил испросить указания государя на то, как писаться Топильскому по

его новой должности в канцелярии розыскных дел, и какой ему получать трактament, предлагая Его Величеству свое мнение, что Топильскому, писавшемуся в надворном суде ландрихтером и состоявшему по печатному табелю о рангах, в 8 классе против майоров, теперь прилично видится писаться, для большей нужных дел важности, вице-президентом оной канцелярии с придачей ему товарища.²⁸⁰ Мысль об установлении нового ранга для Топильского и о перечислении самой канцелярии в ранг коллегии не перестала занимать Св. Синод еще более после того, когда с упразднением приказа церковных дел, вследствие новых особых распоряжений, канцелярия заняла центральное значение в делах о расколе и сборах с раскольников всех епархий.²⁸¹ В числе предметов, предполагавшихся для обсуждения на конференции с Сенатом, значилась вопросы: «об учинении канцелярии розыскных раскольнических дел коллегией» и «об определении судьбе Ивану Топильскому ранга и трактamenta».²⁸² Выступая с подобными предположениями, Св. Синод нимало не думал о передаче дел о расколе в светское ведомство, напротив настаивал на противном даже после того, как Прав. Сенатом было сообщено ведением, что «сбору с раскольников и бородачей» велено быть при Сенате в особой конторе, в которой назначено быть стольнику Афанасию Савелову. По поводу этого ведения, Св. Синод 25 марта 1725 г. обратился к государыне со всеподданнейшим докладом, в котором подробно изъяснял причины, по которым, по мнению Св. Синода, сбору с раскольников двойного оклада надлежало быть в Синоде, а не в Сенате.²⁸³ До разрешения этого доклада, в начале (5 января 1726 г., тогдашний синодальный обер-прокурор Баскаков распорядился ведомости означенных сборов и подьячих отдать стольнику Афанасию Савелову, равным образом 7 февраля 1726 г. кабинет-секретарь Макаров письмом уведомил Синод, что «Ея Императорское Величество указала сбору с раскольников и с бородачей денег быть при Сенате... а когда Св. Синоду для обращения раскольников по Духовному регламенту потребны будут деньги, о том сноситься с Правит. Сенатом».²⁸⁴ Исполняя настоящее Высочайшее повеление, Св.

Синод распорядился вышеозначенные о сборе с раскольников денег ведомости, которые были в синодальном ведомстве, из всех подчиненных Синоду мест отдать помянутому стольнику Савелову немедленно. А для увещания оных раскольников к обращению их в правоверие определенным духовным персонам к удовольствованию их в надлежащий трактамент и в прочие расходы, что, где прежде исходило, и что, где еще таких персон и денег определить надлежит, о том выписать обстоятельно по епархиям и городам, с изъявлением множества в них раскольников и происходящих действий, без замедления. А судью Ивана Топильского, которой в розыскной раскольнических дел канцелярии именным указом определен был к вышеобъявленному с раскольников сбору, понеже ныне тот с раскольников и бородачей сбор определен уже под ведомство Правительствующего Сената, а под Синодским ведомством остался один токмо сбор с неисповедывавшихся штрафных денег, которые по священническим ведомостям можно собирать с Синодальной области в духовной дикастерии, а в епархиях архиерейских домов приказным управителем, того ради определить в Московскую синодального правления канцелярию за асессора. А Нижегородского вице-губернатора Ржевского, также и определенных в Новгородской и Псковской епархиях к раскольническим делам поручиков и при розыскной тех дел канцелярии обретающихся офицеров из синодского ведомства с теми раскольническими делами выключить, и велеть им о всех про сборы с раскольников действиях рапортовать и к тому, о чем надлежит, впредь резолюции требовать из Правительствующего Сената.²⁸⁵

Настоящим распоряжением Св. Синода согласно объявленному ему Высочайшему повелению, с точностью определял каков на будущее время должен быть порядок прежних соборов с раскольничьих и штрафных денег с неисповедывавшихся. Первые отходили в Сенат, последние оставались в синодальном ведомстве и должны были производиться в Синодальной области Московской дикастерией, а в епархиях духовных дел управителями. Вопросы о судьбе розыскной раскольнических дел канцелярии Синод не коснулся.

Вопрос этот возбудила Московская синодального правления канцелярия, которая донося Св. Синоду об учиненных ей распоряжениях касательно отсылки надлежащих ведомостей в Сенат к Савелову, спросила Св. Синод: «как быть после такого преобразования розыскной раскольнических дел канцелярии с ее штатом чиновников, и с подчиненными ей местными по городам лицами и учреждениями». При этом канцелярия предложила со своей стороны мнение: «так как Сенату передано заведывание лишь денежными сборами с раскольников, а следование об отступлениях в раскол и прочих преступлениях против веры остаются в ведении Синода, то следует быть при Синоде для таких дел особой конторе, которая могла бы ведать, как розыск по отступлениям в раскол и вообще по преступлениям против веры, так и сборы штрафных денег с неисповедывавшихся. Личный состав такой конторы мог бы быть образован из чинов упраздняемой канцелярии. С своей стороны и Московская духовная дикастерия, указывая на затруднительность возложенного на нее Синодом поручения взимать штраф с неисповедывавшихся, писала Синоду о неудобствах произведенной перемены, но затруднения дикастерии были устранены тем, что по распоряжению Сената ведомости о неисповедывавшихся из посадских людей должны быть представляемы в магистрат, а о других – к воеводам и камерирам, исключая военных людей и крестьян. Не остался безмолвным и бывший судья упраздняемой канцелярии Топильский, который доношением от 7 марта 1727 г., спрашивал Св. Синод как повелено будет поступить с составом приказных, равно со всеми вершенными и невершенными делами, отобранными от раскольников образами и рукописями²⁸⁶ и т. п. Синод, обсудив дело, постановил: «оставшиеся в розыскной раскольнических дел канцелярии вершенные и невершенные дела, и кроме тех, по которым противные иконы и раскольнические мнимые тайны и прочее, что в духовном правлении быть надлежит, отдать в обретающуюся в Москве раскольническую контору стольнику Афанасию Савелову, а приходные и расходные и поданные Московских шести сороков от приходских попов о

исповедовавшихся и неисповедававшихся людях книги, для случающихся впредь по ним справок, также иконы и рухлядь, и раскольнические таинства, и тетрадки, и письма, приличные к расколу, взнести с описью в Московскую синодальную канцелярию, где и хранить по обыкновению». При этом Св. Синод сделал постановление о секретаре и приказных упраздняемой канцелярии, предоставив коллегии экономии синодального правления, разобрав их, по усмотрению потребных определить к делам, а прочих отослать к стольнику Савелову.²⁸⁷

Так прекратило свою деятельность учреждение, которое своим существованием было обязано стремлению Св. Синода удержать в своем ведении те стороны народной жизни, в которых приметен был церковный или религиозный элемент, а своим упразднением отвечало наклону правительства к секуляризации синодального ведомства. При посредстве этого учреждения Св. Синод управлял делами раскола, не выходя, так сказать, за пределы своего ведомства. Представления Св. Синоду со стороны подчиненных ему мест о сохранении рассматриваемого учреждения и после того, как судьба его, можно сказать, была решена, показывают, что в среде деятелей синодального ведомства того времени жило сознание о необходимости и полезности этого учреждения для правильного течения дел и успешного достижения целей в той области, в которую была направлена деятельность закрывавшегося учреждения.

5. Приказ инквизиторских дел

Образование этого приказа надлежит отнести к началу существования инквизиторской должности. Всем содержанием Духовного регламента внушалось духовной коллегии, чтобы она имела строгое, неусыпное и неослабное смотрение за всем, что касается «Духовного действия». Вследствие этого Святейший Синод в одном из первых своих заседаний, как бы по наперед уже обдуманному и предрешенному предначертанию, 1 марта 1721 г. постановил: «как в С.-Петербурге при том Духовном Синоде, так и в Москве при церковном и духовном же правлении быть из духовных персон по одному протоинквизитору и по два человека инквизиторов, да в великороссийских городах, во всех архиерейских епархиях по инквизитору». Для приведения этого учредительного постановления в действие Синод тогда же определил составить список известным из монашеского звания лицам «в приказных делах искусным и должность того звания исправить могущим» и предложить Синоду для окончательного распоряжения.²⁸⁸ Из составленного и предложенного списка кандидатов. Синод 15 марта того же года определил протоинквизитором при Синоде иеромонаха Макария Хворостинина, а в Москву – иеродиакона Пафнутия; относительно других поименованных в списке лиц распорядился послать по епархиям указы для вызова их в Синод по назначению.²⁸⁹ В числе вызываемых оказалось шесть монахов Московских монастырей. Находя вызов их, за назначением в Москву протоинквизитора излишним, Синод распорядился уведомить управлявшего синодальной областью Крутицкого архиерея – Игнатия, чтобы он не высылал их из Москвы «того ради, что оный надлежит в инквизиторы определенным быть и инструкции дать в Москве назначенному в Москву протоинквизитору иеродиакону – Пафнутию.²⁹⁰ Отправляя Пафнутия в Москву, Святейший Синод сделал решительное постановление об устройстве инквизиторской части. По этому постановлению в Москве при протоинквизиторе указано быть двум инквизиторам из монашеского звания и для

вспомоществования им три инквизитора из лиц белого священства; в каждом степенном монастыре по инквизитору из братства, а по городам в каждом заказе по одному из белого священства, причем в монастырях бывшей патриаршей области инквизитор одного монастыря мог по удобству наблюдать и за другими, в епархиях при архиереях должны быть провинциал-инквизиторы, а в монастырях инквизиторы.²⁹¹

По началу в инквизиторском институте имело место некоторое двоевластие в том отношении, что вся великая Россия была разделена на две диспозиции, из которых одной заведовал Московский, а другой – С.-Петербургский протоинквизитор. Диспозиция последнего, обнимала епархии – Новгородскую, Псковскую, Вологодскую, Устюжскую, Холмогорскую, Вятскую и Сибирскую. Диспозиция Московского протоинквизитора вмещала бывшую патриаршую область и остальные епархии в Великороссии.²⁹² С уничтожением в скором времени должности С.-Петербургского протоинквизитора «диспозиция» его поступила в ведение Московского протоинквизитора, коим оставался иеродиакон Пафнутий.²⁹³ В инквизиторском институте наблюдалась строгая градация иерархической подчиненности. Протоинквизитор занимал положение начальствующего и ответственного лица, пользовался правом избирать провинциал-инквизиторов и избранных «присутствующих там, где синодальная сессия бывает, представлять в Святейший Синод самолично, а о присутствующих, которые в дальности усмотрены будут, объявлять Синоду письменными доношениями». По утверждении избранных Синод извещал епархиальных архиереев указами. Провинциал-инквизиторы, в свою очередь избирали инквизиторов и представляли для утверждения архиереям, которые и объявляли по епархиям о назначенных инквизиторами. В прохождении инквизиторами их обязанностей наблюдалась та же подчиненность. Инквизиторы о замеченных ими непорядках доносили провинциал-инквизиторам, а эти последние – протоинквизитору, у которого и сосредоточивались доношения по инквизиторской части, в приказе инквизиторских дел.²⁹⁴

В данной протоинквизитору иеродиакону Пафнутию инструкции так было определено устройство его приказной части. «Протоинквизитору и при нем провинциал-инквизиторам и инквизиторам в Москве одного дела правление иметь в синодальном доме, и для этого дела определить им пристойную палату. При нем протоинквизиторе у протоинквизиторских дел быть, для отправления и посылок, инквизиторам из монахов двум, да из мирского священства трем человекам, подъячим и 10 человекам, в том числе старых два, молодых восемь, да для караулов из отставных солдат – четыре человека».²⁹⁵ В начале 1722 г. в составе этой канцелярии находились два старостатейных и шесть молодых подъячих, которым в то время еще не было определено содержания, «понеже, как объяснялся протоинквизитор Пафнутий в своем доношении Святейшему Синоду оный приказ зачинается вновь», при этом Пафнутий жаловался Синоду, что за малолюдством подъячих у него в приказе дел исправить не возможно.²⁹⁶ По списку 3 сентября 1722 г. в приказе значилось подъячих старых три и молодых шесть, присутствующими в приказе показаны – протоинквизитор иеродиакон Пафнутий, два инквизитора – монах Александр Шакуров и иеромонах Аввакум Покровский.²⁹⁷ По табели, поданной от Святейшего Синода Сенату в канцелярии инквизиторских дел показаны обретающимися на лицо и быть долженствующими: протоинквизитор, два инквизитора, три канцеляриста, шесть копиистов и два сторожа.²⁹⁸ В 1726 г. возбуждался вопрос об устройстве при протоинквизиторе канцелярии по примеру генерал-фискальской, но Синод отклонил, указав протоинквизитору «канцелярию и служителей содержать по прежнему».

Иеродиакон Пафнутий оставался протоинквизитором и заведующим приказом до конца своей жизни, несмотря на его болезненное состояние.²⁹⁹ Преемником Пафнутию Синод назначил «первейшего, по его выражению, обретавшегося при Синоде провинциал-инквизитора иеромонаха – Аввакума Покровского, с возведением его в игумены Угрешского Николаевского монастыря. Назначая Аввакума на должность, Синод указал ему поступать по инструкции, данной Пафнутию и

присовокупил: «над определенными и впредь определяемыми провинциал-инквизиторы и инквизиторы смотреть накрепко, дабы они во всяких приличных инквизиторскому званию действиях поступали по данным же им инструкциям без всякого упущения, и сверх того отнюдь бы ничего чинить не дерзали».³⁰⁰

В приказе инквизиторских дел сосредоточивались «о всяких интересах и преступлениях и безгласных делах доношения». Инструкция инквизиторам в подробности разъясняла круг их деятельности по надзору и наблюдению, распространяя эти надзор и наблюдение на все лица, учреждения и предметы синодального ведомства.³⁰¹ Синод, издавая свои распоряжения по той или другой части, поставлял об этих распоряжениях в известность и приказ инквизиторских дел,³⁰² привлекая тем инквизиторов к наблюдению за исполнением изданных распоряжений. Принимая доношения, инквизиторский приказ, сделав по ним надлежащие справки, препровождал для рассмотрения и окончательного разрешения по существу содержащихся в них заявлений, в существовавшую по началу при Синоде контору инквизиторских дел, после, в заменившее эту контору отделение по инквизиторским делам при Московской синодального правления канцелярии, а в некоторых случаях и в Московскую духовную дикастерию.³⁰³ Инквизиторы представляли свои донесения по заявлениям других лиц и о лично усмотренных ими нарушениях закона о непорядочных поступках со стороны духовных властей и служивших в духовных учреждениях приказных, и вообще о несоблюдении казенного интереса в собирании сборов и пошлин, также распоряжении церковным имуществом. В своих донесениях инквизиторы позволяли себе излишества против действительности, а в поведении неумеренные поступки. Следствием этого было то, что инквизиторский институт, созданный для благодетельных целей надзора и наблюдения, в действительности не только не оправдал возлагавшихся на него надежд, напротив некоторые из его деятелей неумеренными своими поступками и непроверенными донесениями причиняли горькое разочарование Святейшему Синоду. Вследствие этого Святейший Синод сам поставил вопрос о целесообразности и

пользе инквизиторского института и сначала потребовал сведения о деятельности и личности инквизиторов, но затем, не дождавшись доставления этих сведений, распорядился всех инквизиторов от должности отрешить и инквизиторский институт упразднить, определив назначить заказчиков из духовных властей и поповских старост, с тем, чтобы они «смотрели по должности всего накрепко».³⁰⁴ С ним вместе прекратил свою деятельность и приказ инквизиторских дел.³⁰⁵

6. Контора изуграфств

К числу учреждений синодального ведомства принадлежала и контора изуграфств. Начало этого учреждения можно отнести к царствованию Алексея Михайловича, к времени большого Московского собора 1667 г., который в присутствии восточных патриархов, обратив внимание на недостатки и неисправность русского иконописания и озабочиваясь изысканием мер к устранению на будущее время замеченных недостатков и предупреждению усмотренных неисправностей, постановил: для наблюдения над иконописцами и свидетельствования их произведений выбрать «искусного художника и доброго человека» с тем, чтобы он был «начальником и дозорщиком» иконописного искусства «да не поругаются невежди святым иконам Христа и Его Богоматери и угодникам Его, худым и нелепым письмом пишуще, и да преминет всякое суемудрие неправедное, иже обыкоша всяк собой писати без свидетельства».³⁰⁶ В исполнение этого соборного постановления, главным изуграфом и наблюдателем за иконописцами был назначен изуграф Симон Ушаков, коему и была дана особая грамота, изъяснявшая его обязанности «за руками трех святейших патриархов» и за подписанием царя.³⁰⁷

Положенное начало не могло не найти продолжения в последующее царствование, когда столь напряженное внимание, было обращено на все стороны церковной и общественной жизни. Ещё до учреждения Святейшего Синода встречаемся с рядом именных высочайших указов, устанавливающих, утверждающих и разъясняющих порядок надзора и наблюдения за иконописной частью. 7 февраля 1707 г. Петр Великий особым именным указом повелел: «лучшего ради благолепия и чести св. икон имети о них в художестве управление и повелительство духовное, по апостольским и святых отец правилам его преосвященству преосвященному Стефану, митрополиту Рязанскому и Муромскому. А в искусстве того иконного и иконописного художества над художниками иконописного о живописного письма, которые пишут святые

иконы, надзирать в преискуссных изуграфу Ивану Петрову, сыну Зарудному, которому смотреть, чтобы художники святых икон писания, святые иконы писали благолепно и удобно по древним свидетельствованным подлинникам и образам искусным писанием, и того блюсти и смотреть ему, Ивану, с великим прилежанием, чтобы те художники были доброжительные и жития честного и исправляли бы то художество в чистой совести, кроме пьянства и кощунства. И для оного надзирательства и свидетельства ему, Ивану, приискать удобные палаты, где сие управлять можно. И тое все ему, Зарудному усматривать и управлять с ведома его преосвященства с духовным послушанием». При этом Зарудному было дано официальное наименование «суперинтенданта». Объявляя настоящий указ Зарудному, духовный приказ уполномочивал Зарудного послать от себя указы на Москву и во все города «чтобы всякого чина и сана вышеописанных изуграфств мастеров, где обрящутся, объявляли для изряднейшего свидетельства и исправления».³⁰⁸ Зарудный со своим учреждением недолго оставался в ведомстве Духовного приказа. 3 февраля 1710 г. начальником оружейной палаты, князем Гагариным, объявлен был новый высочайший указ, коим повелевалось учреждению Зарудного – «палате изуграфств» быть в ведомстве оружейной палаты, а самому Зарудному, относительно денежного и хлебного оклада, быть на том положении, какое занимал Курбатов. Во исполнение этого высочайшего повеления истребованы были из Духовного приказа в оружейную палату состоявшиеся о Зарудном распоряжения и сам Зарудный, для определения его к порученной ему должности, на том основании, что «по Его же Императорского Величества прежним указом вышеупомянутого иконописания и живописания мастера искони ведомы в оружейной палате и против именных указов пишут в оружейной палате всякие святые иконы, также и всякие вещи подобные почасту».

При поступлении в ведомство оружейной палаты, Зарудный представал президенту ее, князю Гагарину, доклад относительно круга предметов, которые должны находиться в

ведении «палаты изуграфств». В виду этого доклада и согласно присланной из Духовного приказа памяти была составлена и дана Зарудному инструкция, которой он должен был руководствоваться в управлении порученной частью. По содержанию этой инструкции, в палате изуграфств должны были вестись списки всем мастерам иконного и живописного письма, а также и обучавшимся еще этому искусству; здесь же производились испытания и выдавались свидетельства художникам, смотря «по их достоинству и искусству» на первый, второй и третий класс (степень); в палате вообще сосредоточивался надзор за иконописным делом по всем частям в Москве и по всей державе Российской». ³⁰⁹

По учреждении Святейшего Синода в ведомство последнего передано и заведывание иконописным делом. 12 апреля 1722 года Петр Великий, присутствуя на общей конференции Синода с Сенатом, повелел: «иконное изображение, исправить по содержанию церковного обычая и по соборному святейших патриархов... изложению, а надзирательство над иконописцами и живописцами иметь архитектору Ивану Зарудному, который и наперед этого... к такому надзирательству определен и суперинтендантом учинен и быть ему под синодальным ведением». ³¹⁰

Передача иконописных дел в синодальное ведомство естественно полагала на Святейший Синод заботу об устройстве этой части. Первым делом Синод начертал суперинтенданту Зарудному инструкцию с разъяснением подлежащих ему обязанностей и занятий. Инструкция эта не предначертывала особенных правил о деятельности Зарудного, а повторяла отчасти прежде состоявшиеся по предмету иконного изображения постановления. Указывая на многую неисправку в иконописании, инструкция предписывала Зарудному «надзирать над иконописцы и живописцы и свидетельствовать их, по свидетельству – искусных до письма святых икон допускать в Москве ему самому, а в городах у такого надзирательства и исправления быть под его ведением особливим и искусным иконописцам, которые по его усмотрению определены к тому будут». Само надзирательство

над иконописцами и живописцами инструкция обязывала Зарудного иметь так, как он прежде имел, стараясь поступать «усердно и прилежно тщательно» и действовать «правдиво и усмотрительно». В заключение инструкция требовала, чтобы Зарудный «неукоснительно» представил Синоду о тех, кто будут определены по городам надзирателями, и вообще рапортовал о всех своих действиях и распоряжениях.³¹¹ Получив инструкцию, Зарудный должен был позаботиться об устройстве для своей части канцелярии, так как прежней палаты изуграфств при нем не было. Рядом доношений Зарудный и утруждал Синод об устройстве при нем канцелярской части.

Доношением от 10 ноября 1722 г. Зарудный просил Синод об устройстве «канцелярии иконного изображения» назначением в нее секретаря, 3 канцеляристов, 6 подканцеляристов, 12 копиистов, 2 сторожей и 12 человек солдат для рассылки с определенным в год «трактаментом» и на канцелярские расходы по 100 руб. Синод уважил представление Зарудного; но в виду того, что в поданной в Сенат от Синода ведомости,³¹² нужные для «канцелярии учиненного над иконописцы надзирательства» приказные показаны «долженствующими быть», и «по обретающимся ныне» следует заключить, что Зарудному предстояло самому искать и набирать приказных для подведомого ему учреждения. Подобная задача не могла быть скоро и с удобством выполнена, при общем тогда недостатке приказных и при множестве в синодальном ведомстве канцелярий. Последующими «доношениями»³¹³ Зарудный просил Синод о предоставлении помещения для канцелярии, а палат для хранения и уборки икон и царских портретов, которые также указано ему свидетельствовать и исправлять, и при этом указывал на свободные палаты Кирилловского подворья в Кремле. Синод распорядился, чтобы для Зарудного были отведены просимые им палаты и при этом, прилагая попечение об устройстве порученной Зарудному части, поручил ему «в товарищи усмотреть из подчиненных ему мастеровых людей, колико пристойно, а кого усмотрит, об определении их требовать резолюции у оставшихся в Москве синодальных членов»; равным образом и «канцелярских служителей усматривать из

свободных людей, токмо не подозрительных, потребное число». Отведенное для канцелярии Зарудного помещение оказалось неудобным, вследствие этого Зарудный, жалуюсь 23 августа 1723 г., что «за неимением достаточного помещения дело исправления и до ныне не начато», просил Синод об отводе ему помещения на Казанском подворье, которое и было ему отдано. Впрочем, и это помещение требовало ремонта по его ветхости, а равным образом и внутреннее устройство канцелярии не подвигалось. Доношением от 21 марта 1723 г. Зарудный жаловался Синоду, что «хотя ему и предоставлено право нанять служителей, но опричь одного солдата никто не является для найма в служители».

В конторе изуграфств должны были сосредоточиваться разные дела, смотря по характеру обязанностей и поручений, возлагавшихся на Зарудного. Синодальной инструкцией и данными от оружейной палаты Зарудному пунктами «для лучшего надзирания и исправления» иконописного дела, требовалось, чтобы иконописцы были люди доброжительные и чистого жития, на право писания икон они обязывались выправлять свидетельства в палате суперинтенданта. Свидетельства эти были трех степеней, за которые, смотря по разряду, иконописцы вносили соответственные пошлины; равным образом и написанную икону живописец должен был представлять «изуграфу», для свидетельствования ее письма, соответственно признакам, которые и отмечались на иконе. Кроме того, в палате изуграфств обязаны были получать свидетельства на право производства и все те художники, которые «всякие личные вживности чеканят, басонят, режут, выливают и печатают». В палате же выправлялись права на торговлю иконами; также заключались письменные условия при подряде мастеров на разные работы, и во всех подобного рода случаях палата взимала пошлины с мастеров. Относительно самого иконописания требовалось, чтобы иконы писались «самым добрым мастерством» и к обращению не допускались иконы «издолбленные, истесанные и изваянные»; из резных и отливных разрешалось иметь в церквах – искусные распятия, в домах – только малые кресты и панагии, искусно сделанные.³¹⁴

Кроме того, Зарудный привлекался к исполнению разных, довольно сложных поручений, которые также не могли не требовать содействия канцелярии. Например, на Зарудного возложена была обязанность наблюдать за производством и продажей царских портретов с тем, чтобы неправильные и неискусные отбирать, а представлять в Синод. Зарудный, по поручению Синода, в качестве его изуграфа, писал иконостасы для церквей, расписывал в церквах потолки «делал разнообразные орнаменты»³¹⁵ и т. п. О всех своих «действиях» Зарудный должен был рапортовать Синоду неукоснительно.

Понятно, что от множества поручений, при неустройстве канцелярии, Зарудный испытывал крайние затруднения в исполнении обязанностей. К этому примешивались открытые противодействия. Зарудный доносил и жаловался Синоду, что «несмотря на объявление повсюду указов о явке к нему иконописцев и представлении ими своих художеств, для свидетельства и исправления в изуграфскую палату, они и писаний своих не представляют и сами не являются и чиняется во всем ослушны... а посылать для взятых ослушников некого».³¹⁶ Кроме личного ослушания со стороны художников и мастеров, в этом случае имело место и стороннее подстрекательство. Магистраты, пользуясь правом записывать мастеров в цехи, чтобы оградить записавшихся у них иконописцев и живописцев, показывали их сапожниками, портными, словом ремесленниками. Все это, обнаруживая противодействие синодальному учреждению и его чиновнику, имело и другую подкладку – освободить художников от большей сравнительно платы за выправку свидетельств в изуграфской палате. Настояния Зарудного в этом отношении произвели то, что художники и мастера начали обвинять его в том, что он чинит им превеликие несносные налоги и обиды и подали в сенатскую контору жалобу, в которой выражали опасение, что Зарудный своими поборами «погасит все их иконописное художество, ибо многие художники, имея доброе иконописное мастерство, отстали, а иные, оставя дома, разбрелись по городам, а и достаточные, оставшиеся в Москве, от трудов своих и дневную пищу получают с нуждой, понеже оный

Зарудный тот их труд едва не весь себе похищает». По поводу такой жалобы Зарудный был арестован сенатской конторой, где и пробыл около трех недель (с 3 по 28 августа). По освобождении из-под ареста Зарудный снова вступил в отправление обязанностей суперинтендента изуграфской конторы; но долго ли после этого продолжалась служба Зарудного в ведомстве Святейшего Синода остается не уясненным. В 1731 г. Зарудный называется «бывшим в ведомстве Святейшего Синода суперинтендентом».

Дело по жалобе на Зарудного послужило предметом пререканий между Московской синодальной канцелярией и сенатской конторой. Канцелярия, указывая на то, что Зарудный состоит в ведомстве Синода, полагала, что сенатской конторе не следовало принимать и жалобы на Зарудного. Сенатская контора ответствовала, что на основании магистратского регламента, все граждане, в том числе и иконописцы, подлежат ведению магистрата, на обязанности которого лежит и сбор положенных с них доходов и «учреждение всякого ремесла и художества и прочего, что к гражданской пользе и экономии принадлежит», а по высочайшему указу 24 апреля 1722 г. о цехах, для заведывания художниками положено выбирать альдерменов, и что, таким образом, как по регламенту, так и по указу, иконописцы и живописцы «стали быть в магистрате, а не у него, Зарудного, а ему, Зарудному, по вышеозначенному именному указу (об иконном изображении) над ними, живописцы и иконописцы, велено иметь только смотрение и надзирание в иконописном искусстве», а причинять им обиды и «сбор с них имать» он не имел права, потому что такого права закон не предоставляет без Сената и губернатора.³¹⁷ Из настоящего пререкания выясняется, что светское начальство, на основании существовавших законоположений и по свойству предмета, считало своим правом заведовать иконописным делом, не отказывая при этом духовному начальству и его агентам в праве наблюдения за правильностью иконного изображения. При такой постановке вопроса контора изуграфств в синодальном ведомстве оказывалась учреждением

пересаженным с другой почвы, а потому и не могла пустить корней. Синод и не обременял этого учреждения особой регламентацией, вопреки принятому им правилу в отношении к другим его ведомства учреждениям. При действии конторы главными сотрудниками суперинтенданта были епархиальные архиереи и подчиненное им духовенство. Синод, узнав о появлении где-либо неправильно написанной иконы, давал знать о том запретительными указами и суперинтенданту и епархиальным архиереям.³¹⁸ Приходское духовенство в свою очередь переписывало живших в приходах живописцев, и ведомости о них представляло в контору, стараясь не допускать в храмы икон неискусно писанных. Немалую долго содействия суперинтенданту в этом деле оказывали и инквизиторы, обязанностью которых было наблюдать и следить за исполнением начальственных распоряжений и в частности «сыскивать» неправильно написанные иконы, а также и «истязовать» противников-иконописцев и даже священников, допускавших подобные иконы.³¹⁹ При таком течении вещей, прекращение конторой изуграфств своей деятельности не делало пробела в наблюдении за непоявлением неискусно писанных икон. Право этого наблюдения неотъемлемо принадлежало духовной власти и Святейший Синод, не прибегая к содействию особых учреждений, осуществлял его через наличные органы, вменяя в обязанность епархиальным архиереям и всем вообще духовным лицам иметь наблюдение за иконописанием. Обзорение мероприятий Святейшего Синода в этом отношении не относится к предмету рассуждения.³²⁰

Глава VI. Вотчинные и финансовые учреждения

Существование учреждений этого рода в ведомстве Святейшего Синода находится в связи с вопросом о заведывании церковными имениями. В период патриаршества заведывание вотчинами составляло одну из важных забот духовных властей, которые при посредстве особых должностных лиц управляли этими имениями. Смерть последнего патриарха, служившего в некотором смысле оплотом против притязаний на секуляризацию церковных имений, открывала простор задуманной Петром Великим реформе и в этом отношении. Извещая государя о смерти патриарха Адриана, князь Курбатов, между прочим, писал Петру: «для надзора за всем и для собирания денежной казны надобно непременно назначить человека надёжного, там большие беспорядки, равным образом зело нужно распорядиться о монастырских и архиерейских имениях, надобно учредить особый расправный приказ для сбора и хранения казны, которая теперь погибает в прихотях владельцев».³²¹ Как бы внимая сему докладу, Петр распорядился, по закрытии, 16 декабря 1700 г., патриаршего приказа – разряда, восстановить 24 января 1701 г. – монастырский приказ, поручив этому учреждению в лице боярина Мусина-Пушкина с дьяком Зотовым «дом Святейшего патриарха с дома же архиерейскими и монастырские дела ведать... а в приказе большого дворца монастырских дел не ведать и прежние дела отослать в тот (монастырский) приказ».³²² Приняв в свое ведение церковные имущества, приказ должен был вести заведывание и распоряжение этими имениями на более выгодных для правительства началах. Именной указ, от 11 марта 1701 г., между прочим, гласил: «дому Святейшего патриарха и архиереев и всего Московского государства монастырей, мельницы, перевозы, мосты, пустоши, рыбные ловли и всякие оброчные статьи, которые отданы на оброк до урочных лет, и ныне дать торг, и кто с торгу за те оброчные статьи станут давать больше прежних оброков; и ныне

оброчные статьи отдавать из наддачи новым откупщикам, не дожидаясь по прежним отдачам урочных лет».³²³ Вместе с заведыванием церковными имениями и собиранием в них возможно больших доходов, к монастырскому же приказу отходила и обязанность расходовать эти доходы, а следовательно иметь в своем ведении не только учреждения, с имений которых собирались эти доходы, а и те, которые обеспечивались на средства этих доходов. Вследствие этого монастырские приказ обнял широкий круг дел, являясь в то же время проводником в ведомстве церкви преобразовательных целей начинавшейся церковной реформы. Первоначально приказ действовал вполне самостоятельно, затем подпал под власть Правительствующего Сената, обнявшего при своем учреждении все стороны государственной жизни.³²⁴ Образование с 1718 г. коллегий с общегосударственным значением и с отграничением для каждой из них отдельного круга предметов, соответствовавших их названию, и открытие в 1720 г. деятельности предположенных коллегий, очевидно затягивали судьбу прежде существовавших учреждений. В числе коллегий была образована камер-коллегия, которая должна была иметь в своем заведывании «всякое расположение и ведение денежных доходов всего государства, распределение и взыскание разного рода сборов как настоящих, так и доимочных». Рядом с камер-коллегией была образована и штатс-контор-коллегия, которой поручалось следить за всеми государственными расходами. Оба учреждения, обняв Финансовую часть государства по всем её направлениям, естественно должны были коснуться и монастырского приказа.³²⁵ Вследствие этого именным указом, от 17 августа 1720 г., повелевалось: «из приказов тех, которые были под ведением боярина князя Петра Ивановича Прозоровского, монастырскому приказу не быть, и монастырского и казенного патриарша и приказу большие казны всяких настоящих и доимочных сборов дела разобрав и описав, отослать с дьяками и подьячими, которые при оных делах были, под ведение камер-коллегии, кому по указу из оной коллегии принят будет определено, а челобитчиковы судебные и гражданские дела с

делами же и с подьячими у тех дел будучими отослать в юстиц-коллегию». ³²⁶ Настоящими распоряжениями заведывание церковными вотчинами и взимавшимися с них сборами отодвигались под ведение общегосударственных учреждений.

В то время, как распоряжения эти с поспешностью приводились в исполнение, открыла свою деятельность духовная коллегия. Святейшему Синоду, заступившему место патриарха и наследовавшему его права, естественно было немедленно поднять вопрос о заведывании церковными имениями, сборами и доходами с них. Первым докладом, при своем открытии, Синод вопрошал государя: «патриаршие, монастырские и архиерейские вотчины, сборами и правлением, которые ведомы были в монастырском приказе в оной духовной коллегии ведать ли, того ради что оные от гражданских управителей пришли в скудость и пустоту, а духовная коллегия присягой обязалась, как в верности, так и в искании интереса царского величества против прочих коллегий не меньше, а в регламенте духовном положено, что такое правление подлежать будет до духовной коллегии?». Не изменяя сущности и цели этого доклада, Петр дал резолюцию «быть по сему». ³²⁷ Такой резолюцией церковные имения возвращались в ведомство церкви и поставлялись под управление Святейшего Синода, которому предлежало, для заведывания этими имениями и вообще вотчинной и финансовой их частью, иметь в своем ведомстве особые учреждения, которые преемственно сменяли одно другое.

1. Монастырский приказ

Для ближайшего заведывания переданными в синодальное управление церковными вотчинами, Святейшему Синоду, не имевшему в то время при себе учреждений, естественно было воспользоваться ведавшим эти вотчины и только что закрытым монастырским приказом. Заботясь восстановить этот приказ, Синод прежде всего должен был найти надежное лицо для ближайшего заведывания восстановленным учреждением. Таким лицом Синод признавал бывшего Московского вице-губернатора Ершова и полковника Плещеева, из коих и просил государя определить в синодальное ведомство «для вотчинного правления». Государь определил Ершова, повелев Сенату сделать надлежащее распоряжение.³²⁸ Уволенного из светской команды, Синод определил в монастырский приказ судьей, поручив ему «ведать монастырский приказ и бывшего патриаршего дома дворцовый и казенный приказы... сборами и всяким правлением». При этом Синод указал Ершову немедленно отправиться в Москву дабы «за побытностью его там в неотправлении дел в оных приказах большой неисправности не учинилось, понеже в тех приказах без главного командира слабо идет отправление».³²⁹ Приняв присягу на исполнение обязанностей порученной должности, Ершов, еще до отправления в Москву к месту служения, обратился, 13 июня, в Синод с доношением, в котором просил о высылке приказных из земской канцелярии отосланных в нее по указу 23 сентября 1720 г. об упразднении и монастырского приказа, равно начатых и производившихся в этой канцелярии дел, а также и собранных пошлин; Синод, для исполнения по этому доношению, сделал надлежащие распоряжения.³³⁰ Другим доношением, от 13 июня, Ершов, прилагая сам список, просил Святейший Синод «для лучшего правления и присмотру в домовых патриарших вотчинах и заводах и промыслах и для всяких случающихся разнообразных нужных посылок», равно и «для новозаводства для чего добрым правлением пробывать не можно» назначить на службу в приказ дворян, дьяков и

подьячих, также драгун и солдат. При этом Ершов представлял Синоду о назначении в Синод от монастырского приказа комиссара с несколькими подьячими и особого для приказа секретаря и фискала. Синод уважил представление Ершова в том отношении, что отнесся в Правительствующий Сенат ведением, в котором просил прислать тех из показанных в реестре Ершова приказных, которые еще не определены к делам в ведомство Святейшего Синода; драгунам же для караулов и прочих управлений при монастырском приказе указал быть тем, которые уже находились при приказе и кроме того разрешил набрать роту из служебников Троицкого Сергиева монастыря: комиссаром в Синод от приказа назначил Семена Дьякова и при нем двоих подьячих; в определении особого фискала отказал потому, что фискалы полагались при коллегиях, а не приказах, указав эти обязанности исполнять протоинквизитору; секретаря поручил Ершову выбрать из подьячих монастырского приказа.³³¹ При монастырском приказе состоял особый прокурор, который обязанности свои отправлял под непосредственным руководством и наблюдением синодального обер-прокурора.³³²

Приведенными распоряжениями, по-видимому, обеспечивалось устройство монастырского приказа. В действительности было не так. Сенат не удовлетворил вполне ни одного из требований Святейшего Синода по доношениям Ершова,³³³ хотя и не оставался безучастным и бездеятельным. Сенат спрашивал коллегии и предписывал им выслать требуемых приказных, если от этого не произойдет остановка и замедления в делах. Коллегии медлили исполнением. Следствием этого были постоянные и почти непрерывные со стороны Ершова жалобы Святейшему Синоду на крайнюю трудность и почти совершенную невозможность исполнения возложенных на него обязанностей. В свою очередь и Синод, как бы сознавая необстоятельность требований Ершова, не преминул ему заметить, что «ежели от потребованных им, Ершовым, по реестру разных чинов людей явятся в положенных делах неисправление или непотребства, то за оных он, Ершов, повинен ответствовать сам, без всяких отговорок, понеже оные

разных чинов люди из Сената к синодальным делам требуются, несмотря на обстоятельства жительства и поступков их, но токмо по его, Ершову, в доношении показанном требованию».³³⁴ Позволительно прибавить, что судья монастырского приказа стоял не на высоте возложенного на него доверия. Прежде всего с Ершова, по назначении его на должность судьи монастырского приказа, производились уже взыскания по разным на него наветам за время управления его Московской губернией.³³⁵ Далее в должности судьи монастырского приказа Ершов не показал надлежащего усердия в исполнении своих обязанностей и не оградил себя от упреков. Прокурор монастырского приказа Раевский, между прочим, донес синодальному обер-прокурору, что в монастырском приказе невершенных дел имеется сто двадцать четыре, в том числе интересных по доношениям инквизиторов и других доносителей тридцать три, по которым показан не малый интерес. Остановка в делах происходила, между прочим, от того, что судья приказа Ершов часто бывал болен. Обер-прокурор предложил настоящее донесение Святейшему Синоду, который поручил доктору Бидлоо освидетельствовать болезненное состояние Ершова.³³⁶ Независимо от этого Святейший Синод сам, усмотрев неисправности и делопроизводстве монастырского приказа неисполнение по синодальным указам, представил государю следующий всеподданнейший доклад об Ершове. По именному его величества указу и по прошению Синода определен в синодскую команду к делам Василий Ершов, который от Синода учинен был в монастырский приказ судьей, но, будучи в том звании явился неисправен, а именно: о десятих сборах и платежах и доимках, также о провианте, фураже и о рекрутах, как и камер-коллегию и в штатс-контору, так и в Синод рапортов, до нынешнего числа не присылал... и на многие указы ответных доношений не запрашивал, а в некотором требовании своем показал обману и не малое учинил из синодального дому питий и прочего в дом к себе взятья... А в звании своем он, Ершов, поступает нерадиво и в приказ к управлению дел в разные времена, через многие числа не приезжает, отговариваясь болезнями, а когда прилучаются ему

собственные его нужды в другие команды, по прежним его делам влекущие, тогда и в самые те времена, когда сказывался весьма болен, приходит с прошением протекции в Синод, яко здравый, тем не менее падает в неприездах подозрение, и за теми его де приездами в решении дел многая учинилась остановка и долговременная требующим резолюции волокита и колодникам удержание и в государственных делах несправа». Объяснив это, Синод просил государя отрешить Ершова от судейства и на место его определить кого заблагорассудится. При этом Синод представил троих кандидатов, из них государь 25 января 1723 г. назначил Кирилла Чичерина.³³⁷

Назначение монастырского приказа состояло в том, чтобы заведовать церковными вотчинами с проистекавшими отсюда операциями. Исключение в этом отношении, по особым распоряжениям Святейшего Синода, составляли имения некоторых монастырей, как то: Симонова, Донского, Высокопетровского и Ипатского. служителей и вотчинных крестьян, которых Синод подчинил непосредственному своему ведению, также имения синодальных членов на том основании, что «те члены всегдашним своим Синоду присутствием о надлежащих отправах, которые до оных их вотчин касаются, могут быть сведомы и без присылки к ним обычных, по общему о всей синодальной команде установлению, из монастырского приказа указов». Отношения монастырского приказа к изъятым из его ведения вотчинам ограничивались тем, что приказ принимал доношения о количестве сборов, взимаемых с этих вотчин, также обращался к управителям этих вотчин с письменными требованиями в экстренных случаях; отправка в те вотчины по какому бы то ни было случаю «посыльщиков» возбранялась приказу.³³⁸ Приведение этого распоряжения в исполнение на практике породило недоумение. Монастырский приказ устранился совершенно от этих вотчин, не хотел принимать даже присылаемых от управителей этих вотчин установленных сборов. Вследствие этого Святейший Синод новым распоряжением разъяснил, что «оныя синодальных членов вотчины, как и прочих Синоду подчиненных, всякими платежами всех сборов, которые будут в тот монастырский

приказ присылаться, приемом ведать в монастырском приказе». При этом Синод пояснял, что «и на кого от подчиненных тому приказу будут тех синодальных членов служители и крестьяне бить челом, или на них кто станет исков своих искать, и между ними суд и расправу чинить, как и между прочими подчиненными, правдиво и беспристрастно». Ограничение прав монастырского приказа в отношении к этим вотчинам состояло в том, что «монастырский приказ, ни для «сборов», ни для «других дел» не мог посылать «в дома, монастыри и вотчины оные синодальных членов никого посыльных, дабы от оных посланных не наносилось напрасного оным местам какого утруждения». Свои сношения с помянутыми учреждениями монастырский приказ обязывался производить «о всяких по определениям сборах, и отправлениях и о случайных делах промемориями на имя учрежденных от синодальных членов в домах их и в монастырях управителей, которые должны были чинить надлежащее исполнение». В случае какой-либо с их стороны неисправности, монастырский приказ обязан был доносить Святейшему Синоду, не прибегая ни к каким мерам взыскания или понуждения. Присылаемые сборные при рапортах деньги приказ должен был вносить в общую сумму сборов и давать надлежащее употребление. Таким образом и по считавшимися изъятиями из непосредственного ведомства вотчинам приказ не был совершенно безучастным по отношению к ним. Приказ лишен был только возможности позволять себе излишние притязательные требования в отношении к этим вотчинам и их управителям.³³⁹ По расписанию, составленному Святейшим Синодом, относительно раздельного круга предметов, подлежащих ведению подчиненных Синоду учреждений, к ведомству монастырского приказа были отнесены следующие довольно разнообразные и немалочисленные дела. Здесь сосредоточивались:

1) синодальной команды с крестьян, кроме ведомых в синодальном дворцовом приказе вотчин, всякие по указам государственные окладные и запросные и доимочные сборы, и случающиеся наряды, и отправление, и употребление в

указанные места и подлежащие из того дворцового приказу с помянутых вотчин государственным сборам приемы;

2) между подчиненными Синоду служителями и крестьянами, кроме оных в помянутом дворцовом приказе ведомых, суды и расправы, и кто на них и из разночинцев будет о чем, кроме духовных и криминальных дел, бить челом;

3) рассмотрение спорных дел, ежели на оных служителей и крестьян по чьему челобитью в нижних Синоду подчиненных судах, решение будет неправо или покажется подозрительно, кроме синодальных духовно-казенного и дворцового приказов с архиерейских домов;

4) отдача пустошей и пустовых земель и других статей в оброк с публичного торгу по указам и смотрение заводов и всяких интересов, которые ведомы в монастырском приказе, кроме дворцового;

5) отправление по монастырям отставных офицеров, и драгун, и солдат, а также разбирание в богадельнях нищих и определение оных и дача им жалованья;

6) усмотрение и взыскание наносимых тягостей, ежели где синодальной команды в вотчинах собираются сборы не по указу и употребляются в лишние какие неуказанные расходы, кроме ведомства дворцового приказу, и

7) сыски в синодальной команде и отдача беглых крестьян, а также следование о укрывающихся в той команде беглых солдатах, рекрутах и прочих подозрительных людях и отсылка их в указанные места, кроме ведомства дворцового приказа».³⁴⁰ Из приведенного перечня предметов, подлежавших ведению монастырского приказа, легко усмотреть, что на приказе лежали финансовые, вотчинные, судебные, хозяйственные и полицейские обязанности относительно вотчин синодального ведомства. Исключение составляли в собственном смысле синодальные вотчины, которые ведомы были управлением в дворцовом приказе, но сборы и с сих вотчин поступали в монастырский приказ, который и наведывал приходом и расходом этих сборов.³⁴¹

Для правильного, безотлагательного и успешного производства столь многих и разнообразных дел монастырский

приказ естественно должен был иметь сложную и стройную организацию. По поданной из монастырского приказа от судьи Ершова в Святейший Синод, для сочинения генерального штата, табели, показаны обретающимися на лицо: судья, три секретаря, дьяк, двенадцать канцеляристов, десять подканцеляристов и сорок пять копиистов с определенным содержанием; кроме них без определенного жалованья показаны – прокурор, комиссар, два дьяка, экзекутор, нотариус, актуариус, регистратор, да при синодальной канцелярии комиссар с жалованьем 216 руб.³⁴² Для производства сборов по епархиям приказ посылал особых лиц для исправления и других поручений.³⁴³ По важности значения и разнообразию операций, приказ представлял учреждение, которое выделялось из ряда низших и приближалось к разряду учреждений высших. Эту мысль выразил Святейший Синод, когда, разъясняя вопрос о сношении приказа с другими учреждениями, постановил: из монастырского приказа с коллегиями и канцеляриями сноситься промемориями, а не доношениями «понеже оный приказ в одной токмо синодальной команде содержится, и важностью многих в том приказе обретающихся дел равняется коллегиям.³⁴⁴ Мысль о равенстве приказа с коллегиями, и о переименовании этого учреждения серьезно занимала Святейший Синод.

Представляя государю об отрешении Ершова от должности, Святейший Синод ходатайствовал в этом докладе о переименовании приказа в коллегию. В основание этого Синод указывал на то, что «правление и дел в оном обретаются не меньше коллежских, а потому и удовольствовать оную коллегию членами и служителями надлежит, хотя против юстиц-коллегии». Подобную перемену Синод просил «произвести без продолжения времени, понеже зело нужно требуется, дабы хотя в сем году (1723) желательные отправки в порядочном действе показались, и к прежней несправе такая же и в сем году не умножилась бы».³⁴⁵ По поводу этого доклада государь, обратив внимание на то, что в юстиц-коллегии бывают розыски, при которых допускаются пытки, а затем и публичные казни, равно и в Сенате при рассмотрении жалоб на коллегию, потребовал

разъяснения «предполагаемая коллегия будет под ведением Синода. Посему ежели кто прегрешит, и достоин из той коллегии вышереченным пыткам, казням и наказаниям, то кто будет оное подписывать и при пытках быть, как Сенат отправляет». Синод ответствовал, что он признает неприличным содержать в своем здании «рассуждение о розыскных криминальных делах» и в мысли этого не имел, но за важность правления содержащихся в том монастырском приказе сборов и судных, между подчиненными Синоду следованиями и решениями, а не розысками производимых дел, предложено и ныне предлагается, дабы монастырский приказ благорассмотрением Вашего Величества определить коллегией, ежели удобно, именовать синодских дел, в которой большая часть правления, подобно камер-юстиц-коллегии, из которых по мнению синодскому о числе судейских персон, то есть членов, также в служителей и о их трактаменте, а не о качестве, дел и востребовано, дабы оной монастырский приказ учинить коллегией и удовлетворять членами и служителями хотя бы против юстиц-коллегии. Буде же Ваше Величество благоволите против камер-коллегии удостоить, то и наипаче Синод утверждается, ибо и сборов содержание в подобной имеется быть силе, как при коллегии, так и в губерниях и провинциях и управителями и понуждателями.³⁴⁶ Государь соизволил разрешить учреждение коллегии при Синоде.

Разрешение это послужило основанием и руководственной мыслью при дальнейшем устройстве монастырского приказа и организации его деятельности. По вступлении в конце февраля в должность судьи монастырского приказа, Чичерин, воспользовавшись слухом о предстоящем отъезде Святейшего Синода из Москвы в С.-Петербург, поспешил (27 марта) обратиться к Св. Синоду с разными, изложенными в 16 пунктах предположениями относительно лучшего устройства монастырского приказа и упорядочения его деятельности. Выходя из мысли, что «монастырский приказ не суще определен коллегией, но как признается, что оному правлению надлежит в сборах положенных и в расправе дел (действовать) яко коллегии», Чичерин, сообразно с этим предполагал обставить

приказ подобно коллегиям и ввести всюду в его отправление порядок коллегии. Первым из предложенных на разрешение Святейшего Синода пунктов Чичерин полагал, что «до определения генерального штата, надлежит в монастырском приказе, по примеру иных коллегий, быть двум советникам, двум ассессорам, одному обер-секретарю». Синод, уважив выраженное предположение, потребовал от приказа указать кандидатов на сказанные должности для сообщения о них Правительствующему Сенату. Пунктом вторым, указав на то, что «в коллегиях – в каждой царедворцев и всяких, чинов довольное число, а из монастырского приказа во многих губерниях и провинциях для сборов и управления дел ни по одному человеку не отправлено и отправить всякого, Чичерин просил учредить сборщиков с тем, чтобы каждый «в своем правлении не имел более дворового числа как 5000... а особливо в Московской губернии в провинциях дворов число многое инако невозможно управить, в провинциях прочих губерний по сборщику да к ним ко всем в помощь ко всякому сборщику «для вспоможения и лучшего исправления, по подчиненному комиссару. По исчислению, под ведением монастырского приказа, надлежало быть «сборщикам настоящим 10 человекам, да к ним комиссаров толикое же число и без оных исправно податей взять и других дел отправить не возможно». Синод согласился и на этот пункт, поручив Чичерину указать кандидатов, заметив, что к сборщикам в каждую провинцию могут быть помощники из синодальных и архиерейских дворян по одному, а в которой провинции дворовое число множественно, там и по два человека. При этом Синод дозволил, независимо от сборщиков монастырского приказа, производить сборы самим управителями, архиерейских домов и монастырским, по «с обязательством бездоимочного платежа надлежащими сказками». В пункте третьем, заявляя, что «в светской команде во всех провинциях для судных и расправных дел имеются особливо учрежденные судьи, над которыми всеми надзирание имеет юстиц-коллегия, а от Синода таких судей по губерниям и по провинциям не обретаются, Чичерин предлагал: «не

соблаговолит ли и Святейший Синод для оных судных дел учредить по провинциям особливых судей, или по губерниям, и к оным учинить и подчиненных, как и в светской команде учреждено, что при сборах особливые, а при судных делах собственные же». При этом в докладе прибавлено: «по мнению монастырского приказа к судным, расправным и межевым делам надлежит определить также особливых судей, чтобы учрежденные сборщики не были оными судными делами утруждены, и в сборах бы ни чинилось никакой остановки». Подобное учреждение оказалось бы полезным и в том отношении, что освободило бы обвиняемых, находящихся в дальнем от Москвы расстоянии, являться по вызову к ответу в монастырский приказ. Обсудив этот пункт, Синод заключил что «суд и расправу по указу между синодскими подчиненными иметь где кто ведом, а ежели от светских в монастырском приказе на синодальных подчиненных будут просить, и по тем прошениям для следования к архиерейским приказным из того приказа посылать указы, чего для тем указам сочинить форму». Пункт четвертый касался сношений монастырского приказа с епархиальными архиереями и предлагал вместо сношений «промемориями», которые просят «благосозиждительного учинения», учредить от монастырского приказа светских управителей с тем, чтобы оно ведали «все соборы и судные дела, не имея иных дел» и находились бы в зависимости и подчинении монастырского приказа. Синод, не отвергнув этого пункта, указал, однако, «чинить по определению, учиненному против третьего пункта т. е. обращаться к архиерейским приказным. Пунктом пятым испрашивалось учредить для монастырского приказа особливую печать с тем, чтобы оной печатать пакеты и конверты, а также и выдаваемые от приказа прихода-расходные книги за шнуром и пр. Синод по существу изложенного в сем пункте предположения разъяснил: «для печатания приходным и расходным окладным сборам книги сделать с примера коллежского на имя монастырского приказа печать, которой оные книги напечатав в провинции посылать повсегодно, а партикулярным сборам приходные и расходные книги по провинциям, кроме Московской, печатать в епархиях, в

которых те провинции обретаются, архиерейскими печатей. Пунктом шестым имелось в виду упростить доставление из подчиненных Синоду мест ежемесячных репортов о всяких сборах и облегчить в этом случае монастырский приказ тем, чтобы оные репорты доставлялись в надлежащие места прямо, а не через посредство монастырского приказа, который обязан был составлять генеральные репорты. Но содержанию настоящего пункта Синод постановил синодальному дворцовому приказу быть в ведомстве одного монастырского приказа по прежнему, мотивируя свое постановление тем, что «тот приказ из ведома монастырского синодальным приговором был отрешен того ради, понеже бывший судья Ершов приличился во взятке из того дворцового приказа некоторых припасов, а в синодальном казенном приказе о собираемых доходах а о платеже в рентереи в оный монастырский приказ рапортовать того казенного приказа управителем. Пункт седьмой касался лучшего устройства наблюдения за вотчинным хозяйством и для этого предполагалось возложить это наблюдение на сборщиков по губерниям и провинциям. Синод согласился с предположением приказа. Пункт восьмой клонился к надлежащей организации части по производившимся сборам, к удовольствию этой части приказными служителями, солдатами для караулов и посылок, а также надежного хранения сборной денежной казны. На этот пункт, согласно с выраженным в нем предложением, Синод разъяснил: «к определенным сборщикам подьячих отправлять число потребное, без всякого излишества, из домов архиерейских, и из монастырей годных людей, токмо чтобы от того взятая в домах архиерейских и в монастырях в настоящих делах остановки не было, а для караулов и посылок определить из отставных солдат, а в счетчики из слуг монастырских, а на приказные расходы и на дрова денег потребное число держать без излишеств, и из таких доходов из каких светские таковые же определенные сборщики употребляют, а квартиры иметь в городах, в архиерейских и монастырских подворьях, буде где обретаются, и ежели самим тех подворий начальствующим частого не бывает приезда и нужды им в том не будет, а где

таких подворий нет, то в домах подчиненных синодальных и светских управителей, в таковые дома для постоев не пускать, также собранную денежную казну, до отдачи в рентереи, содержать в архиерейских домах и в монастырях в безопасных местах, токмо отдачею той казны в рентереи отнюдь никакого коснения не чинить». По вопросу пункта девятого Синод разрешил монастырскому приказу в отсутствие из Москвы Святейшего Синода, по присылаемым из Кабинета и из Сената указом, а из коллегии промемориям дела, нетерпящие «коснения», отправлять и об этом рапортовать Синоду. Последующими пунктами, с десятого по тринадцатый, искрашивались руководственные указания от Святейшего Синода, десятыми – относительно взимания с вотчин синодальной команды всяких денежных и окладных и запросных сборов, рекрут, одиннадцатым – способа сношений и отправки указов особенно в отдаленные от Москвы епархии – Сибирскую и Астраханскую, двенадцатым – способа доставки в Святейший Синод потребных репортов с приложениями, тринадцатым – производства расходов на госпитали, школы, богадельни и тому подобное. На все эти пункты Синод дал ясные и положительные ответы, указав «всякие денежные и хлебные сборы и рекрут и работных людей и прочее, по указам спрашиваемое, отправлять, применяясь к команде камер-коллегии, равным образом в госпиталь, школы, богадельни и солдатам дачи производить в размере, что к пропитанию надлежит, согласно указу 29 января 1723 г., расходы по посылке нужных пакетов и прогоны посыльным производить на счет наличной монастырского приказа суммы. Ответом на четырнадцатый пункт предоставлялось монастырскому приказу принимать приказных, без которых пробыть не возможно, но без излишества, а для определения им содержания ожидать генерального штата.³⁴⁷ В пункте пятнадцатом определяется порядок сбора и способ доставки хлеба на госпитали и другие расходы из «за определенных вотчин». Пунктом шестнадцатым предоставлялось монастырскому приказу и в отсутствие Святейшего Синода из Москвы принимать в монастыри отставных солдат» а драгун, назначая им определенное

содержание.³⁴⁸ Рассмотренными вопросными пунктами и последовавшими на их разъяснениями Святейшего Синода с ясностью определяются организация и устройство монастырского приказа, круг его действий и способы действований. По организации приказ представлял учреждение, имевшее своих агентов во всех местах, где были вотчины синодального правления, по кругу деятельности он обнимал и хозяйственную и финансовую и судебно-полицейскую часть этих имений, по способу действований он являлся учреждением, законченным в том отношении, что каждая часть его ведомства была организована. Святейший Синод пользовался этим учреждением, когда приходилось разрешать вопросы экономического и вообще финансового свойства.³⁴⁹ В этом отношении монастырский приказ записал в собственном смысле учреждение синодального ведомства для дел вотчинных, хозяйственных и благотворительных. Широта и разнообразие этих дел, выдвигая приказ в ряду других учреждений синодального ведомства, и послужили поводом к действительной замене его учреждением другого наименования.

2. Камер-контора синодального правительства

24 января 1724 г. Петр Великий указал Сенату с Синодом рассудить (определить) о том, чтобы «в Синоде учинить коллегия, подобно камер-коллегии, где все расположения сборов всех их домашних, кроме генеральных на войско сборов, которые у земских комиссаров будут, кому почему доведется брать и что в госпитали; учинить также казначея и цалмейстеров, в таком образе, как в адмиралтейском уставе определено, которые по учиненной табели должны давать деньги, также что неокладное будет за подписанием всего Синода. Платежу надлежит быть первое в госпиталь, потом Синоду и архиереям, а потом монахам снизу до архимандрита; также надлежит быть обер-провиантмейстеру, который должен провиант раздавать таким образом, как казначею повелено деньги».³⁵⁰ Во исполнение этого высочайшего повеления Сенат со своей стороны распорядился, наименовав предполагаемое учреждение камер-конторой, президентом оной назначить Кирилла Чичерина, судью монастырского приказа, ассессорами при нем в числе двоих, указал быть тем, которые состояли при нем в монастырском приказе с пояснением: «а буде пожелают иных, то выбрать из тех, кои из Сената отосланы к синодским делам». Казначеем Сенат назначил Алексея Владыкина, бывшего дворецкого дворцового приказа, к нему двух цалмейстеров, а в обер-провиантмейстеры предположил выбрать в Сенате из тех же отосланных в Святейший Правительствующий Синод. О всех своих распоряжениях, как и о вышеизъясненном высочайшем повелении Сенат сообщил Синоду ведением от 21 сентября 1724 г. По поводу этого ведения Святейший Синод через своего обер-секретаря Палехина предложил Сенату «возьиметь» со Святейшим Синодом конференцию, заявив, что именным указом повелено учинить в Синоде коллегия, подобную камер-коллегии, а не камер-контору, и что назначенный казначеем Алексей Владыкин «явился подозрителен».³⁵¹ На состоявшейся конференции Сенат настоял, чтобы учиненной под синодским ведомством

камере быть – конторой, а не коллегией, «понеже, пояснил Сенат, Сам Его Императорское Величество изволил так определить». При президенте Сенат согласился учинить сверх ассессоров, двух советников, назначенного казначеем Владыкина «за подозрением» устранил, постановив казначея, обер-провиантмейстера и цалмейстеров выбрать по общему с Синодом согласию как из состоявших при Чичерине членов, так и из других Сенатом назначенных в синодальное ведомство лиц.³⁵² Для приведения в исполнение состоявшихся на общей Синода с Сенатом конференции предположений Святейший Синод с своей стороны распорядился, чтобы с этого времени монастырский приказ именовался камер-конторой синодального правительства, чтобы президентом в этой конторе оставался бывший судья монастырского приказа Чичерин, которому, по объявлении об этом указе в Московской синодального правления канцелярии и по приведении к присяге на новую должность, поручалось избрать потребных в советники и в ассессоры членов, также в казначеи, обер-провиантмейстеры и в цалмейстеры, и представит о них Синоду приложив «свое мнение с довольными резонами». До назначения новых членов Синод приказал быть при Чичерине «прежним членам неотлучно и управлять все по должности прилежно тщательно». При этом Синод поручил новому учреждению сочинить «анштальт» «в какой возможно скорости и прислать в Синод к рассмотрению немедленно».³⁵³

В то время, как монастырский приказ заменялся камер-конторой Синодального правительства, в личном составе приказа были следующие должностные лица – судья Кирилл Чичерин, за советника из царедворцев Василий Кафтырев, ассессоры: из дьяков Илья Никифоров, из поручиков Петр Любятинский, из дворян Иван Коблов, Степан Ябедин и Филипп Ягодинский.³⁵⁴ Из поименованных лиц Кафтырев и Никифоров определены были к должностям еще в то время, когда Синодом было предоставлено монастырскому приказу право предложить кандидатов в советники и ассессоры, согласно предположениям Чичерина, другие лица впоследствии.³⁵⁵ Из поименованных лиц Чичерину предстояло избрать помощников и для новой его

должности. Места советников заняли Кафтырев и Любятинский,³⁵⁶ а ассессором остался Никифоров.

Занятия нового учреждения вращались около тех же предметов, которыми распоряжался и монастырский приказ. Главным делом конторы, по поручению Святейшего Синода, была забота о приведении в ясность тех сборов, которые взимались с архиерейских и монастырских вотчин, установление правильной нормы для этих сборов и устранение светских лиц от вмешательства и эту область.³⁵⁷ В ряду синодальных учреждений камер-контора занимала положение, по которому ей было предоставлено Святейшим Синодом право с подчиненными местами, кроме Московской духовной дикастерии и розыскной раскольнических дел канцелярии, сноситься указами, по которым предписывалось чинить безотлагательное исполнение. Сама контора находилась, как и прочие синодальные учреждения в подчиненном отношении к Московской синодального правления канцелярии.³⁵⁸ В некоторых случаях по особым распоряжениям Святейшего Синода, камер-конторские члены принимали участие в собраниях Московской синодального правления канцелярии и Московской духовной дикастерии для обсуждения дел, поручавшихся Синодом.³⁵⁹

Судьба рассматриваемого учреждения была предрешена последовавшим, 18 июля 1726 г., разделением Святейшего Синода на два апартамента, когда другому апартаменту были поручены те же дела, которые были ведомы камер-конторой, как то: суд и расправа, смотрение сборов и экономии и прочее тому подобное. В манифесте об этой перемене не было никакого упоминания о дальнейшей судьбе камер-конторы синодального правительства, равно и Синод со своей стороны не возбуждал вопроса об этом учреждении, когда по поводу приведения в исполнения означенного манифеста рассуждал о других, тем не менее назначение президента камер-конторы в состав присутствия другого департамента указывало на прекращение самостоятельной деятельности этого учреждения. Действительные факты дополняют, что до образования другого департамента распорядителями в камер-конторе являются

президент Чичерин, советники – Кафтырев и Любятинский, а по открытии – контора представляется действующей и в 1727 г., но без президента. 30 марта 1727 г. камер-контора донесла Святейшему Синоду, что в конторе получен указ Синода, от 15 марта того же года, относительно определения к делам камер-конторы бывшего канцеляриста синодальной канцелярии Ивана Клепикова; о действительном определении того же Клепикова доносила Святейшему Синоду уже коллегия экономических дел от 26 мая 1727 г. Не лишнее значения указание на то, что коллегия заступила место конторы. Синод подтверждает эту мысль, когда, отождествляя оба учреждения и равняя их между собой, констатирует: «прежняя камер-контора ныне – синодальная коллегия».³⁶⁰ В 1727 г. камер-контора синодального правительства прекратила свое существование и деятельность. В 1728 г. Сенат осведомившись что у задних ворот синодального дома, где была камер-контора, три палаты стояли праздны, и предположив занять их под помещение ревизион-коллегии, отнесся по этому с требованием в Синод. Последний со своей стороны распорядился отдать те палаты, кому следует, по описи с распиской в том, что ежели в будущее время по указу Святейшего Синода для каких-либо нужд те палаты повелено будет очистить, то ревизион-коллегия таковой указ исполнит без замедления, не отговариваясь ничем и отдаст обратно те палаты по описи.³⁶¹

3. Коллегия экономии синодального правления

Высочайшим манифестом императрицы Екатерины I, от 18 июля 1726 г., повелено было разделить синодальное правление на два апартамента, причем первому апартаменту, образованному из шести персон архиерейского сана, поручено «управлять всякие духовные дела всероссийской церкви и содержать в добром порядке и благочинии духовных, также типографии и иметь тщание о печатании книг которые бы согласны были с церковными преданиями», а в другом апартаменте назначено быть «суду и расправе, также смотрению сборов и экономии и прочее, тому подобное, по примеру прежде бывшего патриаршего разряду и других тогда бывших в патриаршем ведомстве приказов». Этот апартамент был образован из пяти светских лиц, в него были назначены: синодальный обер-прокурор – Баскаков, президент Камер-конторы синодального правительства – Чичерин, обретавшийся и Московской синодальной канцелярии, ассессор – Топильский, бывший синодальный дворецкий – Владыкин и обретавшийся у полицмейстерских дел в С.-Петербурге – Щербачев. Образованному из поименованных лиц апартаменту указано «о тех делах, которые подлежат к духовному рассуждению» доносить и Синод, а о светских делах Высокому Сенату. Мотивы настоящего распоряжения так изъяснены в высочайшем манифесте: «понеже высокославная памяти Императорское Величество, наш любезнейший Супруг и Государь, имея попечение о исправлении чина Духовного установили духовную коллегия (то есть духовное соборное правительство), чтобы по регламенту всякие духовные дела в Всероссийской церкви управлять; но когда в том духовном собрании по докладными пунктам последовали другие деда, а именно:

- 1) в управлении вотчин;
- 2) в сборах с них денег;
- 3) всякие по делам расправы и
- 4) что того духовного собрания первые члены имеют правление своих епархий, то от того оное духовное собрание

стало быть отягощено, от чего и в управлении духовных дел учинилось помешательство, что тогда же усмотря Его Величества, высокославная памяти Государь Император соизволил воспринять было намерение, чтобы то духовное собрание паки оставить точию при едином правлении в духовных делах, дабы церковное правление и учение во славу имени Божия в наилучшее происходило... по то Его Императорского Величества соизволение ко исполнению не достигло причиной Его кончины. И для того мы, подражая Его высокославная памяти Государя Императора, ко исполнению благого Его намерения, повелели ныне разделить синодальное правление на два апартамента». Таким образом настоящей реформой имелось ввиду освободить Синод от дел светского характера. Какие именно дела вследствие этой реформы должны были отойти от ведомства Синода, этого в манифесте не объяснено, тем по менее замечено: «а каким делам именно в Синоде и в другом апартаменте быть, о том объявлено будет особым нашим указом».

Забываясь о приведении предначертаний этого манифеста в исполнение, Святейший Синод с своей стороны распорядился прежде всего поставить в известность тех лиц, которые были назначены в состав присутствия другого апартамента. Из этих лиц некоторые были в С.-Петербурге, другие в Москве. Находившимся в С.-Петербурге Баскакову и Щербачеву Синод поручил безотлагательно вступить в исполнение обязанностей для отправления нетерпящих остановки дел; бывшим же в Москве Чичерину, Топильскому и Владыкину предписал приехать и «неотложно явиться в Святейший Синод». Для руководства «при отправлении дел» и в «основание к их действию», Синод распорядился дать точную копию с вышеозначенного манифеста постановив: «определить, где пристойно, особое место, и часть канцелярских служителей». При этом Синод задавался вопросом и положил доложить государыне о том «кому в каких рангах из назначенных в апартамент лиц быть, с повышением ли в чинах против прежнего, и какое звание тому второго апартамента правительству иметь». Равным образом Синод решил ожидать

особого указа и относительно круга ведомства этого учреждения, распорядившись «о делах прежних в синодальной команде имеющих сначала Святейшего Синода всяких решенных и нерешенных для рассмотрения, которым быть в Святейшем Синоде и которые отдать во второй апартамент, учинить реестры, в какой возможно скорости».³⁶²

Приведенными распоряжениями Святейший Синод обнаруживал заботу об устройстве нового учреждения, а вместе с тем выражал мысль, что это учреждение должно было состоять и действовать в непосредственном его ведении. Манифестом от 29 сентября 1726 г. второму апартаменту повелено именоваться «коллегией экономии синодального правления». При выслушании об этом указа, синодальный обер-прокурор словесно предложил Святейшему Синоду, что от верховного Тайного Совета объявлено ему «дабы всем духовным и прочим имеющимся и ведомым в Святейшем Правительствующем Синоде делам учинить обстоятельный реестр, для общего с Святейшим Синодом рассмотрения, которым где быть надлежит, внести в верховный Тайный Совет».³⁶³ По составлении, согласно сему предложению, распределения предметов ведомства Святейшего Синода и коллегии экономии, к ведению последней отнесены:

- 1) сборы с синодальных дворцовых вотчин;
- 2) смотрение экономии синодального дома и вотчин относительно сбора оброчных денег и расположения всяких заводов;
- 3) отдача в сроки земель, покосов и других оброчных статей синодальных вотчин;
- 4) выдача синодальным членам и канцелярским служителям, и прочим чинам обретающимся в синодальном доме окладного жалованья;
- 5) содержание латинской, греческой и славянской школ, обретающихся в Московском Заиконоспасском монастыре, учителей и учеников денежным и хлебным жалованьем, а также строение и починка в монастыре;
- 6) содержание Московских богаделенных нищих кормовым жалованьем, строение и починка богаделен, смотрение за ними

и приверстка в них нищих;

7) починка синодальных церквей, содержащихся от дворцового приказа;

8) содержание канцелярии Святейшего Синода, коллегии экономии и прочих, обретающихся в синодальном ведомстве контор и приказов (кроме духовной дикастерии) покупкой бумаги, свеч, сургуча и пр. строением и починкой;

9) суд и расправа между подчиненными непосредственно Святейшему Синоду архимандритами и монастырскими служителями в делах по обидам, в бою о кражах, в спорах о землях и крестьянах, в отправлении рекрут и тому подобных делах, кроме уголовных;

10) апелляционный суд в делах по обидам на монастырских служителей и крестьян, в первой инстанции подсудных монастырским начальствам;

11) расследование по доносам инквизиторов о похищении казенных интересов светскими синодальной команды и взыскание с них штрафов;

12) смотрение и устранение тягостей, причиняемых синодальным вотчинным крестьянам от светских людей и управителей в излишних неуказных сборах и пр.;

13) определение в монастыри на пропитание отставных офицеров, солдат и матросов, и

14) записывание приходящих в С.-Петербург с паспортами крестьян синодальной команды и выдача возвращавшимся из Петербурга домой по истечении срока подорожных билетов и пр.³⁶⁴

Из перечня отосланных к ведению коллегии экономии синодального правления предметов с ясностью видно, что коллегия должна была составить при Синоде и под Синодом хозяйственное, вотчинное и финансовое учреждение, назначенное следить за производством установленных сборов с вотчин синодального ведомства, распоряжаться указанными расходами на счет сумм с синодального ведомства и заведовать экономической и хозяйственной стороной учреждений и зданий, состоящих в синодальном ведомстве. В таких очертаниях и наблюдаем деятельность коллегии

экономии, если проследить ее занятия по распоряжениям Святейшего Синода. Но подобное исследование, не представляя интереса, только удлинило бы рассуждение. Поэтому ограничимся замечанием, что вместе с хозяйственной и финансовой стороной деятельности, коллегии экономии принадлежало и административное, распорядительное заведывание предоставленными ей ведению учреждениями. Для примера отметим, что по решению коллегии экономии помещались в Московский госпиталь присылаемые из полков военные чины на лечение³⁶⁵ и распределялись по монастырям для пропитания;³⁶⁶ без разрешения её ученики славяно-греко-латинской академии не могли быть принимаемы в медицинскую науку для обучения.³⁶⁷ Вообще Синод пользовался коллегией экономии, как вспомогательным и подчиненным ему учреждением во всех тех случаях, когда признавал это нужным по роду и характеру её компетенции дел.³⁶⁸

Первые свои действия коллегия экономии открыла в С.-Петербурге, но действовала в Москве, куда и были отправлены прибывшие в С.-Петербург члены коллегии – Чичерин и Владыкин 6 февраля 1727 г., и находившийся в С.-Петербурге Щербачев 30 мая того же года; Топильский все время был в Москве.³⁶⁹ Болтин оставался в С.-Петербурге в конторе коллегии.³⁷⁰ При первоначальных действиях коллегии, канцелярия ее формировалась из чинов синодальной канцелярии, из которой первыми были назначены в коллегия секретарь – Волков и протоколист – Башилов; потом, по распоряжению Синода, указано было «по рассмотрению синодальных обер-секретаря и секретарей» определить в ведомство коллегии из синодальной канцелярии и тиунской конторы столько служителей, сколько надлежит, «дабы никакой остановки в делах не было»³⁷¹ Канцелярскими принадлежностями коллегия на первых порах пользовалась от синодальной канцелярии, но потом те же принадлежности, хотя и получались из той же канцелярии, но за счет коллегии.³⁷² Этот, по-видимому, мелкий факт наглядно характеризует положение новоучрежденной при Святейшем Синоде коллегии экономии. Дело в том, что при существовании камер-конторы коллегия не

имела в своем распоряжении сумм, и первенствующий член коллегии Баскаков, по поводу состоявшегося распоряжения Святейшего Синода о прекращении выдачи синодальной канцелярией коллегии канцелярских принадлежностей, обратился в Синод с заявлением, что в коллегии никаких денежных сборов не имеется и просил отпускать канцелярские принадлежности из синодальной казны. Синод разрешил, но на счет коллегии с записью в расход и под расписку. Водворившись в Москве, коллегия экономии синодального правления заменила камер-контору синодального правительства и воспользовалась её устройством. По поводу возбужденного Московского синодального правления канцелярией вопроса о том: принимать ли ей к исполнению присылаемые из коллегии экономии ведения, Св. Синод изъяснил отношения этих учреждений. Синод постановил: «оной коллегии экономии по случающимся в ней делам, принадлежащим до ведения Святейшего Правительствующего Синода, требовать резолюции от Святейшего Синода. и о том износить ей обыкновенные доношения по примеру тому, как и в высокий Сенат от прочих коллегий доношения вносятся, а с оной Московской синодального правления канцелярией ни о каких делах той коллегии письменно корреспонденции не иметь, понеже та канцелярия состоит токмо под одним ведомством Святейшего Правительствующего Синода, и без позволения синодального отправлять ей, по присылаемым из той коллегии ведениям, ничего невозможно».³⁷³ Синод сносился с коллегией указами. Отношения коллегии к Синоду характеризует следующий, по-видимому, мелочный факт. Синод по поводу поступившего к нему от Сената ведения относительно побуждения городских управителей, чтобы не поставляли препятствий в деле взимания штрафов с неисповедовавшихся, распорядился о содержании этого ведения дать знать по епархиям указами из коллегии экономии синодального правления «неукоснительно», заключив передать для этого в ту коллегию копию с протокола.³⁷⁴ При доставлении таковой копии в коллегию, член оной Щербаков и секретарь Волков не приняли подданной копии, потребовав, чтобы был прислан указ, а не копия «понеже

коллегия не контора», и добавив, что и указ присылать не для чего, «ибо» по присланному в коллегия из Сената по особому указу, в такой же силе, как и в протоколе, о неисповедовавшихся во все епархии и подчиненные Синоду места, куда надлежало, указы разосланы.³⁷⁵ Настоящий факт показывает, что коллегия экономии синодального правления находилась под двумя влияниями – Синода и Сената, и что она, как бы с некоторой предупредительностью, относилась к распоряжениям последнего и тянула в противоположную для Синода сторону. Подобное направление как бы предуказывало её зависимость в будущем.

При первоначальном возникновении мысли об учреждении при Синоде коллегии, для заведывания сборами в синодальных вотчинах, разрешившейся, как видели, открытием камер-конторы синодального правительства, имелось в виду устроить эту часть, не изъемя ее из под ведения Святейшего Синода. Равным образом и при разделении Святейшего Синода на два апартамента, приведшего к образованию при Синоде и рядом с ним «коллегии экономии синодального правления» имелось в виду ближайшим образом освободить Синод от излишнего бремени непосредственного заведывания церковными вотчинами. Но подобное освобождение могло последовать лишь с совершенным изъятием означенных вотчин из синодального ведомства. К этому и направлялись события. Святейший Синод сумел на время отклонить эту попытку, приняв на себя инициативу организация коллегии экономии и поставив последнюю под ближайшее свое ведение, но состоя под Синодом, коллегия в то же время действовала по указаниям Сената для удовлетворения потребностям и целям государства. Двойственность влияния естественно делала особенно заметными недостатки в управлении церковными вотчинами. Главный из этих недостатков, который трудно было предотвратить самому Синоду, состоял в недоборе сборов с синодальных имений – недоимка возросла до громадных размеров. Правительство обратило внимание на эту часть и, относя к небрежности духовных властей накопившуюся недоимку, начало принимать энергичные меры. В 1732 г. 23

октября именным указом императрицы дано было знать Синоду, что по докладу Сената о накопившейся с 1721 по 1732 г. на домах архиерейских и монастырских недоимок в размере свыше 81,000, указами через Сенат повелело «губернаторам и воеводам, и обретающимся на штатных дворах офицерам» требовать от духовных властей, чтобы уплатили накопившуюся недоимку без всяких отговорок.³⁷⁶ Предписывая в исполнение этого именного указа «безотлагательно и без отговорок внести накопившуюся за прежние годы недоимку, Синод свое требование обставил следующими угрозами: «ежели же той недоимки вскоре, как сила одного Ее Императорского Величества именного указа гласит, из всех мест заплачено не будет, или впредь духовные власти повсегодно тех доходов сполна платить не станут, то положенные деньги на госпитали, богаделенных нищих и на прочие тому подобные расходы собраны и отданы будут прежде от светских управителей в коллегия экономию, а на собственное содержание духовных властей и подчиненным их жалованье будет удержано так, как и в прошлом 1723 году, по указу блаженные и высокодостойные памяти Государя Императора Петра Великого,³⁷⁷ за такие же доимки давать было запрещено; да сверх того на самих архиереев и ставропигиальных монастырей на властях взят будет штраф из собственного их иждивения, как указы повелевают; прочих же монастырей настоятели лишены будут санов своих без всякого упущения, несмотря ни на какие их отговорки, а домов архиерейских и монастырских, где имеются приказных управителей движимые и недвижимые их имения, все возьмутся в казну Ее Императорского Величества безвозвратно».³⁷⁸ На этом не остановилось дело. Стараясь получить самые точные сведения о состоянии платежей во всем синодальном ведомстве, императрица именным указом повелела Синоду немедленно доставить в Сенат затребованными прежними указами ведомости о недоимках по синодальному ведомству с 1719 года.³⁷⁹ В исполнение по этому указу Синод принял еще более энергичные меры: за недоставку по прежде объявленным указам требуемых ведомостей, Синод предписал взять штраф «в пятьдесят рублей с секретарей

Московской духовной дикастерии, коллегии экономии синодального правления, дворцового и казенного приказов, на управителях Московской типографии, на приказных всех епархий архиерейских домов и ставропигиальных монастырей, а также с секретарей и прочих служителей, которые «до того отправления принадлежат».³⁸⁰ Независимо от этого Святейший Синод, озабочиваясь составлением ведомостей о числе архиерейских и монастырских вотчин, сборов с них недоимок к пр. распорядился: «для сочинения тех ведомостей той коллегии секретарей и прочих канцелярских служителей содержать в той коллегии неисходных по то время, пока оные исправно со всяким изъяснением сочинены будут. И в том сочинении понуждать их, коллежских служителей, тояж, коллегии членам самим и в каждый день и ночами иметь присутствие тем членам, в той коллегии по единой персоне безвыходно».³⁸¹ Как не строги были и не энергично проводились все эти меры, тем не менее дела не подвигались к желательному результату, недоимки не уменьшались, а возрастали, ведомости составлялись, но не представлялись. В 1736 году коллегия экономии донесла, что на архиерейских домах и монастырских большая недоимка. Государыня повелела взыскать эту недоимку в два месяца; указ не был исполнен. Коллегия экономии представила об этом Синоду, который предписал уплатить немедленно, заметив, что «пока не будет уплачено, властям в монастырях на свои властительские места не становиться». И после этого недоимка осталась неуплаченной.³⁸² Коллегия экономии объяснила подобные явления «послаблением, или излишними издержками духовных властей и их приказных», прибавляя, что «приказные и стряпчие монастырские, хотя и содержатся скованы под караулом; но власти то задержание ни во что вменяют».³⁸³ Подобные воззрения, быв усвоены правительством, привели его к решительному шагу. 15 апреля 1738 г. объявлен был Сенату следующий именной указ: «коллегии экономии быть под ведением Сената, а Синоду от этого времени той коллегии не ведать, понеже в оной коллегии состоят сборы и другие экономические дела, которые подлежат ведению Сената, и

духовных дел, какие бы могли касаться до Синода, не бывает; а ежели Синоду будет что от той коллегии когда потребно, о том относиться с Сенатом, откуда все, что потребно получить могут».³⁸⁴ В настоящем указе заметно звучит мысль, что заведывание именными не свойственно духовным властям, и что сопряженные с этим заведыванием дела не требуют духовного авторитета. Подчинение коллегии экономии Сенату имело в виду не одно улучшение в заведывании монастырскими именными, а переводение их в другое ведомство. Мысль эта с определенностью выражена в именном указе Сенату от 30 октября 1738 г. Указ гласил: «понеже синодальные вотчины купно и с их домами состоят под ведением Святейшего Синода, на которых по усмотрению получаемых из казенного и дворцового приказа рапортов, паче чаяния явилась доимка слишком 40 т. р.; понеже собиране и выбиране доимок дело светское, а Святейший Синод и без того важнейшими духовными делами весьма отягощен, того ради за благо рассудили мы оные синодальный и дворцовый приказы сообщить в коллегии экономии, и все оные синодальные вотчины оной коллегии в полное ведение поручить и потом накрепчайше подтвердить, дабы положенные доходы повсегодно собираемы были бездоимочно».³⁸⁵ Настоящий указ был дополнен новым постановлением, по докладу заведовавшего коллегией экономии графа Мусина-Пушкина, который в своем донесении Императорскому кабинету докладывал, что на вотчинах архиерейских домов и монастырей накопилось до ста т. р. недоимок и что в то время, когда эти вотчины находились в ведении монастырского приказа, не только архиерейские дома и монастыри были во всяком довольстве, но и в Московских госпиталях содержалось по тысяче человек и при этом образовывались остатки, поступавшие в казну, составившие с 701 по 711 годы до миллиона рублей. Посему Мусин-Пушкин требовал: «дабы архиерейским и монастырским заопределенным вотчинам и надлежащим доходом до оной коллегии быть сборами, судом и расправой, и всеми делами ведомым в коллегии, как были ведомы в монастырском приказе, а духовным властям иметь

правление тех только вотчин, кои определены на их содержание». Государыня повелела учинить по этому представлению.³⁸⁶ В исполнение этого повеления Св. Синод безотлагательно сделал надлежащие распоряжения, между прочим предписал чтобы «кто, из духовных персон начальствующие архиерейских домов и монастырские власти ведомства своего заопределенных вотчин положенные в коллегия экономии доходы, собрав держат у себя, о тех в Московскую синодального правления канцелярию взяв из коллегии экономии надлежащую и с показаний о том стряпческих ведомость, с обстоятельным на то изъяснением, учиня с той ведомости точную копию для известия прислать в Св. Синод немедленно. А по оной ведомости удержанные властями деньги без всякого продолжения и послабления всяческими властями отослать в тою коллегия в самой скорости. А сколько где тех денег удержано и для чего и когда оные в коллегия экономии отосланы будут, Св. Синоду рапортовать неукоснительно».

Таким образом коллегия экономии сделалась центральным местом по управлению церковными имениями, без всякой зависимости от Святейшего Синода. Переводя под свой ближайший контроль заведывание церковными имениями, правительство императрицы Анны Иоанновны озаботилось первым делом привести в известность наличное состояние этих имений. Для этого через особо назначенных коллегией экономии лиц производились ревизионные экзекуции и всесторонний осмотр имений архиерейских домов и монастырей, причем, в предупреждение укрывательств достатка и запасов, пока производилось освидетельствование одного монастыря, казна и хлебные запасы всех других монастырей епархии опечатывались.³⁸⁷ Последствием таких ревизий было то, что остаточный хлеб свозился в казенные магазины на довольствие войск, а денежные суммы отбирались в губернские канцелярии для расходования оных по указам от Кабинета.³⁸⁸

Такая экзекуция церковных имений не могла обещать благих последствий и не огорчать духовных властей, которые решались объяснять Св. Синоду, что присылаемые от коллегии

экономии управители и сборщики недоимки подчиняют своему ведению не одни заопределенные вотчины, а и те, которые в ведомстве монастырского приказа, никогда не были. Истребовав надлежащие сведения от Московских и близ Москвы находившихся монастырей, Св. Синод решился раскрыть высочайшей власти истинное положение дел. Во всеподданнейшем докладе от 26 июля 1741 г., раскрыв, что состояние церковных вотчин во время управления ими монастырского приказа вовсе не было так удовлетворительно, как представил об этом кабинету граф Мусин-Пушкин, и что с подчинением коллегии экономии и церковных имений светскому правительству, в положении этих имений обнаружилось много печальных последствий, Синод продолжал: «многие епархиальные архиереи и разных монастырей архимандриты и игумены доношения представляли о том, что посланные от коллегии экономии управители всякие доходы, съестные и хлебные припасы, кои присылались в дома и монастыри на пропитание, и в вотчинных селах скот и прочее все от них отняли и оных заопределенных вотчин крестьяне никаких архиерейских домовых и монастырских работ не исправляют, от чего де оные монастыри приходят в оскудение и обветшалых строений починить нечем. И хотя, по именному ноября 13 дня того же 1740 года указу, повелело Синоду попечение иметь, дабы храмы святые и нищепитательные дома во всем по учиненным определениям содержаны, которые иногда от скудости и иным образом опустели, возобновлены и всеми потребностями удовольствованы были; по за вышеозначенным заопределенных вотчин от архиерейских домов и монастырей отрешением, в домах архиерейских и монастырских святых церквей и прочих епархий, которые от времени до времени по случаям от пожаров и прочего приходят в разорение и доньше во многих местах разоренных и повредившихся починкой исправлять и в прежнее состояние приводить, кроме заопределенных, одними определенными вотчин крестьянами отнюдь невозможно. Того ради Синод всеподданнейше просит всемилостивейшего указа, чтобы вышеозначенных ради обстоятельств... всемилостивейше повелено было помянутые

заопределенные архиерейских домов и монастырей вотчины в те архиерейские дома и монастыри возвратить по-прежнему». Резолюцией на этом докладе повелено: «оним определенным вотчинам до дальнейшего впредь рассмотрения и определения быть по-прежнему в ведомстве у властей, и доходы платить в коллегию экономии, как с 1720 г. до последнего Мусин-Пушкина представления было; только того накрепко смотреть, чтобы те доходы в коллегию экономии ежегодно исправно и бездоимочно доходить и плачены быть могли».³⁸⁹ Настоящей резолюцией снова и притом условно возвращались в управление духовных властей церковные вотчины, с тем, чтобы собираемые с них доходы исправно и бездоимочно поступали по прежнему в коллегию экономии. Подобное положение вещей не могло быть удовлетворительным; но и оно не возымело действия. Вследствие этого Святейший Синод не переставал изыскивать способы к установлению желательного и более естественного порядка вещей и достиг этого в следующее царствование. Пользуясь расположением Елизаветы Петровны к духовному и в особенности к монашествующему чину, а также Святейшему Синоду, члены последнего не преминули в своих всеподданнейших докладах выразить государыне, через тогдашнего обер-прокурора князя Шаховского, желание: «дабы коллегии экономии не быть и все, бывшие в ведомстве оной синодальные архиерейские, монастырские вотчины отдать в полное ведомство и управление Святейшего Синода, который будет стараться, чтобы доходы с тех лучшими учреждениями приумножить, и все, за подлежащими из тех в расходы употребления, остатки сохранять к угодности и к повелениям Ее Императорского Величества и о тех повсегодные подавались бы ведомости».³⁹⁰ В удовлетворение этого желания 14 июля 1741 г. синодальный обер-прокурор князь Яков Шаховской объявил Синоду словесно высочайшее соизволение на то, чтобы этого дня подать её императорскому величеству от Святейшего Синода известие с каким основанием коллегии экономии сборы Святейший Синод в ведомство свое принять желает». При обсуждении этого предмета между членами Святейшего Синода последовало разномыслие.

Первенствующий член Святейшего Синода Амвросий – архиепископ Новгородский и Митрофан – епископ Тверской полагали, чтобы «испросить всю сумму в коллегию экономии собираемую на возобновление домов архиерейских, и церквей и основательнейшего школ учреждения», в случае же, буде исполнение этого окажется невозможным, то «Святейшему Синоду принять за способно рассуждаются с прежними расходы, а именно: на академию, на богаделенных, нищих, и что надлежит в соборы, монастыри и церкви на ладан, на воск и прочее и на починку синодального дома, на дачу палестинским духовным, на милостыню, исключая госпиталь, который с удобством приписан быть может к государственным госпиталям. А что на тот госпиталь исходило, оная сумма остаться имеет, по рассмотрению Синодальному, на самые нужные церковные поправки; ибо иных денег на такие необходимости при Святейшем Синоде не имеется». При этом означенные члены заявляли, что если причислить сюда расходы на духовных Грузии и на архиереев, и на устройство новокрещенных, и на другие предметы, расходы на которые превзошли после 1726 г. и до того умножились, что превосходят все доходы коллегии экономии, то принять эти расходы в синодальное ведомство «весьма невозможно». Другие члены: Платов – епископ Крутицкий, Симон – епископ Суздальский, Симеон – архимандрит Ипатский, согласно выразили, что, по их мнению, коллегия экономии может быть принята Святейшим Синодом, но только с теми ординарными расходами, какие производились при Петре. Означенные мнения синодальных членов обер-прокурор при всеподданнейшем рапорте представил государыне,³⁹¹ которая 15 июля 1744 г. дала следующий указ: «указали мы коллегию экономии отставить, и все доходы синодальных, архиерейских и монастырских вотчин и прочие, что было в ведомстве той коллегии, отдать в ведомство и управление Святейшего Синода по прежнему со всеми расходы, на что было положено и употреблялось из тех доходов, исключая один только Заиконоспасский монастырь, который содержан на особые суммы, кроме вышеописанных доходов».³⁹²

В силу этого высочайшего указа коллегия экономии прекратила свою деятельность, оставив синодальные вотчины, потребовавшими от Св. Синода больших забот об улучшении их состояния хозяйства и экономии.

Коллегия экономии по открытии своих действий, как видели, состояла из пяти членов; с течением времени число их сократилось до двух, коими были: майор Иван Юсупов и ассессор Иван Топильский. С подчинением коллегии генералу Волкову, и с образованием при нем нового штата коллегии, утвержденного 24 января 1739 г., в коллегии состояло пять членов.³⁹³ Канцелярия, подразделяясь на экспедиции, имела также многочисленный состав служащих разных наименований.³⁹⁴ Прокурором коллегии в последнее время был Иван Чаплыгин.

4. Казенный и дворцовый синодальные приказы

Возникновение этих приказов относится ко времени патриарха Филарета, а организация и развитие их деятельности упадают на время Московских соборов 1667 – 1675 г. Казенный приказ заведовал денежными сборами поступавших в казну патриарха разных пошлин с приходских церквей, духовенства и церковных земель. Дворцовый приказ управлял двором патриарха, как вотчинника, заведовал вотчинами патриарха, его домовых монастырей и принадлежавшими патриаршему дому разными угодьями и промыслами. Оба учреждения давали средства на содержание патриарха, его приказов и вообще служивых людей двора патриаршего. Поэтому, когда в период междупатриаршества, возобновленный монастырский приказ занял центральное положение в деле заведывания патриаршим домом, патриаршими вотчинами и собиравшимися в казну патриарха сборами, казенный и дворцовый патриаршие приказы поступили в распоряжение монастырского приказа, которому и были послушны всяким порядком.³⁹⁵

В 1720 г., по именному указу, монастырский приказ был закрыт, а дела его переданы в коллегии по принадлежности, вместе с тем и состоявшие в ведомстве монастырского приказа казенный и дворцовый приказы также подпали под ведение тех же коллегий по доходам – камер-коллегии, по расходам – штатс-контор коллегии, по делам судным – юстиц-коллегии. По учреждении Святейшего Синода, с поступлением в ведение последнего бывшего патриаршего дома, возник вопрос и о заведывании обретавшимся в этом доме казенным и дворцовым приказами. В разрешение этого вопроса Синод постановил: «из оных бывших патриарших казенного и дворцового приказов о наличной денежной казне и о провианте и о прочем, что под ведением тех приказов содержится, взять в Синод обстоятельные ведомости, в которых бы было объявлено: колико каких окладных и неокладных доходов и прочего на прошлые и на нынешний 721 годы собрать довелось, и что собрано и в какие расходы и по каким указам употреблено

и что от тех расходов ныне в остатке на лицо, а которые доходы числятся в доимке и которые по окладным книгам и учиненным определениям вновь в сборе быть довелись, собирать в оные приказы по прежнему, и тем окладом и определенным сборам присылать в правительствующий духовный Синод повсямесячные репорты, против прежде начатых из камер и штатс-контор-коллегий образцов, а наличной денежной казны и провианта и прочего, что есть и впредь соберется, ни в какие расходы, кроме самых необходимых нужд, не описываясь в Правительствующий Синод, и не получив повелительного указа, отнюдь не держать».³⁹⁶

Приняв в свое ведение означенные приказы, получившие с этого времени наименование «синодальных», Синод ближайшее заведывание оными, наряду с возобновлявшимся монастырским приказом поручил «всяким правлением, до указа, ведать полковнику и лейб-гвардии капитану-поручику Плещееву³⁹⁷, который обязан был наблюдать за производством сборов, доходов и расходов по этим приказам. Затем, когда для монастырского приказа назначен был особый управитель в звании «судьи этого приказа Ершов, последнему было поручено ведать «и бывшего патриаршего дому – казенный и дворцовый приказы», которые и были переданы Ершову Плещеевым, для следования по их делам и счета по сборам и расходам.³⁹⁸

При переходе казенного приказа в ведомство Святейшего Синода и подчинении его наблюдению судьи монастырского приказа Ершова «у отправления дел сего приказа находился ризничий иеромонах Филагрий, который был назначен к заведыванию делами казенного приказа князем Прозоровским. Подчинение казенного приказа монастырскому побудило заведовавшего сим приказом ризничего Филагрия обратиться к Святейшему Синоду с особым докладом об освобождении этого приказа от ведомства монастырского и о подчинении его непосредственно Синоду.³⁹⁹ Синод согласился с докладом Филагрия и постановил: «тот казенный приказ сборами и всяким правлением, кроме подлежащих монастырскому приказу дел, ведать оному ризничему, и в монастырском приказе того казенного приказа не ведать». При этом Синод в своем

определении пояснил, что «хотя оный казенный приказ помянутому ризничему ведомство и определен, однако же ему ризничему, в неприсутствие в Москве всего Святейшего Синода иметь себя подчиненна преосвященному Леониду – архиепископу Сарскому и Подонскому, яко советнику синодальному, а порученное ему, ризничему, оногo казенного приказа правление в действо производить с его архиерейского ведома, по надлежащему, как честной персоне, и поверенному приставнику во звании своем поступать долженствует, и собираемые в том казенном приказе положенные по указам деньги записывать в приходные книги именно без утайки, и расход из них употреблять по определенной табели и по синодальным указам, без всякого излишества, а остаточное за расходом табельное денег число отсылать с ведомостями в монастырский приказ по вся годы бездоимочно, и получать в тех деньгах платежные отписи, и о том присылать обычайные в Синод с показанием сбора и расхода и прочего репорты, в надлежащие времена без отлагательства».⁴⁰⁰ Вскоре за этим, а именно 3 июля Филагрий был назначен казначеем синодального дома, с оставлением у отправления надлежащих, «касающихся как казначейской, так по прежнему определению и ризнической должности», под ведением в бытность в Москве Святейшего Синода, а в синодское отсутствие того Синода советника преосвященного Леонида. При этом относительно круга занятий Филагрия замечено: «обретающуюся в синодальном доме казну и прочие вещи, которые наперед этого в бытность святейших патриархов были в казначейском ведении, по описным книгам принять ему казначею Филагрию с распиской, и что надлежит в расходы, употреблять по присылаемым из Синода указам».⁴⁰¹ Подчинение Филагрия в его деятельности Леониду – архиепископу Крутицкому ставило и казенный приказ в известное зависимое отношение к Московской духовной дикастерии, которой Леонид был председателем, и в которой ведались дела о церквах и духовенстве Синодальной области.⁴⁰² Как были определены и установились подчиненные отношения Филагрия к преосвященному Леониду и казенного приказа – к Московской духовной декастерии, так те же

отношения оставались и в последующее время, когда Леонида сменил Иоаким – Ростовский и Ярославский, а этого Вениамин – епископ Коломенский и Каширский, и когда первенствующее положение среди синодальных учреждений в Москве занимала Московская синодального правления канцелярия. В инструкции Вениамину Святейший Синод довольно подробно развивал, в чем должна состоять обязанность Вениамина по отношению к деятельности казенного приказа и поручал наблюдать, чтобы окладные и неокладные деньги собирались «с всяким рачением, без упущения», и не расходовались без указа Святейшего Синода, чтобы с ставленников отнюдь не брали «богомерзких взяток» сверх положенных пошлин и т. п.⁴⁰³

Филагрий долгое время оставался один, без помощника, заведующим казенным приказом. В декабре 1734 г. Филагрий обратился к Святейшему Синоду с доношением, в котором, заявляя, что по старости он не в состоянии исправлять двух должностей казначея и ризничего, просил дать ему помощника кого-либо из синодальных иеродиаконов. Синод, уважив просьбу Филагрия, в виду его «старости», освободил от должности ризничего синодального дома, назначив «для исправления ризнической должности» Николаевского Угрешского монастыря игумена – Феодора, который был помощником Филагрия и по казенному приказу. 11 августа 1737 года Филагрий умер, а 10 октября того же года скончался и Феодор.⁴⁰⁴ После них 2 ноября 1737 г. ризничим синодального дома был назначен игумен Ниловой пустыни иеромонах – Авраамий, бывший прежде иеромонахом в синодальном доме. Аврамию, до выбора казначея, было поручено временно заведовать и казенным приказом. На должность казначея 29 сентября 1738 г. был назначен игумен Андреевского монастыря – Пахомий, которому поручено иметь присутствие в синодальном казенном приказе, без участия ризничего Авраамия, перед самым подчинением рассматриваемого приказа коллегии экономии.⁴⁰⁵ Казначей иеромонах Пахомий показывается заведующим казенным приказом и по переходе приказа в ведение коллегии экономии.⁴⁰⁶

В казенном приказе, по расписанию Святейшего Синода, сосредоточивались:

1) сбор данных денег (дани) с церковей, обретавшихся в синодальной области;

2) прием пошлин с венечных памятей и других сборов, а также содержание всякой казны и употребление указных расходов;

3) рассылка по синодальной области указов о построении и освящении церковей, а также выдача антиминсов;

4) отдача в аренду церковных земель, и сбор оброчных денег;

5) ведение списков рукополагаемым в синодальную область священникам, дьяконам и причетникам, а также и вдовым священнослужителям и выдача им грамот и указов по резолюции архиерея.⁴⁰⁷ При закрытии в 1724 г. приказа церковных дел в ведомство казенного поступил сбор для полковых священников гривенных денег с Московских и Московского уезда десятин, и выдача новоявленных памятей церковнослужителям.⁴⁰⁸ В казенном приказе сосредоточивались подобного рода дела синодальной области и тех епархий и городов, которые по особым распоряжениям присоединялись в синодальной области.⁴⁰⁹ По характеру этих дел следует заключить, что казенный приказ и в синодальный период не отодвинулся от своего прежнего назначения ведать дела, касавшиеся только церковей и «чина духовного».

По примерной табели 1722 г. канцелярию синодального казенного прокиза должны были составлять, кроме казначея, дьяк (секретарь), пять канцеляристов, три подканцеляриста, девять копиистов, два сторожа, четыре пристава. Штат этот был соображен с числом служивших в приказе при патриархах.⁴¹⁰ Святейший Синод, озабочиваясь установлением более правильной нормы относительно числа служащих в синодальном доме в Москве, поручал Московской духовной дикастерии совместно с казенным приказом рассудить сколько надлежит оставить служащих, без которых, по самой крайней мере, пробыть не возможно?⁴¹¹ Последствием этого было то, что в поданной от Святейшего Синода 5 июня 1727 г. в

верховный Тайный Совет ведомости штат синодального казенного приказа был определен в составе одного секретаря, двух канцеляристов и восьми копиистов; подканцеляристов в той ведомости не было показано потому, что этот чин был уничтожен «в канцеляриях сенатской и синодской, равно и в коллегиях»; но на практике встречались отступления против установленной нормы.⁴¹²

Во главе синодального дворцового приказа стоял дворецкий Алексей Владыкин, который был определен в эту должность в 1719 г. князем Прозоровским. Владыкин пробыл в этой должности до 1724 г., когда по определению Святейшего Синода был отрешен за то, что «счету ему в приходах и расходах не было» и что доношениями «показало на него не малое подозрение». Отрешая Владыкина, Синод постановил: «отныне ведать оный дворцовый приказ особливому управителю, кого монастырского приказа судья Чичерин достоверного и к такому правлению удобного человека усмотрит, которому принять у него Владыкина оный приказ с надлежащею описью порядочно».⁴¹³ В то время, по поручению Святейшего Синода, счет дворцового приказа «во всяких денежных и хлебных и прочих приходах и расходах» производил асессор монастырского приказа Илья Никифоров; этого Чичерин и оставил заведующим приказом.⁴¹⁴ Никифоров оставался заведующим дворцовым приказом до исполнения возложенного на него поручения по учету приказа, каковой учет был окончен им в 1726 г. В следующем в 1727 г. Никифоров просил Синод об увольнении его в ведомство герольдии, объясняя, что за окончанием учета он остался не удел.⁴¹⁵ Предварительно удовлетворения просьбы Никифорова, Синод потребовал от коллегии экономии сведений действительно ли Никифоров уволен от дворцового приказа и по какому указу.⁴¹⁶ По оставлении Никифоровым дворцового приказа, в последнем заведующими остались два секретаря: вновь назначенный Павел Протопопов, бывший секретарь раскольнической рассылной канцелярии, и прежний Иван Черной. Коллегия экономии, представляя Синоду, что этим лицам решение дел, по указам «поручить не можно», просила о назначении в

дворцовый приказ управителей.⁴¹⁷ Синод «отправление дел» в приказе поручил Луке Владыкину, бывшему прежде комиссаром приказа, по случаю учета последнего Никифоровым, по распоряжению Московского синодального правления канцелярии, отрешенного от дел вследствие показанного на нем начета. Синод признав Владыкина невинным, возвратил его в приказ, поручив отправление дел в синодальном дворцовом приказе по-прежнему до указа и повелев поступать во всем, как указы повелевают.⁴¹⁸ Владыкин носил звание комиссара,⁴¹⁹ но в 1725 г., при составлении штатов для приказа, должность комиссара была соединена с должностью судьи приказа, заменившего звание дворецкого.⁴²⁰ Вследствие этого звание судьи становится отличительным наименованием должности заведующего приказом. Такими судьями приказа были: сначала Евлампий Брюханов, а после его смерти, с 1734 г. Филипп Ягодинский, при котором приказ слился с коллегией экономии.⁴²¹ Канцелярию приказа составляли два дьяка, потом секретари с несколькими канцеляристами и копиистами.⁴²² В синодальном дворцовом приказе сосредоточивались дела по ведомству и охранению синодального дома, синодальных сел, вотчин и угодий, а также всяких заводов и выгод; в нем же производились суд и расправа между крестьянами и бобылями синодальных вотчин, всякие сборы с них, наряды, а также и заведывание во всем синодальными домовыми людьми.⁴²³

Казенный и дворцовый синодальные приказы и по началу, как видели, и по последствиям разделяли судьбу один другого. 26 января 1726 г. Правительствующий Сенат сообщил Святейшему Синоду, что по высочайшему указу денежные доходы прежде бывших патриарших казенного и дворцового приказов отданы на штат Святейшего Синода с конторами их, кроме камер-конторы.⁴²⁴ Вследствие этого Московская синодальная канцелярия распорядилась «казенный и дворцовый приказы отрешить от ведомства камер-конторы», заменившей монастырский приказ, с тем, чтобы и «о сборе в тех приказах всяких денежных доходов репортов в оную контору не отсылать, а находиться в ведении Московской канцелярии Святейшего Синода, в которую, равно в С.-Петербург, в

Святейший Синод вносить повсемесечно репорты и нечего не держать без указа Святейшего Синода. При открытии действий коллегии экономии, сменившей камер-контору, Святейший Синод распорядился обязать подписками секретарей казенного и дворцового приказов в том, чтобы они «без доклада и повеления Святейшего Синода собираемой в оные приказы денежной суммы ни на какие расходы по присылаемым из прочих мест указам, отнюдь не употребляли под опасением не малого штрафования; так как те денежные доходы положены на штат Святейшего Синода, а не на другие каковые посторонние расходы, для чего другим командам к тем доходам интересоваться не надлежит».⁴²⁵ В таком, независимом, от других учреждений положении и находились казенный и дворцовый синодальные приказы до подчинения и присоединения их к коллегии экономии по именному указу 30 октября 1738 г.⁴²⁶ При этом коллегии экономии были поручены в полное ведение и все синодальные вотчины, с получавшимися по означенным приказам доходами, так что под ведением Святейшего Синода не оставалось никаких доходов. Коллегия обязана была из собиравшихся доходов выдавать жалование членам Святейшего Синода, его канцелярии и служащим в других подчиненных Синоду местах; но коллегия выполняла это неудовлетворительно. В 1741 г. июня 26 дня высочайшей резолюцией, как видели, по докладу Святейшего Синода, церковные вотчины были возвращены под ведение духовных властей, но с тем, чтобы получавшиеся с них доходы были своевременно и бездоимочно доставляемы в коллегия экономии.⁴²⁷ И это распоряжение не улучшало положения дел. Вследствие этого Синод решил, по определении» 13 июля 1741 г., обратиться к высочайшей власти с всеподданнейшим докладом, в котором, между прочим объяснив, что несмотря на неоднократные подтверждения, чтобы следующие на содержание Синода и подчиненных ему мест суммы своевременно отпускались коллегией экономии из доходов казенного и дворцового приказов, коллегия во все годы (с 1738 по 1741) «чинила многое продолжение», от чего служащие в означенных местах, при неимении у Синода средств,

испытывали крайнее затруднение. Поэтому Синод просил, чтобы синодальные, казенный и дворцовый приказы с их канцелярскими служителями и с прочим и со всеми синодальными вотчинами были возвращены по прежнему в полное ведомство Синода, и чтобы собранные в этих приказах наличные денежные и хлебные доходы были отданы в жалованье служащим.⁴²⁸ Доклад этот не возымел своего действия. Синоду пришлось повторить свое ходатайство.⁴²⁹ При упразднении, по докладам Синода, коллегии экономии и синодальные казенный и дворцовый приказы также отошли в ведомство Св. Синода, слившись с вновь возникшим вместо коллегии экономии учреждением.

5. Канцелярия синодальная экономического правления

С закрытием коллегии экономии Синодального Правления, Святейший Синод снова оказывался в том положении относительно управления церковными вотчинами, в каком находился в то время, когда эти вотчины были переданы в его управление Петром Великим. У Синода и теперь, как в то время, не было органа для ближайшего заведывания делами сих вотчин; но в то время Синод воспользовался, как видели, недавно закрытым монастырским приказом, восстановив его под своим непосредственным ведением. И в настоящий раз Синод как бы повторил прежний опыт. Начертывая свои распоряжения по приведению в исполнение высочайшего указа о закрытии коллегии экономии, Синод постановил как бы сохранить это учреждение, но под другим наименованием и в другом виде. Синод стремился усвоить сему учреждению такое наименование, которое указывало бы на ближайшее подчинение и зависимое отношение его к Святейшему Синоду, и дать тому же учреждению такое устройство, которое не выдвигало бы его из сферы церковных учреждений. Синод буквально постановил следующее: «бывшей коллегии экономии именоваться и писаться «канцелярией синодальной экономического правления», и на первый случай, в предупреждение в ту канцелярию, дабы в оной в течении дел остановки и упущения ни в чем быть не имело, определить Высокопетровского монастыря архимандрита Пахомия, да за советника синодального секретаря Павла Протопопова, а коликому же числу, и каких рангов духовным и светским персонам в той канцелярии установлено для лучшего управления и для порядка надлежит быть, о том в Святейшем Синоде, в полном собрании рассудя и назнача число и кого именно в те чины произвести и положи им довольные оклады жалованья для того, чтобы оные без всякого пристрастия в правлении по той канцелярии дел поступать могли, представить доклад для конфирмации Ее Императорскому Величеству».

Настоящие распоряжения Святейшего Синода по-видимому не согласовывались с предположениями тогдашнего синодального обер-прокурора князя Шаховского, принимавшего близкое участие в совершавшихся переменах. Шаховской письменно предложил Святейшему Синоду о своих предположениях относительно устройства и будущей деятельности нового учреждения. Выходя из мысли, что Святейшему Синоду «довольно известно» о непорядочном и неуравнительном с давних лет взимании денежных и хлебных сборов как с синодальных, так и епаршеских деревнях, и желая лучшим образом устроить эту часть, обер-прокурор, предполагая дать новому учреждению инструкцию, относительно состава его писал: «хотя Святейший Синод и соблаговолил в оной канцелярии быть из духовных персон одному человеку, или нескольким членам, но понеже до этого времени как при патриархах, так и потом, по указам блаженные в вечнодостойные памяти Государя Императора Петра Великого и Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, подлежащую до оной канцелярии должность правили присутствующие в той канцелярии светские персоны того ради необходимо потребно прибавить к оным из светских двух персон, вотчинное управление совершенно сведущих, которые, не имея уже никаких должностей, наиприлежно тщательнейший в те дела труд оказать могут. Также в оной канцелярии и прокурору быть потребно; ибо оные по указам блаженные в вечнодостойные памяти Государя Императора Петра Великого, во всех коллегиях и канцеляриях имеются. Обер-прокурор настаивал, чтобы канцелярия вполне ознакомилась с состоянием церковных вотчин, положением в них крестьян, их занятиями и промыслами, а также сборами с них и предлагал: «егда оные члены в ту канцелярию определятся, то всеприлежно велеть им рассмотреть синодальные вотчины, из них доходы и прочие к тому следовательные окрестности, что по состоянию ныне наличных крестьян, мест же и земель к уравнительной переоброцке принадлежит, например, беспашенных бы, смотря по удобности мест, крестьянских промыслов, а пашенных умножением пашни и прочих потребных

работ, хотя с убавкой против помещичьих четвертой части, что учредя и расписав каждое место с прежним доходом и прочей окрестностью и с обозначением вновь положенного представит Святейшему Синоду, почему удобно было конечное определение учинить. И для того из означенной канцелярии во все вотчины в ведомстве оной быть имеющие, надлежит кого пристойно, послать нарочных, или старых приказчиков, приказать описать земли, сенокос снятой и наличный хлеб, скот и прочее, через что возможно было той канцелярии подробно о всем знать и как вышеписанное расположение учинить, так и всей к доброму экономству употребить поступать». За сим обер-прокурор требовал, чтобы канцелярия, назначив определенное время, когда архиерейские дома и монастыри установленные с крестьян сборы должны присылать в канцелярию, подтвердила епархиальным архиереям и монастырским настоятелям, чтобы они недоимок не допускали и собранных денег без синодского разрешения никуда не употребляли». Кроме того, обер-прокурор настаивал, чтобы в канцелярии производились дела по жалобам в обидах только синодальных крестьян, прочих же у их ближайших властей и у архиереев. Обер-прокурор предлагал обязать канцелярию, чтобы она, внимательно заведую отдачей в аренду оброчных земель и других угодий, пересмотрела все оброчные статьи и, в случае надобности «переоброчив» некоторые из них, представила Синоду. Особенное внимание Святейшего Синода обер-прокурор обращал на улучшение хозяйства и вообще на поднятие экономического благосостояния в церковных вотчинах и с этой целью предлагал: «о заведении в синодальных вотчинах скота, конного завода, и прочего к приумножению доброй экономии следующего, от чего польза и прибыль впредь происходить могли, стараться той канцелярии прилежно тщательно должно. И для того, а особливо для надсмотрения синодальных вотчин над управителями и приказчиками, хлебопашества и прочего вотчинного правления надлежит при той канцелярии быть из синодальных дворян двум, да из духовных двум же, итого – четверем персонам, которые совершенно вотчинное поведение и деревенские обряды знали с наименованием их экономии. А

долг звания их имеет быть такой: «дабы они в пристойные времена в вотчины синодальные для того надсмотрения въезжали, коим та канцелярия с подробным всех нужнейших и до вотчинного экономства следующих поведений должна дать инструкцию. А ежели, впрочем, по усмотрению в них нужды не будет, то и оставить оных можно». В заключении, заявляя о необходимости желательного возможно правильного и уравнительного распределения сборов с церковных вотчин и их крестьян, обер-прокурор «для лучшей архиерейским домам и монастырям пользы и ради пресечения напрасно на властей наносимых клевет» предлагал поручить властям «по рассмотрении всякого места к доходу и пользе домовной и монастырской и к положению уравнительных доходов, и учинив с показанием прежнего и нового окладов и о порядочном впредь того произвождении приложив ведомости, как возможно, без продолжения, представить в канцелярию», с тем, чтобы она, рассмотрев эти ведомости в видах «уравнительного взимания сборов представила с своим мнением Святейшему Синоду.⁴³⁰

Изложенные предположения предначертывали, так сказать, общую программу для занятий и деятельности нового учреждения, в видах правильного заведывания церковными вотчинами, и в то же время обнаруживали усиленную заботу об устройстве церковных вотчин и поднятии в них экономии и материального благосостояния. Но поводу этого предложения Святейший Синод, занявшись обсуждением вопроса: «каковым образом учредить канцелярию синодальную экономического правления» для наиспособнейшего в той канцелярии деть отравления постановил: «хотя в оную канцелярию к управлению дел Московского Высокопетровского монастыря архимандрит Пахомий, да за советника синодальный секретарь Павел Протопопов и определены, но для удобнейшего в исправлении происходящих в той канцелярии дел успеха следовало к оным как из духовных, так и из светских присутствующих число персон прибавить, а колико, и кого именно, и какое кому жалование производить, о том иметь впредь рассуждение. А ныне в прибавок к означенным прежде определенным членам быть в той канцелярии асессору Данилова монастыря игумену

Товии и привести его к присяге по указу». Одоблив предположения обер-прокурора в остальных пунктах, с некоторыми, впрочем, с своей стороны пояснениями и дополнениями. Святейший Синод относительно учреждения экономов, внес свое определение, постановив для тех же целей, какие указаны в предложении, быть для разъездов по вотчинам экономии Тверской епархии Селижарова монастыря игумену – Никону, Софрониевской пустыни строителю иеромонаху – Сергию, Покровского монастыря, бывшему строителю иеромонаху – Феофилу, да Киево-Межигорского монастыря эконому монаху – Иоакиму, которых выслать в Москву в Святейший Синод немедленно, и по приезде привести к присяге, а ради жительства отвести в синодальном доме келью, а долг звания их быть имеет такой: «дабы они в пристойные времена в вотчины синодальные для надсмотрения отъезжали, расположив оные по частям, дабы каждый свои определенные вотчины и об оных попечительство особое иметь могли, каковым же образом им действительно в должности экономической поступать, учинить в оной канцелярии с пристойным о всем основанием и точным наставлением инструкцию, которую для апробации внести в Святейший Синод немедленно». К сему Синод в своем определении присовокупил: «когда назначенные экономы в Москву прибудут, и вступят в отправление своей должности, канцелярия имеет выбрать для определения к ним в помощники приказчиков из синодальных дворян, по одному человеку, а в случае довольно числа кандидатов, то и по два человека, людей, добрых и знающих обряды деревенские и приказные дела и о назначенных донести Святейшему Синоду».⁴³¹ Следует прибавить, что из назначенных на должность экономов строитель Сафрониевской пустыни, иеромонах Сергей был уволен за болезнью, а вместо Селижарова монастыря игумена – Никона определен Савино-Сторожевского монастыря иеромонах – Матфей, который с вышепоименованными двумя игуменами Феофилом и монахом Иоакимом вступил в отправление новой должности.⁴³²

В своих распоряжениях по устройству канцелярии синодальной экономической правления, Святейший Синод заметным образом обнаружил наклон к предпочтению духовного элемента перед светским, вопреки предложению синодального обер-прокурора. Тому же наклону Святейший Синод следовал и после. 16 октября 1745 г. канцелярия представляла Синоду об учреждении при канцелярии вместо третьего секретаря, должности казначея. Указывая на неудобство нахождения и хранения казенных денег в разных руках канцеляристов, канцелярия просила Синод как для наличной, так и имеющей поступать денежной суммы определить казначеем духовную персону, дабы в одних руках была сумма. Синод, уважив ходатайство канцелярии, назначил казначея, хотя и не из тех лиц, на которых указывала канцелярия, и определил ризничего синодального дома иеромонаха – Аврамия, некогда временно управлявшего казенным приказом, с тем, чтобы он и заседание имел в той канцелярии с прочими духовными персонами.⁴³³ Настоящее определение вызвало возражение со стороны тогдашнего обер-прокурора князя Шаховского, который и по данному случаю отстаивал значение светского элемента. В предложении от 16 января 1746 г. Шаховской писал: «Святейший Синод по представлению присутствующих в синодальной экономической канцелярии... которые, не показав надлежащих резонов, требуют об определении в эту экономическую канцелярию из духовных персов казначея, каковую должность сами они, яко присутствующие, исполнять по силе указов обязаны, определил, чтобы в той экономической канцелярии к принятию наличной и к содержанию впредь проходящей денежной казны быть казначеем синодального дома ризничему иеромонаху – Авраамии, которому и заседание иметь в той канцелярии с прочими духовными персонами; а понеже оному ризничему в той канцелярии казначеем быть, яко духовной персоне, к немалому его монашеской должности помешательству, за порученными ему другими делами, в которых он еще не сочтен (каковых, по силе указов из светских к другим делам определять не велено), весьма не приличию, да и не надлежит, ибо все канцелярские приходы и расходы

учрежденным по силе указов порядком и по ныне везде содержатся от определенных к тому особливых расходчиков, как и в той канцелярии чинимо было. Что же касается до сбережения казны, то оную по указу же 1736 г. за замками и печатями главных командиров и прочих членов всех, или избрав всей коллегией к тому одного, или двух содержать, а расходчику сто или двести рублей на мелочные расходы выдавать и особые о расходе ведомости, а о сумме счет иметь во всех местах без изъятия повелено. А хотя коллегия экономии, по Высочайшему Ее Императорского Величества указу и отставлена, вместо которой означенная экономическая канцелярия от Святейшего Синода учреждена; но все расходы с синодальных, архиерейских и монастырских вотчин и прочее, что было в ведомстве той коллегия, отданы в ведомство же и управление Святейшего Синода по прежнему. А прежде этого учреждения экономии, когда оные архиерейских домов и монастырей сборы с прочими домами под ведением Святейшего Синода состояли, то не токмо приходы и расходы, но и правление дел производилось через светских, определенных по указам присутствия членов, а из духовных персон никого при том не было, чего ради и ныне, как оному иеромонаху, так и никому из духовных персон в той канцелярии казначеем по вышеозначенным резонам не следует быть, а должно Святейшему Синоду оную экономическую канцелярию, не инако как на основании прежних порядков и указов утвержденных учредить, о чем я по должности моей еще в 1741 году Святейшему Синоду письменно предлагал, но токмо по оному, также и на то подчиненным Святейшим Синодом 1744 г. июля 23 и октября 12 определениям о том, коликому числу в той канцелярии для лучшего управления присутствующим быть и какое кому жалованье производить, распорядку и установочно учреждения и инструкции о поступке оной канцелярии не учинено». По выслушании настоящего предложения, Святейший Синод постановил: «учинить надлежащую выписку с привнесением указов из прежних синодальных определений и предложить к рассуждению». Требуемая выписка была составлена, но резолюции не последовало.⁴³⁴

Канцелярия синодальная экономического правления, открыв свои заседания, продолжала долгое время действовать в составе поименованных лиц, между которыми Высокопетровский архимандрит Пахомий занимал место первоприсутствующего, игумен Товия состоял ассессором канцелярии, а Протоколов был за советника. Из них прежде других и притом в 1758 г. выбыл архимандрит Пахомий, назначенный епископом Тамбовским. Место его занял архимандрит Савина монастыря – Иоанникий Павлуцкий, назначенный в 1761 г. епископом Воронежским. Место Иоанникия занял архимандрит Волоколамского Иосифовского монастыря – Геннадий Драницын, который вскоре был назначен епископом Суздальским. После него первоприсутствующим в канцелярии остался архимандрит – Никон Красовский, сменивший игумена – Варлаама Перервинского, бывшего преемником игумена Товии. Протопопов оставался за советника в канцелярии и при архимандрите Никоне. К ним из светских в 1761 г. привошел Алексей Воронкин, а в 1762 г. при архимандрите Никоне Красовском значится – Иван Киселев. Присутствовавшие в канцелярии духовные лица, в виду их обязанности быть в присутствии «по вся дни», при управлении порученных им дел, кроме воскресных и праздничных и высокоторжественных дней, были освобождены Святейшим Синодом от череды священнослужения с обязательством в те дни, когда в канцелярии бывает заседание, никуда не ездить служить, о чем было объявлено ключарям Успенского собора.

Состав канцелярии этого учреждения определен был сообразно с потребностями делопроизводства. По первоначальному определению Святейшего Синода, 26 ноября 1741 года, предположено «у исправления дел для нового учреждения экономов, и расположения к умножению в хлебных вотчинах пашен, а в оброчных – оброка, пока то учредится, быть в канцелярии секретарям трем, и когда впредь усмотрится, что в той канцелярии довольно будет быть только двум секретарям, тогда о том Святейшему Синоду рапортовать». Канцеляристам и подканцеляристам назначено быть по семи человек, и прочих членов, по мнению канцелярии. При этом к смотрению и

правлению порученных дел комиссарам указано для определения к ним в товарищи избрать монахов к тому способных. Определяя таким образом штат канцелярии, Синод относительно наполнения этого штата служащими, т. е. кому именно быть секретарями и прочими канцелярскими служителями в таком учреждении, предоставил рассудить о сем самой канцелярии, и, смотря «по достоинству и искусству» учинить разделение – кого оставить, а кого исключить. Контингент служащих, из коих подлежало канцелярии делать выбор, были приказные закрытой коллегии экономии. В исполнение такого поручения Синода, канцелярия синодальная экономического правления, 28 января 1715 г., донесла Святейшему Синоду, с приложением именного списка, что для канцелярии признано необходимым три секретаря до времени, семь канцеляристов, семь подканцеляристов в том числе один канцелярист, восемнадцать копиистов, комиссаров три, из них один при госпитале, другой на синодальном житном дворе, третий у богадельни, при каждом из них по одному монаху, капралов два, солдат двадцать, сторожей три. Надо заметить, что не весь состав чинов, бывших на лицо в канцелярии коллегии экономии был оставлен: напротив, один секретарь, три канцеляриста, один подканцелярист и семь копиистов оказались излишними и были предназначены к отсылке в герольдмейстерскую контору для определения в другие учреждения. Святейший Синод согласился и утвердил предположения канцелярии об отсылке излишних.⁴³⁵

Канцелярия синодальная экономического правления в ряду учреждений занимала положение непосредственно подчиненного Святейшему Синоду учреждения. Указом императора Петра Великого, от 28 июня 1723 г., было повелено, чтобы в канцелярии, которые имеют особое правление и токмо под одной сенатской дирекцией состоят, а коллегиям не подчинены, в такие канцелярии из коллегий, а также и из канцелярий в коллегии писать промемориями; в те же канцелярии и конторы, которые подчинены коллегиям, посылать из коллегий указы, а из канцелярий в коллегии посылать доношения. На основании этого указа, Святейший Синод,

приняв во внимание, что канцелярия синодальная экономического правления никакой коллегии не подчинена, а состоит «токмо под одной Святейшего Синода дирекцией» и что Святейший Синод имеет равенство с Правительствующим Сенатом, распорядился объявить, что губернские и воеводские канцелярии должны принимать указы, посылаемые им из канцелярии синодальной экономического правления.⁴³⁶ По такому изъяснению Святейшего Синода рассматриваемая канцелярия должна была занимать высшее относительно епархиальных учреждений положение. Святейший Синод специально разъяснил, что в Московскую духовную консисторию канцелярия должна писать указы, а консистория сноситься с канцелярией доношениями.⁴³⁷

Забываясь о всестороннем устройстве канцелярии экономического правления, Святейший Синод не оставил без внимания и её вспомогательных органов. Учреждение при канцелярии должности экономов клонилось к тому, чтобы создать постоянных органов для надзора и, так сказать, ревизии за благосостоянием, хозяйством и экономией в вотчинах. Ближайшими помощниками экономов в этом отношении были жившие в вотчинах управители. Тем и другим были даны от Святейшего Синода инструкции, проекты которых были составлены и предложены на рассмотрение Святейшего Синода тогдашним обер-прокурором князем Шаховским. Утверждая эти инструкции «для действительного со стороны экономов и управителей исполнения», Святейший Синод распорядился преподать канцелярии руководственные указания относительно деятельности тех и других, Синод постановил. чтобы каждому эконому было выдаваемо жалованья по сто рублей, а для разъездов по вотчинам по шести лошадей «с принадлежащим убором и фуражом», для услуг каждому по три человека из синодальных служителей, для письма по одному копиисту; пищей и прочим содержанием во время разъездов экономы должны быть довольствуемы от вотчин; в случае нужды при разъездах в солдатах, последних надлежало требовать от канцелярии, но без излишества. Относительно вотчинных управителей Синод поручил канцелярии, собрав обстоятельные

сведения о личности и прежней деятельности бывших при этих занятиях лиц, достойных и прилежно тщательных из них оставить в прежних должностях, а негодных и неспособных отрешить, представив об них Святейшему Синоду с мнением, куда оные отрешенные могут быть с пользой употреблены; на место отрешенных выбрать новых из синодальных дворян, или из других людей «добрых и безподозрительных, и все вотчинное поведение знающих». Оставленные и вновь назначенные управители должны были находиться в надлежащем послушании экономам, а канцеляриям в свою очередь обязывалась «иметь наблюдательство» как над экономами, так и управителями, чтобы те и другие поручения им должности исправляли по инструкциям и по дополнительным к ним указам. Синод обязывал канцелярию, при вручении экономам и управителям инструкции, взять от них надлежащие подписки в неуклонном исполнении предписанного, а при отправлении на должность точно указать место их деятельности и назначенные их надзору и управлению вотчины. При этом Синод разъяснил, что денежное и хлебное содержание вотчинным управителям, равно и домашнее обзаведение их скотом, птицами, людьми должны быть соображены с «состоянием каждой персоны и с обширностью вотчины, в которой кто будет управителем».

На основании преподанных указаний, канцелярия с своей стороны, снабжая экономов «реестрами» синодальных и долговых монастырей вотчин, куда они должны наезжать, списком состоявших в этих вотчинах управителей, требовала, чтобы экономы на свои поездки по вотчинам употребляла столько времени, сколько нужно, и свои посещения вотчин располагали так, чтобы в одной местности быть во время посевов, в другой – уборки хлеба и вообще руководиться правилом быть там, где было нужнее и полезнее по обстоятельствам вотчинного хозяйства. При посещении вотчин экономы, руководствуясь инструкцией, прежде всего обязывались «иметь неослабное наблюдательство» над управителями – все ли они, согласно данной им инструкции, исполняют свои обязанности «прилежно, тщательно и рачительно» с целью приумножения казенной прибыли. Взяв от

управителя приемную опись вотчинного инвентаря и хозяйства, экононы должны были проверить, все ли находится налицо и в должном порядке, на случай же оказавшейся утраты, взыскивать и отнюдь не оставлять без наказания виновных. В каждой вотчине, по своему приезду, экононы должны были собирать всех наличных крестьян на сход и «по сущей справедливости спрашивать праведно и истинно» по всем ли возникающим между крестьянами делам управители чинят «расправу», не взимают ли с крестьян вымышленных поборов и не делают ли им по своим частным делам притеснения, не употребляют ли на свои частные работы. В случае в сем отношении жалобы на управителей, экононы обязаны были удовлетворять обиженных взысканиями с управителей, о которых доносить канцелярии с обстоятельным всех противных поступков изъяснением». На тот случай, чтобы крестьяне из угождения к управителю, или из опасения с его стороны «нападок» не стали скрывать чего-либо предосудительного, а еще более защищать и оправдывать, инструкция обязывала экономов брать от старост, десятских и лучших крестьян «для лучшего вероятия» в этом подписки, за рукой приходских священников, предваряя, что «ежели учинено и неправильно о них показано что будет, за то жестоко наказаны быть имеют». Обращая внимание на то, как уплачиваются крестьянами подушные подати и прочие сборы, сполна ли и в указанные ли места, не укрывается ли в вотчинах беглых от царской службы и других пришлых людей, экононы должны были, в случае возникновения судебных дел у крестьян с помещиками, предостерегать, чтобы от возбуждения подобных дел, по настояниям управителей, крестьянам не потерпеть каких-либо убытков; в делах же правых давать управителям надлежащие наставления для ведения подобных дел; в сомнительных в недоуменных случаях испрашивать указаний от канцелярии. К обязанностям экономов относилось иметь наблюдение за тем, чтобы находящиеся в вотчинах церкви были содержимы в чистоте, а собираемые в этих церквях доходы употреблялись на исправление церковных ветхостей и на удовлетворение других по церкви нужд. При этом надзирать, чтобы священно-церковно-

служители «при беспорочном и добродетельном житии» прилежали наставлению крестьян в доброй жизни. Вместе с этим экононы должны были внушать и управителям, и крестьянам, чтобы они были почтительны к священникам и вообще церковному причту; в случае же неуважения подвергать тех и других штрафам и взысканиям; при жалобах же на священников и других служителей церкви за их небрежность и нерадение, исследовав достоверно основательность этих жалоб, писать о виновных их пластом и епархиальным архиереям. Экононы должны были прилагать попечение об устройстве при церквях, где удобно, приютов на подобие богаделен для призрения и пропитания больных, дряхлых и увечных. Экононы должны были поверять действия управителей в тех случаях, когда они по предоставленному им нраву, в видах поддержания крестьян от разорения и совершенной нищеты, отдавали ленивых и беспечных в услужение другим для заработка; буде же сами управители с подобными заявлениями обращались к экономам, последние о своих распоряжениях писали канцелярии. Вообще инструкция экономов обязывала их по преимуществу следить и контролировать действия вотчинных управителей, которые были предоставлены им инструкцией по заведыванию и управлению вотчинами, их благосостоянием и хозяйством. Заключительный пункт инструкции эконому, резюмируя его обязанности, гласил: «понеже в оную экономическую должность Святейшим Синодом избран и определен ты, для порядочного учреждения и уравнительного в вотчинах ведомства твоего всяких доходов и потребных работ расположения и для надсмотрения над управителями и тех вотчинах старостами и крестьянами, чтобы все исправно по данным инструкциям и по присылаемым указам в тех вотчинах исполняемо было, и всякие непорядки впредь и убытки добрым твоим смотрением отвращены и исправлены были. И для того надлежит тебе, памятуя суд Божий, и свою присягу во всем по должности твоей поступать верно, нелепостно, без всякого пристрастия и лакомства. А для исправления в должности твоей, чтобы остановки не происходило, определить к тебе из синодальных дворян (такой-

то), которого ты должен в принадлежащие по его в обрядах и поведеньях деревенских и приказных делах знаемости для такого же надсмотрения, куда самому за чем отъехать будет неудобно, употреблять с довольным всего принадлежащего от себя доставлением. Сверх же того приказных служителей для письма определены тебе (такие-то): того ради в оном порученном деле и поступать верно и нелепостью и во одном токмо обращался прилежно тщательном и ревностном попечении, какового разные случаи к лучшему доброго распорядка учреждения требовать будут, без всякого послабления и пристрастия, дабы вместо ожидаемой от тебя в приобретении доброго к размножению капитала плода и вотчинного во всяких исправлениях распорядка паче чаяния через леность, небрежение, виновен через взятки, прикрытие обидчиков, неудовольствие и прочие охуджающие доброе имя худых и бесполезных следствий от тебя не могло последовать». Побуждая к доброму и предостерегая от худого, инструкция здесь же обещала экономам, что они за свои труды по устройству вотчин не будут оставлены без награды в виде повышения в духовном сане или другим образом, а в случае небрежения не избегнут наказания.

Предложивший Синоду проект означенной инструкции синодальный обер-прокурор князь Шаховской продолжал и следить за деятельностью экономов, чтобы видеть проистекавшие от этой деятельности вред или пользу. С этой целью Шаховской к бывшему за советника в канцелярии Павлу Протопопову обращался письменно с просьбой о сообщении ему относящихся к этому предмету сведений. В первый же год деятельности экономов Шаховской просил Протопопова «для собственного его известия уведомить, есть ли какой добрый успех и приращение в экономии от экономов по деревням синодальным ездящим, или ничего». На эту просьбу Протопопов, сообщив экстракт из донесений эконома игумена Феофила о принятии по ведомости управителем, как то требовалось инструкцией, в порученных ему вотчинах имущества, присовокуплял, что время покажет, какая может быть польза и приращение экономии. 18 ноября того же 1745 г.

Шаховской вновь просил Протопопова «партикулярно для собственного его знания уведомить, есть ли каковое от посланных экономов по силе данных им инструкций к приращению казенного капитала действие и оные в Москву возвратились ли и от кого каковые рапорты есть, прислать короткий о том экстракт». На это Протопопов уведомлял обер-прокурора: «экономы все трое возвратились в Москву и к приращению казенного капитала не без пользы»; экстрактов из доношений других экономов Протопопов на сей раз не представил, с одной стороны за множеством этих доношений, с другой, за малолюдством подьячих. Обещанные экстракты из донесений экономов Протопопов представил обер-прокурору при письме, от 11-го марта 1746 г. В этих экстрактах показаны прибыли хлеба и денег против ведомостей управителей по разным вотчинам. Независимо от этого к обер-прокурорским делам из канцелярии синодальной экономического правления были представлены полученные оной канцелярией ведомости о произведенной экономами переоброчке в разных вотчинах оброчных статей с показанием по ведомости самой прибыли.⁴³⁸ Вообще деятельность экономов оказалась не бесплодной в деле приращения казенного интереса.

Ближайшее и всестороннее улучшение хозяйства и благосостояния церковных вотчин зависело от управителей. Инструкция прежде всего предписывала управителям, по прибытии в вотчину, принять от прежнего управителя при старосте и других выборных и лучших крестьянах, все вотчинное имущество: хлеб, скот, лошадей и все прочее и описав все в подробности, составленную ведомость представить эконому, когда тот прибудет в вотчину. Управляя порученной вотчиной, управитель должен был иметь «неленостное и неослабное смотрение» над крестьянами, чтобы они своевременно и без недоимок вносили положенные с них подати и всякие сборы, чтобы крестьяне не скрывали беглых от службы царской и других пришлых людей, а в случае появления подобных личностей убеждать крестьян препровождать их в гражданский суд; для надежного в этом случае наблюдения, инструкция предоставляла управителю избрать особливых

десятских из добрых людей, чтобы каждый в своей деревне накрепко смотрел, дабы никто пришлых людей не принимал. Инструкция требовала от управителя наблюдать, чтобы крестьяне его волости на долгое время не удалялись из места жительства и особенно самовольно без паспортов, не заводили знакомств с людьми подозрительными, обязательно бывать на крестьянских сходах, оберегая тишину и порядок, в случае обнаружения виновных в воровстве, разбое, смертоубийстве, таковых, подробно допросив, препровождать в город, но у себя не держать. Управители обязаны были наблюдать, чтобы крестьяне как между собой, так и с соседями не заводили никаких споров о земле и не причиняли посторонним никаких обид: в случае споров крестьян с помещиками управители обязаны были тщательно вникать, чтобы возбуждение подобных споров не причинило убытков крестьянам, для этого управители обязаны были испрашивать советов и указаний от экономов; в случае возникновения жалоб и несогласий между крестьянами, управители должны были рассматривать оные правдиво, подвергая виновных взысканию без пристрастия; для предупреждения нареканий управитель к разбирательству крестьянских несогласий должен был в свободное от работ время приглашать добрых людей и в присутствии их производить разбирательство, приглашая и священников для вразумления ссорящихся. К обязанностям управителей относилось и то, чтобы смотреть за благосостоянием церквей, находящихся в вотчинах и заботиться об их благоустройстве и снабжения всем необходимым. Наблюдение свое они должны были простирать и на священнослужителей, чтобы те прилежали учительству, заботились об искоренении расколов, благоговейно и ревностно исправляли божественную службу и церковные требы для прихожан. Вместе с этим управители и сами должны были оказывать и крестьян располагать выражать послушание и уважение пастырям, в случае же неблаговидных со стороны последних поступков доводить до сведения духовных властей при посредстве экономов. Управители, во исполнение христианской заповеди о милостыне, должны были заботиться об оказании призрения и помощи дряхлым, больным

и увечным, для этого стараться заводить и устроить приюты и богадельни для призрения в них на добровольные приношения тех им принадлежащих к волости бедных, которые ни сами собой, ни от своих родственников не могут иметь необходимого призрения и пропитания, об успехах этого дела они должны были доводить до сведения экономов и канцелярии. Прилагая попечение о призрении больных, дряхлых и увечных, управители должны были заботиться об улучшении состояния и положения бедных крестьян, по каким-либо случайным обстоятельствам подпавших, несчастно, лишаящему их возможности уплачивать причитающиеся с них сборы и пошлины; для помощи таковым управители должны были располагать других, убеждая их с общего согласия оказывать пособие. Оказывающихся несостоятельными в платеже сборов и пошлин по лености, беспечности и от других причин предписывалось отдавать в работники односельчанам, при невозможности этого – домохозяевам соседних деревень и волостей, причем требовалось, чтобы сельчане брали к себе в услужение работников из своих вотчин и только при недостатке таковых из посторонних. При сдаче рекрут управители должны были наблюдать, чтобы вотчины с общего согласия поставляли рекрут и за общей порукой, при том так, чтобы в этих случаях не было притеснений со стороны богатых и сильных беззащитным и бедным. При заключении браков следовать правилу, чтобы браки заключались между членами одной и той же вотчины, при отступлении от этого правила и вообще при заключении браков между лицами разных вотчин требовать, чтобы при выходе в замужество вдов в другие вотчины, малолетние их дети от прежних браков следовали за ними в другие вотчины и оставались при них до совершеннолетия; по достижении последнего возрастные дети должны были возвратиться в ту вотчину, к которой принадлежали по рождению! Возрастным детям вообще не полагалось жить без дела, требовалось поправлять их к труду. Обращая внимание управителей на экономическую, материальную и бытовую сторону вотчин, инструкция в то же время подробно разъясняла их обязанности относительно наблюдения за возделыванием и убиранием

полей, собиранием и посевом хлеба, уборкой сенных покосов и т. п. Главное внимание их в этом отношении должно быть обращено на то, чтобы не было принесено какого бы то ни было убытка и урона казенному интересу. В этом отношении управитель должен был наблюдать и смотреть, чтобы казенные покосы и луга обрабатывались и убирались крестьянами прежде отведенных на их долю, при этом, однако, действовало правило, по которому крестьяне, миром исправив половину казенной работы, получали на несколько дней свободу для обработки и уборки своих полей. Вообще рассматривая инструкцию управителям, нельзя не заметить, что она, подчиняя церковные вотчины их надзору и наблюдению с разных сторон, налагала на управителей обязанность печься о материальном и нравственном, бытовом и экономическом благосостоянии церковных вотчин. В этом выражалась забота Духовного правительства об улучшении положения церковных вотчин и поднятии благосостояния крестьян. То и другое нужно было в политических целях, в видах извлечения возможно большей пользы от благоустроенных имений. По крайней мере главным из мотивов к возвращению церковных вотчин в ведомство Синода и духовных властей было намерение достигнуть ожидаемых результатов всестороннего улучшения духовных имений.

Нам не стоит надобности исследовать данный вопрос в его частностях, необходимо, однако, выяснить, какая судьба постигла это учреждение, которое было поставлено во главе ближайшего заведывания и управления церковными вотчинами. Канцелярии синодального экономического правления, по первоначальному её учреждению, предполагалось дать инструкцию, которая определяла бы круг и порядок её действий. По некоторым указаниям подобная инструкция была составлена «для апробации»; но была ли одобрена остается не уясненным. Во всяком случае канцелярия, открыв свою деятельность, продолжала ее в одинаковом направлении. Ближайшему заведыванию канцелярии были поручены синодальный дом с находившимися в нем учреждениями, синодальные вотчины и вотчины домовых, т. о. приписных к синодальному дому

монастырей, которые находились в разных по тогдашнему распределению епархиях. В отношении к этим монастырям Синод 17 ноября 1759 г. сделал важное распоряжение в том отношении, что предоставил их ведению местных епархиальных архиереев относительно «церковного благочиния и исправного, яко же подобает, властительного и монашеского жития и до прочего необходимо надобного порядка». При этом Синод оговорил, что епархиальные архиереи не должны поступаться в вотчинное правление и входить в заведывание крестьянами и в подлежащие с них до экономической канцелярии сборы, а также суд и расправу. Подобное как бы размежевание монастырского ведомства не могло обещать благих последствий. Синод вскоре усмотрел неудобства такого порядка заведывания, выразившиеся к тому, что крестьяне пришли «в толикое своеволие и бесстрашие, что и самодолжнейших определенных уже от экономической канцелярии работ и изделий монастырских исправлять не хотят», при этом «не имея над собой достодолжного присмотра и наблюдательства, могущие скуднейших разоряют и не в состоянии друг друга разными сплетнями и беспокойствами приводят, вследствие этого премногие и по миру бесчинно шатаются, часто же по воеводским канцеляриям, без защиты и представительства об них подобающего, волочатся напрасно и весьма убыточатся». В виду приведенных и других соображений, Святейший Синод, 4 августа 1753 г., распорядился подчинить вотчинных крестьян монастырским начальствам. Настоящее распоряжение, касавшееся синодальных вотчин, как бы было подготовительным к общему по тому же предмету и в том же духе синодальному распоряжению. Дело в том, что Святейший Синод приняв в соображение, что из производящихся в Синоде дел по челобитным и доношениям архиерейских домовых и ставропигиальных и епархиальных монастырей за определенных вотчин крестьян оказывается, что упомянутые крестьяне по одному тому, что определенные с означенных вотчин разные сборы и пошлины собирались прежде в бывший монастырский приказ, а потом в бывшие же синодальную камер-контору и в коллегия экономию, а ныне в канцелярию

синодальную экономического правления, возмечтали о себе, аки бы они своим уже преосвященным архиереям и монастырским властям не подчинены и не ведомы, и будто им до них никакого дела нет; по восприятому своему бесстрастию, своевольству же и дерзновению в некоторых местах оным своим преосвященным архиереям и монастырским властям и подчиненным их во всем явно чинятся весьма непослушны и противны и по нарядам от домов архиерейских и монастырей своих с прочими своей братией тех домов и монастырей вотчин крестьянами надлежащих работ и других изделий исправлять не хотят и отрицаются, и таким образом по немалой части сами себя разоряют и в несостояние приводят, а ежели власти их по должности своей и пресечению таковых их противностей и своевольств и непорядков по справедливости к лучшему и порядочному их же крестьян содержанию чем хотя мало до них коснутся, по крайней своей дерзостью на оных своих властей и на подчиненных их затейно челобитствуют не токмо в Святейшем Правительствующем Синоде, но и в светских правительствах недельно и на то собирают немалые с себя сборы и расточают всуе, а некоторые из них по всекрайнейшей своей предерзости и саму Ее Императорского Величества Высочайшую персону своими прошениями в противность многих опубликованных Ее Императорского Величества запретительных указов утруждают, весьма бесстрашно и бессовестно». На основании изложенных соображений и в предупреждение указанных настроений, Синод распорядился, чтобы «оных до ныне называемых заопределенных архиерейских и монастырских вотчин крестьян заопределенными не именовать и им самим себя так не называть, а быть им всем всяким правлением и нарядами в полном ведомстве и непрекословном послушании архиерейском у своих преосвященных архиереев, монастырским же у своих монастырских настоятелей и прочих властей равномерно и общительно, так как и других тех архиерейских домов вотчинные крестьяне находятся без всякого отрицания и надлежащие по нарядам от домов архиерейских и монастырей всякие работы изделья повсегда отправлять без всякого прекословия неотложно под опасением

за всякое преслушание от тех своих властей неупустительного наихудшего наказания и штрафования по указам». При этом Синод постановил, чтобы положенные с крестьян бывших заопределенных вотчин в канцелярию синодальную экономического правления сборы и в казну пошлины, деньгами, хлебом и прочее, были собираемы «сполна и неупускно» с архиерейских вотчин в дома архиерейские, с монастырских в монастыри и затем присылаемы в упомянутую канцелярию при доношениях. В случае же недовоза от какого-либо учреждения надлежащих доходов, канцелярия обязывалась писать о том «по команде» в архиерейские духовные консистории и самим архиереям, не посылая от себя нарочных в те вотчины, из которых не доставлены ожидаемые сборы.⁴³⁹

По приведении настоящего распоряжения в исполнение все церковные вотчины без выделения из них «заопределенных» по взысканию с них установленных сборов, суду и расправе, словом по заведыванию и управлению должны были поступить в полное ведомство духовных властей. Настоящим распоряжением Святейший Синод имел в виду устранить и предупредить возможность ослушания со стороны крестьян заопределенных вотчин, которые, как бы отвыкнув от мысли о зависимости их от духовных властей, позволяли себе оказывать разного рода непослушание. Искоренение наследованной привычки могло последовать не вдруг и не без усилий со стороны духовных властей и их агентов по приведению в исполнение властительских требований. Отсюда выдвигалась другая сторона нежелательных и предосудительных явлений. Крестьяне обнаруживали тайное и явное неповиновение посланным духовных властей, видели в их действиях обиды и притеснения, а потому позволяли себе открытые возмущения и бунты, которые приходилось усмирять и прекращать вооруженной силой.⁴⁴⁰ Подобные явления должны были крайне озабочивать правительство Елизаветы Петровны и приводить к мысли, что все предпринимавшиеся распоряжения к устройству быта крестьян церковных вотчин не приносили желательных результатов. Бывший обер-прокурор князь Шаховской принимает на себя ответственность свидетельствовать, что с

переходом под ведение духовных властей церковных имений, хотя и имелось в виду правильным размежеванием земля и раскладкой податей улучшить быт крестьян для государственной пользы, тем не менее в действительности это осталось невыполненным. «Удостоверительно познал, замечает Шаховской, что по большей части властители с тех деревень более себе получают, а не в казну умножать доходы желают».⁴⁴¹

Таким образом с разных сторон виднелись поводы к тому, чтобы вопрос о заведывании церковными имениями возник с новой силой и для нового обсуждения. И действительно вопрос этот, по инициативе самой Государыни, на учрежденной при дворе конференции 30 сентября 1757 г. был подвергнут тщательному обсуждению. Последствием этого 6 октября явился именной указ, коим в видах нового устройства управления архиерейских и монастырских имений повелевалось:

1) чтобы помянутые деревни управляемы были не монастырскими служками, но из отставных штаб и обер-офицеров;

2) помянутые деревни переложить все в помещичьи оклады;

3) сей новый доход собирать весь на монастырь;

4) при этом смотреть, чтобы из того не было больше употреблено в расход, как только что по штатам положено, а остальное везде хранимо было особливо и не на что без именного Ее Императорского Величества указа неупотребляемой суммой, так чтобы всегда Ее Императорское Величество, ведая о числе оной, могла из того раздавать на строение монастырей;

5) понеже при монастырях определено содержать отставных, а оных уже несколько лет они не содержали, то за все годы, сколько не содержали, взять с тех монастырей те порции деньгами, которые бы они теми годами на положенное число выдать имели, и впредь оные брать погодно на положенное число;

6) собираемыми за прошедшие годы деньгами учредить инвалидные дома, а остальное в банк отдать, дабы процентами

и ежегодными с монастырей порциями будущих в них отставных содержать.⁴⁴²

В редакции, в коей настоящий указ был объявлен Святейшему Синоду, мотивы этого Высочайшего повеления изъяснены таким образом «Ее Императорское Величество по всегдашней своей набожности и благоговению, имея потому попечение, дабы духовный чин не был отягощаем мирскими попечениями, паче же освобожденные всегда имели мысли прилежать своему званию, в которое вступая отвергается сея временные жизни, дабы пасти токмо духовно свою и вверяемые пастве его души. А при том и монаршее имея призрение, равное ко всем своим верным подданным, в 30 минувшего сентября присутствовав Высочайшей своей особой в конференции, рассудить изволила, что монастыри, не смея власти употреблять свои доходы иначе, как только на положенные штатом расходы, имея только напрасное в том отягощение, что должны стараться о собирании оных о хранении остальных, рассылают для того монашествующих часто и по таким местам, где за неимением церквей и служба Божия прямо отправляема быть не может. И потому, чтобы и монастыри с большим удовольствием доходы свои с деревень получали и монашествующие от всяческих мирских попечений свободны были указали мы и т.п.⁴⁴³ При объявлении этого указа Святейшему Синоду повелено было «наискорее в учрежденную при дворе конференцию подать:

- 1) штаты всех монастырей и архиерейских домов;
- 2) ведомости об их доходах с деревень и
- 3) ведомость по сколько при каком монастыре положено содержать отставных.

В исполнение предъявленных требований Синод 21 Генваря 1758 г. подал в конференцию выписку со справками по означенным вопросам. Из этих справок оказалось, что формальных штатов ни монастырям ни архиерейским домам, кроме только одного Новгородского архиерейского дома, которому начертан штат в 1740 г.⁴⁴⁴, в утверждении по ныне не было и действительно их нет. Монастыри продолжают содержаться на том положении, какое для них было определено

указами Петра по представлению графа Мусина-Пушкина при распределении им монастырских вотчин «на заопределенные», доходы с коих назначались на государственные потребности, и «определенные» на содержание монастырей. Ведомости о количестве доходов, получаемых с деревень, по требованию Высочайшего указа от 1 октября 1748 г., представлены при всеподданнейшем докладе Синода от 14 августа 1754 г. Ведомостей о числе отставных штаб, обер и унтер-офицерах и рядовых, сколько их при каждом монастыре содержалось, составить невозможно, с одной стороны потому, что «ни учреждения, ни установления, ни государственных установлений и указов» не было о том, по сколько именно при котором монастыре таковых содержать, присылались отставные для помещения в монастыри по распоряжениям Правительствующего Сената, из военной коллегии, а по делам тайной канцелярии в «безумстве бывающие разных чинов люди». Все они беспрепятственно и распределялись по монастырям; на содержание их исходила весьма немалая сумма. От помещения означенных лиц освобождены были малороссийские монастыри и два великороссийских: Троицко-Сергиева лавра с 1744 г. и Александро-Невский монастырь, в котором на таковое содержание суммы не положено. Представляя об этом конференции, Синод в заключение своего доклада присовокуплял, что он принимает на себя обязанность доставить Правительствующему Сенату все необходимые справки для приведения объявленного указа в исполнение, но при этом «не уповает, чтобы Правительствующий Сенат к вышепоказанному исполнению «без сношения и согласия Святейшего Синода приступить изволил», понеже и наперед этого... таковые установочные учреждения... не иначе как токмо с общего Синода и Сената согласия приводилось.⁴⁴⁵ Синод требовал и ожидал конференции с Сенатом для обсуждения мероприятий по приведению особого объявленного каждому из них указа в исполнение. Конференция по этому предмету состоялась 21 июля 1760 г., но она не сопровождалась результатом обоюдного соглашения между Синодом и Сенатом.

Синодальные члены предложили и отстаивали на этой конференции свое мнение. Они полагали:

1) если определить к управлению и сбору доходов в архиерейские и монастырские деревни офицеров, то от них последует наибольшее деревням разорение, и от того между офицерами и монастырскими властями будут всегдашние беспокойства и затруднения, как то и было, когда деревни ведались в монастырском приказе, почему в 1720 г. Петр Великий обратно отдал их в монастыри;

2) за прошлые годы на учреждение инвалидных домов и содержание отставных взыскать денег нельзя, потому что не было никакого расположения на все монастыри, поскольку где содержать отставных, а всегда и ежегодно присылаемые на пропитание в монастыри отставные принимались, и от монастырей были довольствовались и довольствуются и сверх того отсылаются некоторые доходы в экономию на указные расходы, известий же о всех собираемых доходах и сделанных расходах, за неимением ведомостей и записок, отыскать нельзя, если же производить счет и следствие, то настоящие власти за умерших ответа дать не могут;

3) содержащиеся при монастырях отставные жалуются на монастырские власти, а власти на отставных в излишних требованиях и неумеренных поступках, и всего этого, по заочности и отдаленности, епархиальным архиереям усмотреть и отвратить нельзя.

В устранение этого Святейший Синод полагал, чтобы отставных при монастырях вовсе не содержать, а вместо того положить всех архиерейских и монастырских крестьян в помещичьи оклады и из этих денег Святейший Синод будет отпускать ежегодно по 30 000 рублей, да сверх того в экономию на указные расходы, как то на Синод, палестинские дачи, содержание богаделен, госпитали и проч. до 60 000 рублей, наконец с вотчинных памятей и из типографских доходов Святейший Синод будет дополнять, чтобы означенной суммы на те расходы доставало, а вотчинам быть в управлении архиерейских домов и монастырей по прежнему с обязанностью содержать архиерейские дома с семинариями и в монастырях

поддерживать все тамошние постройки». Выразив настоящее мнение, Синод заключил: если же всего вышеописанного Ее Императорское Величество в апробацию принять не соизволит, и какое Высочайшее повеление последует, потому Святейший Синод непременно исполнять имеет. Настоящее мнение Святейшего Синода не совпадало с требованиями именного указа. Поэтому 6 октября того же 1760 г. собиралась новая конференция у Синода с Сенатом, генерал-прокурор которого, бывший прежде обер-прокурор Святейшего Синода, князь Шаховской предлагал конференции учинить точное исполнение именного указа, изыскав для этого ближайшие средства. Бывшие на конференции синодальные члены и на сей раз остались при прежнем своем мнении.⁴⁴⁶ Вследствие этого возбужденный вопрос, оставшись открытым, перешел в последующее царствование. Озабочиваясь скорейшим разрешением настоящего вопроса, Сенат положил иметь с Синодом конференцию, приняв в основание соглашения разделение сборов с монастырских крестьян таким образом, чтобы они платили 50 коп. в казну и 50 коп. в архиерейские дома и монастыри, которым принадлежали. Предположенная на основании означенного соглашения конференция не состоялась. Император Петр III, сам 17 января 1762 г. присутствуя в Сенате, повелел быть этой конференции, но затем именным указом 16 февраля 1762 г. отменив ее, повелел Сенату «навскорее к точному и прямому содержанию высочайшего указа учинить надлежащие распоряжения».⁴⁴⁷ Сенат с своей стороны проектировал несколько предположений, которые, по его мысли содействовали к полному осуществлению предначертаний Елизаветы Петровны об управлении церковных имений.⁴⁴⁸ Предположения Сената с относящимися к ним постановлениями были объявлены во всеобщее сведение в именном указе 21 марта 1762 г. По этому указу «для управления всех синодальных, архиерейских и монастырских вотчин была образована под ведением Сената коллегия экономии в Москве, а в С.-Петербурге контора от нее; причем светские служители канцелярии синодальной экономического правления были определены в учрежденную коллегия экономии, президентом

которой назначался сенатор – князь Василий Оболенский. В силу того же указа повелевалось: для управления и смотрения над церковными вотчинами и для защищения их крестьян от всяких обид назначать в каждую губернию и провинцию по одному штаб-офицеру, а в приписные города, где те вотчины не малым числом состоят, по одному обер-офицеру; прежних же не только из монашествующих и прочих духовных персон, а из монастырских служен управителями не посылать и не допускать, отрешив всех тех, кои при подобных поручениях состояли. При этом постановлено со всех крестьян сверх подушного семигривенного оклада взимать с каждой души по рублю, начав этот сбор со второй половины 1762 г. С этой целью положено пашенную в вотчинах землю, которую крестьяне на архиереев, монастыри и соборы пахали, отдать им, прочую же землю, которой крестьяне и прежде не довольствовались, отдать желающим в оброк, собираемые оброчные и прочих сборов деньги доставлять в коллегия экономии, которая из собранных денег должна производить во все монастыри на содержание властей и монашествующих по штату 22 мая 1724 г. притом так, чтобы ни на один из монастырей не приходилось расходов более получаемого с его вотчин дохода; с малопашенными монастырями назначено поступать по указу 30 декабря 1701 г. (т. е. отдать самим монастырям в их распоряжение все их угодья). Духовным властям назначено было содержание по определенной норме. Сбор с венечных памятней отнесен к ведомству коллегии экономии, с изъятием оного из синодального ведения.⁴⁴⁹

Прежде чем означенные предначертания возымели полное свое применение, они были уже отменены в наступившее царствование. Екатерина II, по вступлении своем на престол, (28 июня 1762 г.), прознав распоряжения предшествующего царствования относительно отнятия из ведомства чина Духовного деревень и прочих имений действиями учиненными «без всякого предыдущего порядка и рассмотрения» повелела все движимые и недвижимые церковные имения, впредь до начертания всего Духовного штата в предполагавшейся к учреждению особой коллегии из духовных в светских персон,

отдать духовным властям в управление для благопристойного Духовного чина содержания, при этом открытая коллегия экономии была закрыта, посылавшиеся от нее для управления церковных вотчин офицеры отставлены.⁴⁵⁰ С упразднением коллегии экономии, для сборов надлежащих с синодальных и заопределенных вотчин доходов «для лучшего тех соблюдения и для прочих в оной бывших дел производства» повелено неотменно продолжать деятельность бывшей под ведением Святейшего Синода канцелярии синодального экономического правления, до того времени, пока для штатов Духовного чина комиссия надлежащее производство и исполнение учинит». В эту канцелярию, по прежнему порядку, наряду с духовными лицами, назначено присутствовать из светских в должности советника, советнику коллегии – Ивану Киселеву, а в должности прокурора прокурору главного магистрата – Алексею Дубенскому.⁴⁵¹ Существование и деятельность канцелярии продолжались недолго, 29 ноября 1762 г. была учреждена комиссия о церковных имениях,⁴⁵² а 12 мая 1763 г. последовал именной указ об открытии нового учреждения, изменивших заведывание церковными вотчинами.

6. Коллегия экономии духовных имений

Высочайше учрежденной 29 ноября 1762 года комиссии о церковных имениях, между прочими поручениями, указано размыслить не будет ли признано необходимым «для сборов и расходов церковных установить главную духовную экономическую коллегию под дирекцией двух или трех знатных людей, которая бы во всем государстве ведала, где, какие и к какому архиерейскому дому, монастырю или собору, принадлежат деревни, какие в них угодья, оклады, сборы и доходы, и каким образом отправляется в них экономия. Ежели такого места не будет, которое бы, содержа у себя все новые учреждения доходов и приходов, могло остальные деньги под свое собирать ведомство, и в издержанных счетах производить, то и места не будет, в которое отчет обо всем отдавать духовенство должно. Сверх того, и некому будет наблюдать, все ли так отправляется, как, где и чему быть определено. Коллегия надсмотр и взыскание будет делать учрежденными промыслами и заводами, к которому месту сие сведение экономии относиться будет, и вся штатная и сверхштатная сумма собираться. Та же самая коллегия дозволять будет и на то деньги выдавать, что к заведению какой-либо новой экономии или нового промысла потребно.⁴⁵³ В приведенных предначертаниях предуказывались потребность и польза, план и характер деятельности предполагаемого учреждения. В исполнение данных предначертаний комиссия о церковных имениях представила Государыне доклад, с проектом учреждения желательной коллегии, который по одобрении во «всенародное известие» объявлен следующим именным указом. «Учреждая с Божией помощью все, что к благосостоянию в Империи нашей потребно, с немалым нашим матерным попечением трудимся и о распоряжении имений духовных через нарочно при дворе пишем учрежденную для того духовную комиссию, в следствие которой за благо мы рассудили установить ныне особливую коллегию экономии духовных имений, для управления теми церковными доходами,

которые сверх определенных расходов на содержание Духовного чина по благопристойности употреблены быть имеют на установление и содержание других в государстве богоугодных дел». В состав нового учреждения тем же указом были назначены президентом – князь Борис Куракин, вице-президентом – Матфей Малюнов, советниками – Андрей Зиновьев и Алексей Барыкин, ассессорами – Александр Брянчанинов и Афанасий Кунин, прокурором – Михаил Зыбин. Коллегия должна была открыть свои действия прежде, чем получить особливо начертанную для её деятельности инструкцию,⁴⁵⁴ которая впрочем вскоре была начертана и преподана в руководство (6 июня 1762 г.).

По инструкции коллегия экономии духовных имений приравнивалась другим существовавшим в государстве коллегиям. Состоя под «особливыми» повелениями государыни, коллегия должна была руководствоваться указами Правительствующего Сената, а в случаях «касающихся духовных дед» и указами Святейшего Синода. К ведомству последнего по инструкции духовной комиссии были отнесены:

- 1) попечение о содержании церквей Божиих, а паче соборных как в архиерейских домах, так и в монастырях;
- 2) содержание в домах архиерейских и монастырских строений каменных и деревянных, которые с немалым иждивением построены;
- 3) заведение больших епархиальных и малых монастырских училищ, из которых бы священники благонравные и учителя для народа духовные происходить могли;
- 4) заведение библиотек во всех больших училищах;
- 5) призрение богаделенных домов и лиц содержащихся, ежели которые в епархиях устроены будут;
- 6) благопристойное содержание клира и служителей определенных;
- 7) содержание типографии церковной и печатание новых книг духовных.

Определенную на все эти предметы сумму Синод должен был требовать от коллегии экономии, для отсылки таковой по принадлежности. Места, получавшие от коллегии

причитавшиеся им суммы, должны были записывать в приходорасходные книги и давать отчет коллегии экономии, которая своим ведением обнимала всю хозяйственную, экономическую и финансовую сторону духовных имений, не исключая и личного имущества духовных властей, остававшегося после их смерти. Коллегия должна была принять в свое ведение дела бывшей канцелярии синодальной экономической правления с денежными суммами последней.⁴⁵⁵ Синод с своей стороны сделал надлежащие распоряжения, чтобы духовные консистории, монастыри и церкви безотлагательно по требованиям коллегии экономии представляли ей необходимые ведомости, сведения и справки.⁴⁵⁶ Коллегия была обставлена прерогативами учреждения, ведавшего всеми сторонами духовных имений. В нее должны были обращаться духовные власти со своими жалобами на крестьян.⁴⁵⁷ Ведению коллегии не были подчинены только деревни, которые были отданы в распоряжение архиереев, архимандритов и игуменов на собственное их домов и монастырей содержание, хотя и в отношении к этим деревням коллегии предоставлялось смотреть, чтобы «сверх определенного власти с тех им определенных вотчин ничего не имела».⁴⁵⁸

Сообразно с таким назначением коллегии экономии было организовано её внутреннее устройство. Инструкция предоставляла самой коллегии составить штат потребных секретарей и канцелярских служителей и прочих необходимых вспомогательных деятелей. Штат этот мог быть составлен не вдруг; поэтому коллегия экономии, до начертания общего штата, по особым докладам успела осуществить некоторые из своих предположений, как например, исходатайствовать отпуск новой суммы на содержание канцелярии служителям в прибавок к ассигнованной на содержание бывшей канцелярии экономической, учредить должность цалмейстеров вместо бывших при канцелярии комиссаров, обзавестись штаб и обер-офицерами для рассылки их с командами по вотчинам.⁴⁵⁹ Комиссия о церковных имениях сама со своей стороны содействовала благоустройству коллегии.⁴⁶⁰ Коллегии вскоре

был составлен, Высочайше утвержден 15 марта 1762 года штат. По этому штату в виду того, что «некоторые епархии с своими монастырями и вотчинами находятся в дальнем расстоянии от коллегии экономии», вблизи С.-Петербурга, согласно предположениям коллегии, была учреждена от неё в С.-Петербурге контора, с предоставлением её заведыванию, на основании коллежской инструкции, сборов и расходов епархий С.-Петербургской, Новгородской, Псковской, Архангелогородской, Устюжской и Вологодской. По штату для коллегии экономии с экспедициями и конторой исчислено всего 271 лицо и содержания на них 36 626 руб. В этом штате не разумелись назначавшиеся для вотчин управители, о которых, по неизвестности, сколько таковых потребно, коллегия просила представить особо к тому времени, когда будут начертаны штаты для всех духовных мест, и когда станет ясно, сколько и в каких местностях будут оставлены вотчины в правлении духовных властей.⁴⁶¹ По начертании духовных штатов, президент коллегии экономии князь Куракин не замедлил обратиться к государыне с докладом, в котором объясняя, что назначенные в вотчины управители являются скорее «попечителями», чем управителями вверяемых им вотчин, просил «именовать их попечителями духовных вотчин, с приобщением наименования того города, где кто в уезде случится». Назначением этих попечителей было то, чтобы они являлись «депутатами» за крестьян по делам их в городах, защищая и предохраняя от волокиты, и чтобы собираемые с крестьян доходы «для верного их сохранения» отдавали в городские канцелярии для расходования оных по распоряжениям коллегии. Государыня, согласившись с докладом, указала назначаемым лицам быть казначеями и депутатами по делам духовных вотчин. При казначеях полагались помощники и кроме них при коллегии и её конторе объезжие экононы, знакомые с геодезией для дел межевых. Персонал вспомогательных деятелей коллегии экономии исчисляется так: 60 казначеев, с жалованьем от 160 до 250 руб. каждому, смотря по достоинству и дистанциям их правления; 94 помощника казначеев, с содержанием от 60 руб. до 80 р. 71

копеек, содержания всем 2190 р., 120 солдат, на них 1440 руб., 14 человек офицеров для посылки при коллегии и конторе каждому по 150 руб. всего на эту организацию было отпущено 30 тыс. руб., из коих 3650 р., остававшиеся не расписанными по штату, разрешалось употреблять на строения, служащие к умножению экономии и доходов. В 1770 г. на основании указаний опыта, с одобрения Правительствующего Сената, произведены изменения в означенной организации: увеличено число казначеев 60 – 93; отменены помощники казначеев, как оказавшиеся излишними, после того, как крестьянам вменено в обязанность взымавшийся с них оброк самим отвозить в губернские и воеводские канцелярии, открыты четыре экономических правления, подсудных коллегии экономии в Ярославле, Казани, Ельце и Вологде для рассмотрения жалоб крестьян на казначеев и взаимных их тяжб, которых не могли решить казначеи, а также для удержания крестьян от взаимных споров и нанесения обид посторонним; увеличено число копиистов до 93, солдат до 186, число офицеров оставлено прежнее.⁴⁶² Проводим эти частности с мыслью, чтобы наглядно показать, как было обставлено рассматриваемое учреждение в его деятельности. Экономическим правлениям была дана особая инструкция, отдельно и в подробности разъяснявшая их права, обязанности и занятия. Применительно к числу правлений были распределены все церковные вотчины, исключая тех, которые по удобству находились в заведывании самой коллегии и её конторы.⁴⁶³ Во главе каждого правления стоял главный эконо́м с товарищем из обер-офицеров, при них обширная канцелярия по штату.⁴⁶⁴

Деятельность коллегии в отношении к синодальному ведомству сопровождалась составлением нескольких штатных положений по духовной части, получавших высочайшее утверждение частью по докладам самой коллегии, частью по представлениям Правительствующего Сената, а иногда Святейшего Синода.⁴⁶⁵ Предприимчивость и забота коллегии экономии, по-видимому, более всего уходили на собственное её устройство и разветвление подчиненных органов. В короткий сравнительно период времени учреждение это, по собственной

инициативе, испытало немало изменений.⁴⁶⁶ Мысль о временности этого учреждения сказывается и в тоне Высочайшего о закрытии его именного указа, признавшего дальнейшее его существование излишним, с отчислением его деятелей в распоряжение герольдмейстерской канцелярии.⁴⁶⁷

Так окончило свое существование учреждение, заключившее собой целый ряд учреждений. Всматриваясь в сменявшие одно другое учреждения для заведывания вотчинной и финансовой частью синодального ведомства, нельзя не отметить, что эти учреждения отличались крайней неустойчивостью, как и судьба церковных имений, которыми заведовали эти учреждения, была неодинакова. Правительство со времени Петра Великого, усвоив на церковные имения двоякий взгляд, полагало, что они должны были с одной стороны служить нуждам государства, доставляя средства для целей благотворительности, с другой – удовлетворять потребностям духовных учреждений, которым принадлежали, давая обеспечение безбедному их существованию. В этих видах, разделив церковные имения на две категории «заопределенные» – назначенные для служения государству, и «определенные» – оставленные для пользования духовных учреждений, правительство не отказывалось от наблюдения за доходностью тех и других и мыслило их под общим именем церковных вотчин, долженствовавших служить благосостоянию церковных учреждений. Такой двоякий взгляд в теории сопровождался противоречиями и на практике. Правительство в заботах и благоустройстве и доходности этих имений брало их в заведывание своих органов. Духовные власти, чувствуя себя обиженными, не упускали случая изыскивать способы к возвращению церковного достояния. Подобное колебание, указывая на раздельность интересов той и другой стороны, отражалось невыгодными следствиями на самих церковных вотчинах, крестьяне которых отвыкали от мысли вотчинной зависимости. Имея в своих руках заведывание церковными имениями, светские учреждения незаметно увлекались мыслью навлекать из них возможно большие выгоды для потребностей государства, как бы пренебрегая нуждами властей, учреждений

и лиц духовных. Следствием этого было то, что духовные учреждения беднели, впадая как бы в нищету. Равным образом и духовные власти, заведя церковными вотчинами, по недостатку в их руках средств, не могло выполнить своего обязательства, чтобы не остаться в долгу через недобор положенных сборов. Попытки устранить испытываемые невыгоды с той и другой стороны и порождали как переход церковных вотчин из одного ведомства в другое, так и смену одних учреждений другими. То и другое одинаково не достигало цели: правительство считалось с недоимкой следовавшего с церковных вотчин, духовные власти опасались за потерю последнего обеспечения. Спасительный выход из этого положения правительство видело в том, чтобы, взяв в свои руки заведывание церковными вотчинами, обеспечить церковные учреждения определенным штатным содержанием на доходы с тех же вотчин. Мысль эта, возникнув при Петре I, настойчиво проводилась в конце царствования Анны Иоанновны при первом отобрании церковных имений. Елизавета Петровна, по-видимому, оставив притязания правительства к церковным вотчинам, предоставила их в полное распоряжение духовных властей, которые, однако не могли предупредить того, чтобы к концу того же царствования вопрос о церковных имениях не возник с новой силой, по-видимому, для окончательного его решения в смысле отнятия церковных вотчин. Петр III пытался решить этот вопрос властными распоряжениями, объявлявшими отобрание церковных вотчин, с решительным воспрещением духовным властям вмешиваться в их доходы. Подобное решение в действительности оказалось рассечением гордиева узла. Екатерина II, подобно Петру I и Елизавете Петровне, возвращая церковные имения в руки духовных властей, о попытке предшествующего царствования выразилась так: «из числа нововведенных в бывшее перед нами правление не порядков и бесполезных установлений почитаем отнятие из ведомства Духовного чина деревень и прочих имений, тем с большим сожалением, что оное учинено без всякого предыдущего порядка и рассмотрения. Кажется, надобность состояла в том, чтобы отобрать у духовных имения, и чтобы

осмотрительные взять меры о порядочном и как для церкви и Духовного чина безобидном, так и для отечества полезном управлении о том и не думали».⁴⁶⁸ Разделяя взгляд на церковные имения, что они по мысли и намерению жертвователей должны служить к благолепию церковному и благопристойному содержанию Духовного чина, а также и к пропитанию бедных и увечных от избытков,⁴⁶⁹ Екатерина учредила особую комиссию о церковных имениях из духовных и светских лиц, которая и подвела итоги столько лет занимавшему и духовное и светское правительству вопросу. Церковные имения были отобраны в казну, а духовные учреждения удовлетворены штатным содержанием. На каких основаниях и с какими приемами были отобраны в казну церковные имения, вопрос этот не подлежит нашему рассмотрению, хотя полон глубокого интереса. Коллегия экономии духовных имений представляла переходную стадию при отобрании церковных имений в казну до слияния их с казенными.

Примечания

¹ - 1 Таковы исследования свящ. М. И. Горчакова: „Монастырский приказ“ (1649–1725 г.), Спб. 1868: „О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода“ (988–1787 г.), Спб. 1872 г.; И. П. Шимко: „Патриарший казённый приказ“, М. 1894 г.; Я. Розанова: „История Московского епархиального управления“, М. 1868 г.

² - О составе в пределах этой области см. П. Ф. Николаевского: „Патриаршая область и русские епархии в XVII веке.“, СПб. 1888 г.

³ - П. С. П. и Р. т. I. п. 27.

⁴ - ⁴ П. С. П. и Р. т. I., № 12.

⁵ - П. С. П. и Р. т. II. 12. 13.

⁶ - Опис. документов и дел. т. I. № 104.

⁷ - П. С. П. и Р. т. I. № 76 ср. Опис. документов и дел. т. I. № 104.

⁸ - См. об этом: Опис. документов и дел. т. I. № 104, 118. П. С. П. и Р. т. I. №№ 12, 49, 57, 63, 166 и др.

⁹ - П. С. П. и Р. т. I. № 83.

¹⁰ - П. С. П. и Р. т. I. № 312 п. 4.

¹¹ - П. С. П. и Р. т. I. № 901.

¹² - П. С. П. и Р. т. II. № 680.

¹³ - Т. В. Барсов, Св. Синод в его прошлом стр. 439. СПб. 1896.

¹⁴ - П. С. П. и Р. т. VII. № 2054.

¹⁵ - Для примера П. С. П. и Р. № 19, 1428, 1541, 1605.

¹⁶ - П. С. П. и Р. т. I. № 511.

¹⁷ - Для уяснения настоящей перемены и находим нелишним заметить. В 1722 г. обер-прокурор Болтин предлагал Св. Синоду о назначении на должность агента в Синод вместо Владыкина капитана Колюпанова. Синод дал об этом свое определение, сообщив в Сенат ведением о присылке Колюпанова по назначению. Требование Синода по сему предмету со стороны

генерал-прокурора Ягужинского было оставлено без исполнения. Вследствие сего Св. Синод, по предложению обер-прокурора Болтина, вновь просил Сенат ведениями прислать Колюпанова на должность прокурора Московской Духовной Дикастерии, а на должность эзекутора синодальной канцелярии обретающагося в Москве за ранами отставного майора Воейкова. На этот раз Сенат ответил, что эзекутор пришлется вскоре, каковым и был прислан капитан Владимирского полка Борис Лукин. Мотивы, по которым возникла вся эта переписка, поведшая к такой развязке, объясняются так: «по Высочайшему повелению при Сенате положено быть эзекутору, под ведением генерал-прокурора, а при Синоде агенту, под ведением обер-прокурора. В последнюю должность определен был дворецкий синодального дома Алексей Владыкин, который в то же время был судьей в синодальном Дворцовом Приказе. А как первая должность требовала неотлучного присутствия в Синоде, а другие неотлучного присмотра и управления, то в исправлении агентом должности происходила остановка, для устранения которой обер-прокурор и предложил в агенты Колюпанова» (Опис. документов и дел. т. II., ч. 2. № 992. т. III. № 5. 495. П. С. П т. IV. № 1410).

¹⁸ - П. С. П. и Р. т. I. № 1410.

¹⁹ - П. С. П. и Р. т. I. №. 511, 591. Опис. документов и дел. т. II, № 424.

²⁰ - П. С. П. и Р. т. III. № 1081.

²¹ - П. С. П. и Р. т. I. №. 201.

²² - П. С. П. и Р. т. II. №. 901, стр. 500.

²³ - П. С. П. и Р. т. I. 50, 901. Опис. т. I. № 160, 167.

²⁴ - П. С. П. и Р. т. I. № 88.

²⁵ - П. С. П. и Р. т. I. № 133, 257. До назначения Дьякова «у приходу в расходу денежные казны» в Синоде состоял расходчик Коретников, который о хранении денежных сумм доносил следующее: «В нынешнем 721 году Июля в 8-ой день, по Его Царскаго Величества указу и по приговору Вашего Правительствующаго Синода, повелено мне, низайшему рабу, в

том Синоде быть у проходу и расходу денежных казны; и по тому Великого государя указу оныя денежные казны у меня, нижайшаго раба, в приеме немалое число. которая содержатся в Правительствующем Синоде в передней светлице, под караулом лейб-гвардии у солдат; а для хранения оной денежной казны, которой содержаться будет не малое число, удобного места при Правительствующем Синоде не отведено. Вашего Святейшаго Правительствующаго Синода всепокорно прошу, дабы вашим милостивым резоном повелено было, для содержания оной показанной денежной казны, для лучшего охранения, отвести удобное и безопасное место». По выслушании такого от расходчика Коретникова донесения, Св Синод постановил: наличную денежную казну, которая есть в Св. Правительствующем Синоде, и впредь Присылаемую из Монастырского Приказа, из губерний, и из архиерейских епархий, и из монастырей, для лучшего и безопасного охранения, содержать в С-Петербургском гарнизоне, в городской крепости, в казарме онаго же Синода под караулом, со всяким опасным караульных солдат хранением, понеже при Правительствующем Синоде, для содержания и хранения оной казны удобного места не обретається, и об отводе оной казармы в Военную Коллегию послать указ немедленный. (П. С. П. и Р. т. I. № 142).

²⁶ - Опис. документов и дел. т. I. № 523. т. II ч. 2, № 1082, т. III, № 107, 201.

²⁷ - Опис. документов и дел. т. IV., .481.

²⁸ - Опис. документов и дел. т. IV., .481.

²⁹ - Опис. документов и дел. т. V., № 16, стр. 28.

³⁰ - П. С. П. и Р. т. II. № 704. 776.

³¹ - П. С. П. и Р. т. I. № 297.

³² - П. С. П. и Р. т. V. № 1624.

³³ - П. С. П. и Р. т. V. № 1759.

³⁴ - Опис. документов и дел. т. VII, № 140.

³⁵ - П. С. П. и Р. т. V. № 1624, Опис. документов и дел. т. VI. № 16.

³⁶ - Внутр. быгг. русск. госуд. т. II, стр. 22.

³⁷ - По положению Синода и Сената: обер-секретарь 1 – жалованье 1200 р.; экзекутор 1 – 600 р.; секретари 3 – каждому 600 р.; переводчиков 1 – 400 р.; протоколист 1 – 400 р.; архивариус 1250 р.; регистратор 1 – 300 р.; канцеляристов 8 – каждому 250 р.; копиистов 25 – каждому 70 р.; юнксов 6 – каждому 70 р.; переплетчик 1 – 40; сторожей 4 – каждому 24 р.; сержант 1 – 20 р.; капралов 1 – 17 р.; солдат 24 – каждому 16 р.; на канцелярские расходы в Синод – 1000 р.; Всего – 10 695 р. 29 ½ к. По штату комиссии усматриваются следующие изменения: экзекутору – 500 р.; архивариусу – 300 р. лекарю – 240 р.; сержанту – 30 р.; капралу – 24 р.; солдату – 20 р.; колпелярские расходы – 1500 р. Всего против прежнего штата прибавлено – 535 р.; См. Кн. штатов т. XLIII, П. С. 3. стр. 22.

³⁸ - Опис. документов и дел. т. VI, № 69.

³⁹ - Вот эти чины – обер-секретарь 1 – жалованья 1500 р., секретари 2 – каждому 750 р., протоколист 1 – 450 р., канцеляристы 4 – каждому 300 р., подканцеляристы 6 – каждому 200 р., копиисты 6 – каждому 150 р., юнкера 4 – каждому 70 р., рассыльщики и фельдъегеря 4 – каждому 100 р. на жалованье провиант и мундир. Казначея с чином 9 класса, против синодального архивариуса – 400 р., присяжный при казне – 100 р. По этому же штату назначена была прибавка к прежнему окладу вместо прежних – 30 р. – 53 р., капралу 1 вместо 24 – 43 р., солдатам 24 вместо 20 – 33 р., сторожам 4 вместо 24 – 33 р. Каждому из поименованных лиц на обмундировку по 10 р., всего 300 руб., на канцелярские расходы – 1600 р. Всего же пришлось прибавить 10 220 руб.

⁴⁰ - По этому штату в составе синодальной канцелярии положены: обер-секретарей 2, каждому – 3000 р. секретарей 3, в том числе при обер-прокуроре – каждому 1500 р., экзекутор – 1500 р., переводчик – 1000 р., протоколистов – каждому 1000 р.. регистратор – 800 р., канцеляристов или повытчиков 12 – каждому 750 р., подканцеляристов или их помощников 6 – каждому 500 р.. копиистов 36 – каждому 350р., унтер-офицеров 2 – каждому 150 р., инвалидов и сторожей 28 – каждому 120 р., им на одежду и амуницию каждому – 30 р., курьеров 2 – каждому 200 р., счетчик – 200 р., ему же на амуницию 95 р.,

переплетчик – 150р., на канцелярские расходы – 710р. (П. С. 3. т. XLIII, книга штатов к № 27.872).

⁴¹ - Настоящий штат исчисляет: обер-секретарей 2 – каждому 3000 р. Жалованья, 1500 столовых; секретарей 3 – каждому жалованья 1800 руб., столовых – 750 р.; помощников их старших 6 – каждому жалованья 1200 р., столовых – 500 р., младших 8 – каждому жалованья 1000 руб., столовых – 200 р.; эзекутор 1 – жалованья 1800 р., столовых – 750 р.; помощник его 1 – жалованья 1200 р.; начальник архива 1 – жалованья 1600 р., столовых – 750 р.; помощник его – жалованья 1000 р., столовых – 200 р., протоколистов 2 – каждому жалованья 1400 руб., столовых – 600 р.; регистратор 1 – жалованья – 2000 р.; переводчик 1 – жалованья 1200 р., канцелярских чиновников высшего оклада 30 – каждому 750 р.; среднего оклада 40 – каждому 400 р.; на паек и обмундировку каждому – 120 р.; на усиление канцелярии чиновникам – 6000 р.; переплетчик жалованья 300 р.; курьеров 2 каждому 300 р., сторожей 7 – каждому 200 р.; на канцелярские расходы – 8000 р.; освещение – 400 р.; обмундировку курьеров и счетчика – каждому 100 р.; обмундировку сторожей – каждому 60 р.; содержание курьерских лошадей – 2500 р. Исчисленная по сему штату сумма – 146 670 р. покрывалась из государственного казначейства в количестве – 144 390 р. на основания именного указа Правит. Сенату 23 декабря 1838 г., остальные же – 4160 р. из процентов с духовно-учебного капитала (П. С. 3. № 12069 штаты и табели).

⁴² - Дело канц. обер-прокур. Св. Синод. № 9679, в синод. архиве.

⁴³ - Именной указ Синоду 6 января 1824 года.

⁴⁴ - Дело канц. обер-прокур. Св. Синод. № 9679, в синод. архиве.

⁴⁵ - И. А. Чистович, Руковод. деятел. дух. просв. стр. 370 прим. О деятельности Павлова см. стр. 228 – 229, 250, 269.

⁴⁶ - О Нечаеве, как обер-прокуроре см. И. А. Чистович, Руковод. деятел. дух. просв. стр. 312 – 325.

⁴⁷ - Дело канц. обер-прокур. 1828 г. № 5815.

⁴⁸ - Дело канц. обер-прокур. 17.488 ср. дело № 5896.

⁴⁹ - Руковод. деят. дух. просв. стр. 315.

⁵⁰ - Переписка Филарета, м. Московского, с С. Д. Нечаевым пис. СІХ. стр. 111. СПб. 1895 г.

⁵¹ - Перепис. пис. СХVІ. стр. 117 – 118.

⁵² - Там же пис. СХІХ. стр. 123 – 124.

⁵³ - В сообщенном из Правительствующего Сената Святейшему Синоду известии 22 мая 1822 г., между прочим, изъяснено, что министр юстиции, удостоясь изустно получать высочайшую волю о том чтобы постановить: более какого числа чиновников не определять за обер-прокурорские столы с жалованием, представил государю императору следующее мнение: 1) В каждом департаменте Правительствующего Сената и в каждом отделений положен обер-прокурор. Таковых обер-прокуроров по числу департаментов и отделений находится 12. Следственно есть 12 обер-прокурорских столов. Если за каждый обер-прокурорский стол положить по два чиновника, то полный их комплект, или штатное число будет составлять 24 человека. И как ныне за обер-прокурорскими столами находится 21 человек, то и останется три вакансии. 2) На будущее время определять за обер-прокурорские столы не ниже коллежских советников, и тем из них, которые будут находиться в комплекте, производить жалованье по 1500 р. в год; кто же будет определен сверх комплекта, тому жалованье не производить до вступления в комплект. 3) поскольку находящиеся ныне за обер-прокурорским столом получают жалованье неровное, по особым императорским указам, то и оставить их на прежнем основании, считая в комплекте. На этой записке 28 мая 1822 г. последовала высочайшая резолюция: «быть по сему». (Дело канц. обер-прокур. № 9679 в синод. архиве).

⁵⁴ - В виду того значения, каким в свое время пользовался Войцехович, находим не лишним сообщить некоторые сведения о служебном его положении до того времени. А. И. Войцехович происходил из дворян, окончил учение в императорском Московском благородном пансионе, с правом на чин 10 класса.

В службу вступил 21 апреля 1825 г. в департамент главного управления духовных дел иностранных исповеданий. 25 февраля 1826 г. перемещен в канцелярию министерства внутренних дел, где проходил должности младшего помощника столоначальника, столоначальника, 25 августа 1828 г. перемещен в департамент полиции исполнительной, откуда 12 февраля 1830 г. уволен по прошению. В том же году 28 ноября определен в отделение духовных дел греко-русского исповедания для занятия по судной части. 26 сентября 1831 г. Высочайше был командирован в Волынскую губернию, для содействия греко-русскому духовному начальству в принятии Почаевского греко-униатского монастыря в ведомство православной церкви. 17 февраля 1832 г. Высочайше же командирован в Виленскую губернию для приведения в известность всего относившегося к Пажайслисскому камальдульскому монастырю. В 1832 – 31 годах занимался в комиссии для обревизования приходорасходных книг комитета о построении сенатского и синодского зданий. 24 февраля 1834 года, при издании новых штатов отделения духовных дел греко-русского исповедания, переименован в чиновника особых поручений, с оставлением при прежних обязанностях. Сверх других поручений постоянно занимался рассмотрением дел, присылавшихся из Правительствующего Сената на заключение обер-прокурора Святейшего Синода. (Дел. Канц. обер-прокурор. № 21707 послуж. список в синодальн. архиве). Предпочтение графом Протасовым Войцеховича Муравьеву митрополит Филарет объяснял тем, что первый «не пользовался особенной доверенностью прежнего обер-прокурора», т. е. Нечаева. Андрей Николаевич принял это со смирением. (См. Пис. М. Ф. к Антонию – Наместнику Лавры т. 1., пис. 144, стр. 221. Изд. 1887). Следует продолжить, что в 1855 г. после смерти графа Протасова, по поводу предположений о назначении ему заместителя, митрополит Филарет высказывался, что «Андрей Николаевич по своим познаниям и по расположению духа мог бы быть полезен, если бы для нас был употреблен. Покойный граф пришел к нам полковником и нашел подчиненных не выше коллежского, или много статского советника. Теперь тут есть

тайные советники, а Андрей Николаевич только статский советник». В этом митрополит Филарет полагал причину того, что и при достоинствах Муравьев не мог занять место обер-прокурора Св. Синода. (См. тоже ст. 111. пис. 1021 и стр. 313 – 314).

⁵⁵ - Дел. канц. обер-прокур. № 24612 в синод. архиве.

⁵⁶ - Т. В. Барсова, Св. Синод в его прошлом стр. 363 – 364.

⁵⁷ - Находим не лишним для уяснения взгляда графа Протасова на значение должности чиновников за обер-прокурорским столом привести следующее: Представляя Государственному Совету соображения относительно уравнивания штатов главного управления духовных дел православного и греко-униатского вероисповеданий с штатами Министерства государственных имуществ, обер-прокурор граф Протасов в оправдание назначавшегося чиновникам за обер-прокурорским столом содержания изъяснял: „сих чиновников нельзя сравнивать с таковыми же в Правительствующем Сенате, так как и обязанность обер-прокуроров Сената не может идти в сравнение с обязанностями обер-прокурора Св. Синода, который по Православному и Грекоуниатскому ведомству, неся обязанности упраздненной должности Министра Духовных Дел, начальствует, кроме канцелярий епархиальных мест, над восьмью нижеследующими Канцеляриями: Канцелярия Св. Синода, а также Московская и Грузино-Имеретинская Канторы Св. Синода, Хозяйственный Комитет при Св. Синоде, Канцелярия Комиссии Духовных Училищ, Канцелярия обер-прокурора Св. Синода, Отделение Духовных Дел Православного исповедания, Отделение Духовных Дел Грекоуниатского исповедания. Начальствуя над всеми вышеозначенными Канцеляриями, Обер-прокурор не может непосредственно управлять Канцелярией синодальной и поэтому с Высочайшего соизволения, старший из чиновников за обер-прокурорским столом, под главным начальством обер-прокурора, заведывает делопроизводством сей канцелярии, которая состоит из пяти экспедиций с соразмерным числом столов, и которой занятия также не могут быть сравниваемы с занятиями Департаментов Правительствующего Сената, ибо в Св. Синоде совмещаются и

управление и верховый суд по делам церковным на людях духовного ведомства, решения же его не подлежат никакой ревизии и восходят на усмотрение Государя Императора. При столь трудном и обширном делопроизводстве, заведывание оным по всей справедливости равняется обязанности Директоров Департаментов. Вообще же чиновники за обер-прокурорским столом, на основании Положения о Хозяйственном Комитете при Св. Синоде и особого Высочайшего повеления, обязываются нести должность членов сего Комитета, по которой не получают жалования, между тем как, кроме значительной ответственности соединенной с сею должностью, важность этой должности от сосредоточения в Комитете заведывания Контролем всего духовного ведомства, и сверх того они же командированы в разные губернии и употребляются по поручениям особенной важности". (Дело канц. обер-прокур., №2412, л. 93 –94).

⁵⁸ - При усилении состава еинодольной канцелярии усилено было и хозяйственное управление одним старшим помощником бухгалтера, двумя помощниками столоначальника и нееколькими канцелярскими служителями. На них также уделена была часть упомянутой суммы по особо утвержденному штату. (Дело канц. обер-прокур. Св. Синода № 31207. д. 32 – 35).

⁵⁹ - П. С. 3. т.XVII отд. 11 № 17.111.

⁶⁰ - П. С. 3. т.XXXIV отд. 11 № 34527.

⁶¹ - П. С. 3. № 34681.

⁶² - П. С. 3. № 35169.

⁶³ - П. С. 3. № 40514.

⁶⁴ - П. С. 3. № 51015.

⁶⁵ - П. С. П. и Р. т.I, №6.

⁶⁶ - П. С. П. и Р. т.VI, № 2272.

⁶⁷ - В первом из этих отделений, порученном управлению редактора при синодальной канцелярия Билибина, сосредоточились дела: о всех брачных сопряжениях, непризнаваемых законными и действительными, о расторжении браков формальным церковным судом по просьбе одного из

супругов, о кровосмешениях и по прошениям о дозволении вступить в брак. Во втором временном же отделении, заведывание которым возлагалось на старшего секретаря Ненорокова, производились все дела, касающиеся до духовно-учебного ведомства, и сверх того дела: а) об учреждении новых епархий, монастырей и общин; б) об укреплении за церквями и монастырями и отчуждении принадлежащих духовным установлениям церковных имуществ; в) об отходах угодий архиерейским домам, монастырям и церквям и мест для кладбищ; г) об устройстве и эксплуатации лесовых дач духовного ведомства (Дела Св. Синода, 3 февр. 1804. № 611).

68 - П. С. П. и Р. т. II, № 448.

69 - П. С. П. и Р. т. I, № 5, 9.

70 - П. С. П. и Р. т. I № 153.

71 - П. С. П. и Р. № 44.

72 - Опис. докум. и дел. т. IV, № 345, т. V, № 205.

73 - Опис. докум. и дел. т. I, стр. 466.

74 - Опис. докум. и дел. т. II, ч. 2, стр. 712.

75 - Там же, т. I, стр. 465.

76 - Опис. докум. и дел. т. I, № 402, стр. 467 – 468. П. С. П. и Р. т. IV № 1308.

77 - П. С. П. и Р. т. IV, № 1314, п. 4. Инструкции.

78 - П. С. П. и Р. т. III, № 1041.

79 - П. С. П. и Р. т. IV, № 1851.

80 - П. С. П. и Р. т. IV, № 1201.

81 - П. С. П. и Р. т. IV, № 1319.

82 - П. С. П. и Р. т. IV, № 1440.

83 - П. С. П. и Р. т. IV, № 1443.

84 - Опис. докум. и дел. т. I, № 402 и 627.

85 - П. С. П. и Р. т. V, № 1740.

86 - См. Опис. докум. и дел. т. IV, стр. 390–391. П. С. П. и Р. т. V, № 1642.

- 87 - П. С. П. и Р. т. VI, №№ 2233, 2265. т. VII, №№ 2446, 2479.
- 88 - П. С. П. и Р. т. I, № 9, 197.
- 89 - Опис. докум. и дел. т. II, №4, 1038, т. III, № 45, 484 и др.
- 90 - П. С. П. и Р. т. II № 976, 1023.
- 91 - П. С. П. и Р. т. IV, №№ 1357, 1365, 1370.
- 92 - П. С. П. и Р. т. II, № 462
- 93 - Опис. докум. и дел. т. II, ч.1, № 719.
- 94 - Опис. докум. и дел. т. II ч. 2, № 953. Из показанного числа приказных два подканцеляриста и один копиист взяты к обер-прокурорским делам, проситель был определен в Контору.
- 95 - Опис. докум. и дел. т. II ч. 2, № 966.
- 96 - Опис. докум. и дел. т. II ч. 2, № 564.
- 97 - П. С. 3. т. IX, № 2451.
- 98 - П. С. П. и Р. т. 1, стр. 23 – 27.
- 99 - П. С. П. и Р. т. 1, №4.
- 100 - Там же, №15.
- 101 - Опис. докум. и дел. т. 1, стр. 393.
- 102 - П. С. П. и Р. т. III, № 1036.
- 103 - Опис. докум. и дел. т. I, № 305.
- 104 - Опис. докум. и дел. т. I, № 405 и 507.
- 105 - Опис. докум. и дел. т. I, № 110. П. С. II. и Р. т. I, № 249, т. II, № 365.
- 106 - Опис. докум. и дел. т. VI, № 229, стр. 401.
- 107 - Опис. докум. и дел. т. I, № 359, стр. 401. П. С. П. и Р. т. V, № 1714.
- 108 - П. С. П. и Р. т. II, №№ 448, 453, 454.
- 109 - Опис. докум. и дел. т. II, ч. 1, №№ 589, 594, ч. 2, № 906.
- 110 - Опис. докум. и дел. т. III, № 426.
- 111 - П. С. П. и Р. т. IV, № 1282.
- 112 - П. С. П. и Р. т. IV, № 1311, стр. 1314.
- 113 - П. С. П. и Р. т. IV, № 1328. Опис. докум. и дел. т. IV, № 349.

- 114 - Книга прот. 1726. ч. I. № 1.
- 115 - Опис. докум. и дел. т. IV, № 500.
- 116 - П. С. П. и Р. т. IV, № 1462.
- 117 - См. дело Архив Св. Синода 15 января 1725 г., № 294.
- 118 - Дело Архив Св. Синода 1727 года марта 31, № 309.
- 119 - П. С. П. и Р. т. V, № 1903.
- 120 - П. С. П. и Р. т. V, № 1937.
- 121 - П. С. П. и Р. т. VI, № 1975. О приказе инквизиторских дел и инквизиторском институте речь будет ниже.
- 122 - П. С. П. и Р. т. VI, №№ 1340, 1386, 1394.
- 123 - Подробнее см. «Истор. Правосл. Церкви в пределах нынешней С.-Петербургской епархии» стр. 58 – 66. Спб. 1871 г. Почтенный труд свящ. Михаила Архангельского.
- 124 - П. С. П. и Р. т. I, № 60.
- 125 - П. С. П. и Р. т. III, № 1062.
- 126 - П. С. П. и Р. №1078.
- 127 - Опис. докум. и дел. т. I, № 128.
- 128 - П. С. П. и Р. т. III, № 1116. Впоследствии город Кексгольм с уездом снова был приписан к Новгородской епархии (П. С. П. и Р. т. VII № 2641).
- 129 - П. С. П. и Р. т. IV. №№ 1196, 1355, 1456.; т. V. № 1562, 1614.
- 130 - П. С. П. и Р. т. I, № 60.
- 131 - П. С. П. и Р. т. I, № 340.
- 132 - П. С. П. и Р. т. IV. № 1206.
- 133 - Опис. докум. и дел. т. IV, № 201.
- 134 - П. С. П. и Р. т. V, № 1601.
- 135 - П. С. П. и Р. т. V, № 1819.
- 136 - П. С. П. и Р. т. V, № 1819.
- 137 - П. С. П. и Р. т. V, № 1873.
- 138 - П. С. П. и Р. т. V, № 1899.
- 139 - П. С. П. и Р. т. II, № 901.
- 140 - Опис. докум. и дел. т. III, № 442.
- 141 - Дело Архив Св. Синода, 8 апреля, 1731 г., № 30, л. 11.

- 142 - П. С. П. и Р. т. V, № 1890.
- 143 - П. С. П. и Р. т. VI, № 2026.
- 144 - П. С. П. и Р. т. VI, № 2093.
- 145 - П. С. П. и Р. т. VI, № 2026.
- 146 - П. С. П. и Р. т. VI, № 2093. Опис. докум. и дел. т. VII, № 188.
- 147 - П. С. П. и Р. т. VI, № 2033.
- 148 - Истор. правосл. Церкви в пред. СПб. епарх. свящ. Архангельского стр. 159. СПб. 1871 г.
- 149 - П. С. П. и Р. т. VI, № 2096.
- 150 - Опис. докум. и дел. т. VII. № 318, 345.
- 151 - Прим., таких распоряжений св. Опис. докум. и дел. Св. Синода т. VIII стр. 42 – 43 Указателя.
- 152 - Там же, № 2204.
- 153 - П. С. П. и Р. т. VI. № 2204.
- 154 - П. С. П. и Р. т. VI. № 2220.
- 155 - П. С. П. и Р. т. VII. № 2310.
- 156 - П. С. П. и Р. т. VII. № 2429.
- 157 - П. С. П. и Р. т. VII. № 2588.
- 158 - Дело арх. Св. Синода, 8 апреля 1781 г. № 98, л. 46.
- 159 - См. Дело арх. Св. Синода, 5 февраля 1742 г. № 35.
- 160 - Дело арх. Св. Синода, 8 октября 1742 г. № 663.
- 161 - П. С. П. и Р. т. II. № 788.
- 162 - Опис. докум. и дел. т. IV, № 57.
- 163 - П. С. П. и Р. т. IV. № 1211.
- 164 - Опис. докум. и дел. т. IV, №№ 34, 104, 200, 202, 231, 278, 296.
- 165 - Там же, №№ 201, 214.
- 166 - Там же, № 261.
- 167 - П. С. П. и Р. т. VI. № 2096.
- 168 - В т. VIII „Опис. докум. и дел. Св. Синода” показано множество дел, содержащих распоряжения Питирима во время его пребывания в С.-Петербурге на чередѣ священнослужения в 1728 г.

- 169 - Опис. докум. т. VIII, № 99.
- 170 - Т. В. Барсова, Свят. Синод в его прошлом, стр. 260 и след.
- 171 - См. дело Архива Св. Синода 5 февр. 1742 г., № 35.
- 172 - См. дело Архива Св. Синода 11 января 1744 г., № 29.
- 173 - Дело архива Св. Синода 17 января 1749 г. № 311.
- 174 - Дело Св. Синода 17 декабря 1752 г., № 805.
- 175 - См. книги Именных указов за 1763 г. в Синодальном архиве.
- 176 - Здесь разумеется определение Св. Синода 24 июля 1762 г., состоявшееся по поводу Высочайшего повеления о назначении Вениамина архиепископа С.-Петербургского присутствовать в конторе. Дело арх. Св. Синода 24 Июля 1762г., № 20, л. 4., п. 2.
- 177 - Дело архива, Св. Синода 24 июля 1762 г. № 204.
- 178 - См. протоколы конторы с 21 августа 1762 г. по 24 июля 1762 г. Книга Протоколов.
- 179 - Дело архива. Св. Синода 10 октября 1774 № 382, л. 1.
- 180 - Там же л. 23 – 27.
- 181 - Дело архива Св. Синода 28 ноября 1774 г. № 466.
- 182 - Дело архива Св. Синода 10 января 1797 г. № 70, л. 1., 10 обор. л. 31.
- 183 - Дело архива Св. Синода 1801 г. № 448 л. 27 – 85.
- 184 - Опис. докум. и дел, т. II, ч. 2 стр. 375 – 376.
- 185 - Опис. докум. и дел, т. II, ч. 2. стр. 573 – 575.
- 186 - П. С. П. и Р. т. IV № 1314.
- 187 - П. С. П. и Р. т. IV № 1334.
- 188 - П. С. П. и Р. т. V № 1570.
- 189 - П. С. П. и Р. т. V № 1496.
- 190 - Дело арх. Св. Синода 1725 г. № 38. Опис. докум. и дел, т. VI, № 16.
- 191 - П. С. П. и Р. т. III. № 1128, т. IV № 1311.
- 192 - Имена их см. в Опис. докум. и дел т. III, стр. 203.
- 193 - Опис. докум. и дел, т. II, ч. 2 стр. 976.

- 194 - П. С. П. и Р. т. IV № 1311.
- 195 - Опис. докум. и дел, т. VI, № 466.
- 196 - Опис. докум. и дел, т. VI, № 509.
- 197 - П. С. П. и Р. т. V № 1819.
- 198 - П. С. П. и Р. т. V № 1873. Опис. докум. и дел, т. II, № 16.
- 199 - П. С. П. и Р. т. VI № 1900.
- 200 - П. С. П. и Р. т. VI № 1900.
- 201 - П. С. П. и Р. т. VII № 2547.
- 202 - П. С. З. т. VIII № 5906.
- 203 - Дело арх. Св. Синода 1734 г., 20 июня, № 38.
- 204 - Дело арх. Св. Синода. 7 апреля 1735 г. № 36.
- 205 - Дело арх. Св. Синода 14 апреля 1735 г. № 87 ср. П. С. З. т. IX, № 6718, где напечатана означенная инструкция.
- 206 - Св. Синод в его прошлом стр. 281.
- 207 - Дело арх. Св. Синода 1739 г., 4 Июня, № 89.
- 208 - Дело арх. Св. Синода 1768 г., 9 марта, № 35.
- 209 - П. С. П. и Р. т. I, № 27. Ср. Опис. докум. и дел, т. I, № 118.
- 210 - П. С. П. и Р. т. I, № 27.
- 211 - Опис. докум. и дел, т. I, № 170.
- 212 - Опис. докум. и дел, т. I, № 212.
- 213 - Опис. докум. и дел, т. I, №№ 212, 230. С. П. П. и Р. т. I, № 27.
- 214 - Опис. докум. и дел, т. I, № 230.
- 215 - См. об этом в П. С. П. и Р. т. I, № 121. Опис. докум. и дел, т. I, №№ 116, 230.
- 216 - П. С. П. и Р., № 121. Опис. , т. I, № 170.
- 217 - Опис. т. I, № 349.
- 218 - П. С. П. и Р. п. 1, № 181.
- 219 - П. С. П. и Р. т. II, № 508.
- 220 - Настоящим указом было определено: „ставленников Патриаршей епархии велеть посылать по прежнему, которые ставленники станут просить сами, дабы отпущены были к постановлению к нему, преосвященному Фиваидскому; а за труд

служителям, и певчим, и за ризницу, и за прочее, по обычаю велеть брать с тех ставленников, коих будет посвящать преосвященный Арсений Фивайдский, с попа из дьячков во дьяконы и в попы по два рубля, а с дьякона в попы и с дьячка во дьяконы по рублю, а больше этого как ему архиерею, так и его служителям и певчим отнюдь не дерзать брать под опасением запрещения... Такожде и другим иностранным архиереем потому же велеть брать. (П. С. П. и Р., т. I, № 68. Опис. докум. и дел т. I, № 224).

²²¹ - По сему приговору Св. Синодом было постановлено: „всем церковным всякого звания служителям в Московских соборах быть по-прежнему, как издревле по усмотрению потребы определены и доньше содержатся, а по городам в соборах же, которые при архиереях, быть протопопов по одному, ключарей по два, попов по пяти, протодиаконов по одному, диаконов по четыре, псаломщиков по два, пономарей по два же человека; а в прочих соборах, которые не при архиерейских обретаются домах, быть в каждом протопопу одному, попам двум, диаконам двум, дьячкам двум, пономарям двум; а кроме соборов, при которых великоприходных церквях обретаются по два попа, при тех быть по два же дьячка и по два пономаря, понеже та церковь, по удвоению попов, будет числиться уже двуприходная, которая и причетников требует вдвое. А где, за величию прихода, двум священникам исправиться не возможно тамо и трем человекам быть, токмо с таким определением, дабы больше трех сот дворов и в великом приходе не было, но числилось бы в таком приходе, где один священник сто дворов, или сто пятьдесят, а где два тамо – двести, или двести пятьдесят, а при трех сот дворов и при таких попах больше двух диаконов не было бы. А причетников быть по пропорции попов, то есть при каждом попе один дьячок и один пономарь; а которые ныне где сверх этого определения излишние священнослужители суть, там искать свободных мест где настоящих по сему определению священнослужителей не обретаются или впредь не будет, и неприменуемая нужда таких требует, и на те места определять архиереям по рассмотрению оных, которые за оных сверх указанного числа излишеством

прежних своих мест отрешиться будут принуждены; а доколе те от прежних своих мест отрешенные священнослужители к новым местам по потребе определены будут, по то время в посвящении новых ставленников коемуждо архиерею иметь такую опасность, чтобы лишиих не было; а у которых церквей действительно служащие попы и причетники обретаются, и перед оным определением будут лишние, а мест себе праздных нигде получить вскоре не возмогут, и таковых, до приискания праздных мест, от тех церквей, при которых обретаются, не отрешать и детей их в подушный оклад не класть, но содержать по оному определению число священнослужителей с того времени как излишние извержением чина, или переселением места, или скончанием живота умалятся. А понеже о помянутых церковных чинах рассмотрение и распорядок в Сенат от Святейшего Синода требуется, того ради и о прочих церковных служителях, то есть о иподиаконах, певчих, и подьяках и сторожах, о которых доньше особого определения не было, предлагается следующее расположение, а именно: в синодальном доме быть, колико ныне числится, иподиаконов четыре, певчих десять, подьяков тридцать, в архиерейских домах иподьяконов по три, певчих по десяти, канархистов, подьяконов, лампадчиков, посошников, кафедрщиков, орлещиков по десяти, сторожей по восьми человек, а и других соборах, которые не при архиерейских домах сторожей по два человека, и тех всех, по вышеозначенному расположению церковных служителей и их детей, при переписи в оклад не класть, а о излишних причетниках и о прочих церковнических детях чинить, как Его Императорского Величества указы повелевают. А у которых архиереев явятся сверх вышеописанного определения излишние певчие и подьяки и тем, ежели в церковном притче быть пожелают, определение чинить в дьячки и пономари с оного примеру как выше сего об излишних священнослужителях изображено; а ежели они такого определения в причетники не пожелают, или и пожелают, но свободных им мест по потребе их вскоре не сыщется, и таким дать свободу, чтобы они других чинов, или при ком хотят, службы себе искали по своей воле; а определенным к

свидетельству душ и к расположению полков персонам тех излишних певчих и подъяков и их детей, которые под платежом подушного окладу останутся, к архиерейским домам не приписывать, но особливо их с прочими писать где кто определится, дабы платеж за них взыскивался на самих их, а не на архиерейских домах. П. С. П. и Р. т. II, № 745.

²²² - Для уяснения сего ответного пункта, полезно провести вопросный: „по делам, которые архимандриты, и игумены, и игуменьи, и монахи, и монахини, и священники, и церковники обвинены будут кому в исках каких, а платить им оных исков и пошлir нечем, и о таких что чинить? Понеже в именном Его Величества указе прошлого 718 г. объявлено, велено таких, которым платить долгов государевых и исков писцовых нечем, отсылать в галерную работу, а жен в прядильный двор в С.-Петербург”.

²²³ - В пояснении сего пункта полезно заметить, что дикастерия вопрошала Св. Синод: „которая жена, оставя мужа своего и будет в бегах в предъявленные в правилах пяти лет без вести, и оный оставшийся муж, по оных лет, не бив челом о побеге жены своей и без появления женится на другой жене, а потом жена его явятся из бегов и будет бить челом, чтобы с оным мужем жить в супружестве, о таких что творить? Посему пункту том же разуместь о муже, который оставит жену свою, а она оставшая жена учинит таким же подобием, как предъявлено выше”.

²²⁴ - Ответ на следующие вопросные пункты: 14-й. Жена же, которая оставит мужа своего и выйдет замуж за другого, утая мужа своего первого, назвав себя вдовой, а потом оный муж вторья уведав, что у неё муж первый жив, отлучит ее от себя, а первый же муж не похощет же ее к себе взять в сожитие, и о том от них мужей предъявлено будет письменно, и таких о мужьях и женах что чинить? II. 15. Жена же, которая оставя мужа своего, выйдет замуж за другого, и оный первый муж о том её замужестве предъявить челобитьем письменно, что она жена ему не потребна по-прежнему в супружество, а второй муж похощет жить с ней, к такой жене со вторым мужем жить ли?

²²⁵ - П. С. П. и Р. т. III. № 1044.

- 226 - П. С. П. и Р. т. V. №№ 1848, 1500. Опис. докум. и дел, т. VII, № 83.
- 227 - Опис. докум. и дел, т. I, № 586.
- 228 - П. С. П. и Р. т. V. № 1730.
- 229 - П. С. П. и Р. т. VI. № 1990.
- 230 - П. С. П. и Р. т. VI. № 2035.
- 231 - П. С. П. и Р. т. IV. № 1265.
- 232 - П. С. П. и Р. т. V. № 1878.
- 233 - П. С. П. и Р. т. VI. № 2393.
- 234 - П. С. П. и Р. т. VI. № 240 и 42638.
- 235 - Опис. докум. и дел, т. III, № 536.
- 236 - П. С. П. и Р. т. VI. № 112.
- 237 - П. С. П. и Р. т. II, № 152, где поименованы чины, составлявшие присутствие и канцелярию дикастерии.
- 238 - Опис. докум. и дел, т. VII, № 152.
- 239 - П. С. П. и Р. т. II, № 508, п.2.
- 240 - П. С. П. и Р. т. III, № 1155.
- 241 - П. С. П. и Р. т. II, № 1123.
- 242 - П. С. П. и Р. т. V, № 1570.
- 243 - А. И., т. I, № 155.
- 244 - П. С. З. т. I, № 412.
- 245 - Чтения в Общ. Истор. и Древ. Росс. 1847 г. т. IV стр. 15 – 16.
- 246 - Для примера см. А. Э., т. IV, №№208, 209 Д. А. И. т. VII № 63, т. X, № 27, где можно найти указание на существование духовного приказа в виде отделения при разряде.
- 247 - П. С. З., т. IV, № 1818.
- 248 - Опис. докум. и дел, т. I № 416, стр. 523.
- 249 - Опис. докум. и дел, т. I, № 118.
- 250 - Там же № 230.
- 251 - П. С. П. и Р. т. I, № 20.
- 252 - Опис. докум. и дел, т. I, № 115, стр. 84.
- 253 - П. С. П. и Р. т. II, № 693.

- 254 - П. С. П. и Р. т. I, № 9.
255 - Опис. докум. и дел, т. I, № 118.
256 - Опис. докум. и дел, т. II, № 92, стр. 122.
257 - П. С. З., т. IV, № 2451.
258 - Опис. докум. и дел Св. Синода, т. I, стр. 522–566, 569.
259 - П. С. З., т. V, № 3183.
260 - Опис. докум. и дел, т. I, № 505.
261 - П. С. П. и Р. т. II, № 693, ср. П. С. Р. т. VI, № 4081.
262 - П. С. П. и Р. т. I, № 239.
263 - П. С. П. и Р. т. I, № 307.
264 - Опис. докум. и дел, т. I, № 446.
265 - П. С. П. и Р. т. II, № 901, стр. 612.
266 - Опис. докум. и дел, т. III, № 150.
267 - Опис. докум. и дел, т. I, № 586.
268 - П. С. П. Р. т. 1 и 2 п. 8.
269 - П. С. П. и Р. т. I, № 144.
270 - Опис. докум. и дел, т. I, № 364.
271 - П. С. П. и Р. т. II, № 901, стр. 611.
272 - Опис. докум. и дел, т. I, № 364.
273 - Опис. докум. и дел, т. II, ч. 1, стр. 943.
274 - см. Опис. докум. и дел, т. II, ч. 1, № 923.
275 - П. С. П. и Р. т. II, № 866, т. III, №№ 1020, 1081.
276 - П. С. П. и Р. т. III, № 1042, т. II, № 1810.
277 - П. С. П. и Р. т. IV, № 1223.
278 - П. С. П. и Р. т. IV, № № 1265, 1399.
279 - П. С. П. и Р. т. IV, № 1358.
280 - Опис. докум. и дел, т. II, ч. 1, стр. 944–945.
281 - П. С. П. и Р. т. V. №№ 1473, 1607, 1608.
282 - Там., № 1661 п. 6 и 7. ср. П. С. П. и Р. т. IV. № 1187. п.

5.

- 283 - П. С. П. и Р. т. V № 1507.
284 - П. С. П. и Р. т. V № 1730.
285 - П. С. П. и Р. т. V № 1730.

- 286 - Опис. докум. и дел, т. VI. № 229.
- 287 - П. С. П. и Р. т. V № 1951.
- 288 - П. С. П. и Р. т. I № 22.
- 289 - Там. № 34.
- 290 - Там. № 56.
- 291 - П. С. П. и Р. т. I № 151.
- 292 - П. С. П. и Р. т. I № 279. Опис. докум. и дел, т. I. № 552.
- 293 - П. С. П. и Р. т. II № 526.
- 294 - П. С. П. и Р. т. I № № 151, 348.
- 295 - П. С. П. и Р. т. I № 348. п. 34 и 35.
- 296 - Опис. докум. и дел, т. II., ч. I, № 93.
- 297 - Дел. Арх. Св. Синода, 1722 г., № 77, п. 101.
- 298 - П. С. П. и Р. т. II № 901. См. тож. дел. № 180.
- 299 - Опис. докум. и дел, т. III., № 80.
- 300 - П. С. П. и Р. т. IV № 1264.
- 301 - П. С. П. и Р. т. I № 3.
- 302 - См. для примера П. С. П. и Р. т. III, №№ 1073, 1138.
- 303 - Речь об этом была выше в своем месте.
- 304 - П. С. П. и Р. т. V, №№ 1907 и 1937.
- 305 - Более подробные сведения об инквизиторском институте и параллельном оному – институте светских фискалов содержатся в рассуждении «О светских фискалах и духовных инквизиторах», помещенному в «Журн. Мин. Нар. Просв.», Февраль 1878 г.
- 306 - П. С. П. и Р. т. II, № 534, стр. 178.
- 307 - Опис. докум. и дел, т. II, ч. I., № 480, стр. 649.
- 308 - В то время, когда Зарудный состоял в ведомстве Духовного приказа, контора изуграфств занимала помещение бывшего приказа церковных дел, который находился близ церкви Василия Блаженного на рве. (П. С. З., т. IV., № 2451).
- 309 - Чит. об этом Опис. докум. и дел, т. II, ч. I., прилож. № XLII,
- 310 - П. С. П. и Р. т. II, № 534.
- 311 - П. С. П. и Р., т. II, № 885.

³¹² - Опис. докум. и дел, т. II, ч. I, № 480, стр. 647 – 648. П. С. П. и Р., т. II, № 901, стр. 614. Дел. Арх. Св. Синода, 1722 г., № 77, л. 131.

³¹³ - См. Опис. докум. и дел, т. II, ч. I, № 480, стр. 6479 – 650.

³¹⁴ - Подроб. см. П. С. П. и Р. т. II, №№ 534, 625, 777, 885. Опис. докум. и дел, т. II, ч. I., и прилож. XLII.

³¹⁵ - Опис. докум. и дел. т. II, ч. II, № 1177, т. IV, №№ 188 и 498. П. С. П. т. IV, № 1489. Зарудный принимал участие в устройстве ковчега и балдахина для раки с мощами св. благ. князя Александра Невского. (Опис. докум. и дел. т. III, № 331). Он же, как хороший архитектор, строил и исправлял в Москве ко дню приезда Петра В. триумфальные ворота, наблюдая за всеми частями при этом сооружении (П. С. П. и Р. т. II, №№ 774 и 930). Зарудным же устроено в Москве, в синодальной крестовой палате, царское место, и вообще на него возлагаюсь много и даже мелких поручений (П. С. П. и Р. т. II. №№ 348, 808. Опис. докум. и дел. т. II, ч. I, № 306, 571. ч. II, № 946 и др.)

³¹⁶ - Опис. докум. и дел. т. II, ч. II, № 1177.

³¹⁷ - Опис. докум. и дел. т. II, ч. I, стр. 659 – 660.

³¹⁸ - П. С. П. и Р. т. II, № 885. т. III, № 1127.

³¹⁹ - П. С. П. и Р. т. I, № 33, т. II, № 454, т. IV, № 1398. Опис. т. 1, № 180. т. IV, № 149 и др.

³²⁰ - Для примера см. П. С. З. т. XV, № 10935 и 10977. В 1759 г. Св. Синод предписывал по своему ведомству через особливо определенных духовных персон, знающих в иконном художестве, осмотреть иконы во всех церквях и монастырях и отобрать из них худо написанные. Со своей стороны, и Сенат, по предложению Синода, озаботился распорядиться, чтобы по городам, для наблюдения за искусным писанием икон были выбраны лучшие мастера, которые накрепко надсматривали бы над художниками, при этом предоставлялось в каждом месте первому из духовных лицу свидетельствовать об искусстве мастеров. Вскоре за этим последовало общее распоряжение, запрещавшее продажу икон без синодального одобрения; наблюдение же за правильностью обращавшихся в

употребления икон возложено на епархиальных архиереев и духовных управителей. (П. С. З. т. XV, № 11180, т. XVIII № 12028.)

321 - Устрялов, Истор. Петра Вел., т. IV, прим. 4, стр. 36.

322 - П. С. З. т. VI, № 1829.

323 - П. С. З. т. IV, № 1839.

324 - О монастырском приказе и его деятельности в период между патриаршества см. М. И. Земе. Монастырский приказ 1701 – 1720 г. т. IV, стр. 121– 246.

325 - П. С. З. т. V, №№ 3255, 3258, 3277.

326 - П. С. П. и Р. т. I, № 129. Опис. докум. и дел. т. I, № 338.

327 - П. С. П. и Р. т. I, №№ 2 и 5.

328 - П. С. П. и Р. т. I, №№ 79, 80.

329 - П. С. П. и Р. т. I, № 88.

330 - П. С. П. и Р. т. I, № 129, 208.

331 - П. С. П. и Р. т. I, № 133. Опис. докум. и дел. т. I, № 250.

332 - П. С. П. и Р. т. I, № 57.

333 - См. Монастырский приказ. стр. 251, 255, 257.

334 - П. С. П. и Р. т. I, № 174.

335 - Опис. докум. и дел. т. I, № 270, т. II, ч. 2, № 800.

336 - Опис. докум. и дел. т. II, ч. 2, № 1251.

337 - Опис. докум. и дел. т. II, ч. 2, № 1152. П. С. П. и Р. т. VI, № 2207.

338 - П. С. П. и Р. т. I, №№ 10, 217.

339 - П. С. П. и Р. т. II, № 379.

340 - П. С. П. и Р. т. II, № 603. ср. П. С. З. т. VI, № 4081.

341 - П. С. П. и Р. т. II, № 789.

342 - П. С. П. и Р. т. II, № 901, стр. 608.

343 - О деятельности этих лиц и испытываемых ими затруднениях см. Монастырский приказ. стр. 266 – 278, 279.

344 - П. С. З. т. III, № 987.

345 - Опис. докум. и дел. т. II, ч. 2, стр. 499.

346 - Дела архива Св. Синода, 1723 г., №23.

347 - Вопрос о штате монастырского приказа возник одновременно с проектированием штатов для прочих учреждений. Проект штата был представлен Синоду из приказа при доношении от 15 октября 1722 г. Этот проект личный состав приказа предполагал образовать: из президента, вице-президента, прокурора, четырех советников, четырех ассессоров, обер-секретаря, четырех секретарей и множество других должностных лиц см. (П. С. П. и Р. т. II, № 901 стр. 608 – 609). Синод изменил этот проект, назначив быть – президенту, вице-президенту, прокурору, двум советником, двум ассессорам, обер-секретарю, четверем секретарям, фискалу, протоколисту, актуариусу, регистратору, десяти канцеляристам, двадцати подканцеляристам, шести копиистам и четверем сторожам, руководствуясь при этом штатом юстиц-коллегии. См. дело Св. Синода 1722 г. № 77, которое, к сожалению, не вошло в описание документов, но представляет много ценных указаний для понимания организации и круга деятельности синодальных учреждений прежнего времени.

348 - П. С. П. и Р. т. III, № 1027.

349 - П. С. П. п Р. т. III, №№ 1024, 1038, 1039 и др.

350 - П. С. П. п Р. т. IV, № 1187 ср. П. С. 3. т. VII, № 4567.

351 - П. С. П. п Р. т. IV, № 1374.

352 - П. С. П. п С. т. IV, № 1379, п.4.

353 - П. С. П. п Р. т. IV, № 1438.

354 - Опис. докум. и дел. т. IV, № 138.

355 - Опис. докум. и дел. т. III, № 186.

356 - П. С. П. п Р. т. V, № 1674, п.5.

357 - П. С. П. п Р. т. V, №№ 1520, 1524, 1717.

358 - П. С. П. п Р. т. V, № 1570.

359 - Там же № 1653.

360 - Опис. докум. и дел. т. VIII, № 581.

361 - Опис. докум. и дел. т. VIII, № 549.

362 - П. С. П. п Р. т. V, № 1819.

363 - П. С. П. п Р. т. V, № 1848.

364 - Дело арх. Св. Синода. 1726 г. № 10. ср. М. П. Горчаков, Земельные владения, стр. 516 – 517.

365 - П. С. П. п Р. т. VII, № 2169.

366 - Там же № 2252.

367 - Там же № 2263.

368 - П. С. П. п Р. т. VII, № 1864, т. VII, № 2337.

369 - П. С. П. п Р. т. VI, № 2207.

370 - П. С. З. т. X, № 7896.

371 - П. С. П. п Р. т. V, № 1830.

372 - П. С. П. п Р. т. V, №№ 1934 и 1958.

373 - П. С. П. п Р. т. IV, № 1895.

374 - П. С. П. п Р. т. V, № 1889.

375 - Опис. докум. и дел. т. VI, № 136.

376 - П. С. П. п Р. т. VII, № 2617. П. С. З. т. VIII. № 6273.

377 - Этот указ Синоду гласил: „понеже ведомо нам учинилось что в монастырском приказе который в ведении синодском, великая сумма в положенные места не дослана, от которой недосылки полевой армии бедным солдатам в даче жалованья учинилась остановка и не получают уже близко года, а иные и по году, того для, пока та недосланная сумма в определенные места от вас не выплатится, по то время денежного жалованья, как себе, так и прочим воинам подготавливать и по монастырям, чернецам (также и на строения) давать запрещается, кроме Синода и прочих нужных, необходимых потреб, что к пропитанию подлежит. П. С. П. п Р. т. IV, № 948.

378 - П. С. П. п Р. т. VII, № 2621.

379 - Там же № 2619.

380 - П. С. П. п Р. т. VII, № 2623.

381 - П. С. П. п Р. т. VII, № 2624.

382 - Соловьев, История России. т. XX, стр. 180.

383 - П. С. П. и Р. т. VII № 2617.

384 - П. С. З. т. X., № 7558.

385 - П. С. З. т. X., № 7679.

³⁸⁶ - П. С. З. т. XI, № 8406. Характерность донесения графа Мусина-Пушкина располагает привести его подлинником. Мусин-Пушкин Ее Императорскому Величеству в Кабинет доносил: „В прошлом 1739 году ноября 9 дня Ее Императорское Величество именным своим указом всемилостивейше повелеть изволила: коллегии экономии быть в моем ведомстве. И прошлого же 1739 года в декабре месяце из оной коллегии и по запросам моим показано доимка на архиерейских домах и монастырях за определенные вотчины и надлежащих платежей в коллегию экономии со ста тысяч рублей кроме подушного сбора, о чем именная ведомость в Кабинет Ее Императорского Величества Генваря 4 дня сего 740 года от меня подана. А в коллегию экономии о взыскании оной доимки по силе Ее Императорского Величества указов накрепко подтверждено и непрестанно подтверждается, а которая должна подлежать рассмотрению она рассматривается. И сего февраля 19 дня из коллегии экономии в представлении ко мне написано, что по указу доимку велено взыскивать на самих властях и на их приказных и управителях. И ныне, многие приказные и управители в докладах в коллегию экономии содержатся под караулом, токмо власти на то не смотрят, и доимки не платят. Да в ведомостях же из коллегии экономии показано, что некоторые духовные власти, надлежащие доходы в коллегию экономии собрав с крестьян, издержали на свои собственные расходы, о чем и в указе 738 году марта 25 дня напечатано. Из оных властей некоторые уже померли, другие показывают, что будто издержали на строение монастырей, чего им в противность указов и чинить не надлежало. Да и Св. Синод по докладу коллегии экономии издержанные без указу на строение монастырей деньги велел взыскивать с властей тех монастырей, не смотря ни на какие их оговорки. Так и другие чинят многие оговорки, на которых утверждаться невозможно. Многие же власти из тех мест переведены в другие места, а иные уже и померли, а с новых изыскивать невозможно, понежс не в бытность их доимка запущена. И хотя о взыскании доимок всякое старание имею и рассматриваю и уже и прошедшем генваре месяце на разные годы близко десяти тысяч рублей из

доимок и выбрано, однако же ненадежно за вышепоказанными причинами доимку всю взыскать. Но опасно чтобы и повсегодно доимок не прибавлялось, от чего и вотчин подлежащие доходы в коллегия экономии не пришли к разорению. А когда все архиерейские и монастырские вотчины были в ведомстве в монастырском приказе, тогда как архиерейские дома, так и монастыри были во всяком довольствии, да сверх того из оных же доходов содержано было как в Москве, так и в других местах не малое число бедных людей в богадельнях, да в Москве госпиталь, в котором было по несколько сот, и до тысячи человек больных. И за всем тем с 701 по 711 год осталось в казне, более миллиона рублей, а доимок никаких не было и сверх положенного окладу на крестьян ничего не прибавлено, и вышеиписанный доход был, кроме Новгородской, Псковской, Сибирской, Казанской, Астраханской и Киевской и прочих малороссийских епархий и Троицко-Сергиеева и Новодевичьего монастыря и вотчин, которые даны были бывшему князю Меншикову, понеже вышеиписанные епархии, монастыри и вотчины в монастырском приказе были не ведомы. И с 711 году сочинен как архиерейским домам, так и монастырям оклад (кроме вышепомянутых епархий и монастырей», почему им получать на свое пропитание, столько им и вотчин в их владение определено, а остальные оставались в ведомстве монастырского приказа как доходами, так судом и расправой, и тогда доимки никакой не было же. А в 721 году блаженные и вечнодостойные памяти Императору Петру Великому представлено было от Святейшего Синода, что как служителям, так и крестьянам для лучшего охранения, и по оные разорения, быть в ведомстве Святейшего Синода, о чем яснее показано в оном предложении. И в резолюции Его Императорского Величества между прочим написано подати государственные надлежит отсылать туда, куда со всех крестьян собираются, да в указе же 1726 года июля 12 дня между прочим написано: 1) в управлении вотчин; 2) в сборах с них доходов; 3) всякие по делам расправы от этого и в управлении духовных дел учинилось помешательство, что усмотря Его Величество высокославные памяти Государь Император соизволить

воспринять было намерение, чтобы то духовное собрание паки оставить точию при одном правлении духовных и именным указом повелено быть двум апартаментам, в 1-ом духовным персонам ведать духовные дела, во 2-м быть суду и расправе, также смотрение сборов и экономии в котором определены светские судьи и нелепо доносить о светских делах высокому Сенату о чем яснее изображено и вышеупомянутом указе. И в прошлом 1738 г. апреля 13 дня именным Ее Величества указом коллегии экономии повелено быть под ведением Правительствующего Сената. И я видя ныне великую доимку и в платеже духовных персон оговорки, а в указе 738 году марта 23 дня между прочим о доимке напечатано в епархиях архиереи без указов употребили в домовые свои расходы, имея другие собственные свои доходы с двадцать три тысячи рублей, а о достаточных о сорока девяти тысячах двухстах двадцати рублях девяносто одной копейки на что издержаны, и сам Синод через столь много лет неизвестен. И такими непорядочными поступками такие доимки всегда умножаются, а государственные доходы умалются, чего и ныне опасно, что от правления духовных властей заопределенными вотчинами не учинилось бы чего мне к несмотрению приписано не было: того ради Ее Императорского Величества Кабинету покорное мое мнение прилагаю не соизволено ли будет как архиерейским, так и монастырским заопределенным вотчинам и надлежащим доходам до коллегии экономии быть сборами, и судом, и расправой, и всеми делами ведомым в коллегии экономии, как были ведомы в монастырском приказе, а духовным властям в оное правление и в сборы не вступать ибо и вышпоказанными указами в светское правление от духовной власти отрешено, а иметь им правление тех токмо вотчин, которые им определены на их содержание. Понеже заопределенные вотчины и доходы коллегии экономии на их употребление не отданы и к их правлению по указам не подлежат. А ежели заопределенные вотчины и доходы коллежские будут в ведомстве коллегии экономии, как выше показано, то надежно быть следующей пользе: 1) что доимки такой великой уже быть опасности не может, как ныне имеется, понеже коллежские члены о том будут

иметь лучшее попечение ибо чего не доберут и в доимку не смотреть запретить, то где бы из них кто не был, с того доправлено будет. 2) Духовные власти будут свободны и без всякие суеты, ибо как в доимках, так и по крестьянским челобитным, которые в взятке и прочих обидах на властей бьют челом, им никакого беспокойства чинено уже не будет. А ныне некоторые власти бьют челом, что взыскатели доимок поступают с ними невежливо, и тем им чинят обиду. А когда оказанные вотчины и доходы с них в ведомстве не будут, то все вышеописанные обиды и им чинить не будут. И Ее Императорского Величества Кабинету сие мое покорное мнение в высокое рассуждение нижайше представляю и покорно прошу резолюции. Граф Платон Мусин-Пушкин, Марта 6 дня 1740 года. На сем отношении подписана резолюция: «учинить по сему представлению» Анна. Апреля 25 дня 1710 года. (Дело Архива Св. Синода. 1740 г. Мая 2 дня, № 2).

³⁸⁷ - П. С. З. т. X, № 7526, т. XI № 8029.

³⁸⁸ - П. С. З. т. XI № 8076.

³⁸⁹ - П. С. З. т. XI № 8406.

³⁹⁰ - Обращаясь к Высочайшей Власти, Св. Синод 3-го сентября 1742 г. во всеподданейшем докладе, раскрывал, что в ведении Синода нет никаких средств ни на построение церквей, ни на поддержку архиерейских домов и монастырей, ни на заведение и поддержание училищ, и что с подчинением коллегии экономии Правительствующему Сенату все нужды по ведомству Синода мало удовлетворяются и самое содержание служащим выдастся несвоевременно. Поэтому Синод просил собираемые в коллегии экономии доходы отдать в архиерейские дома и монастыри на починку в них церквей и других обветшавших зданий, также на построение семинарий и на содержание в них учителей и учащихся. Всю сумму собиравшихся доходов Синод исчислял около пятидесяти тысяч; из них близ семи тысяч расходовалось на жалование присутствующим и служащим в коллегии. Вместо разрешения настоящего доклада государыня повелела Синоду представить мнение о том: откуда и какая именно сумма до этого времени получалась Синодом на удовлетворение показанных расходов.

На это Синод докладом от 15 ноября 1742 г. отвечал, что он «одолжается из коллежских доходов», но затем, по „довольном рассуждении“ докладом от 22 июня 1744 г. объяснил, что „и той суммы он принять на себя не может, ибо за отбиранием с 701 года и по ныне заопределенных из тех домов и монастырей в коллегию экономии доходов и за продолжительными от той коллегии на постройки и починки оных домов и монастырей дачами суммы, тем домам и монастырям вскорости исправляться и в первое свое состояние прийти отнюдь «невозможно». Поэтому Св. Синод „всеподданейше и всенижайше“ просит государыню „ради показанных нужд“ и „по всеусердной Ее Величества к Богу и церкви Его святой ревности, и для всероссийских радостей“ по случаю „наречения дражайшего Ее Величества племянника, Его Высочества Государя Великого Князя Петра Фёдоровича Ее Императорского Величества всероссийского престола высоким наследником и Богом дарованного и с шведской короной благополучного мира и для многолетнего Ее Императорского Величества и Его Императорского Высочества здоровья и благополучного государствования высокомонаршую подать милость: всю церковную сумму отпустить и оставить со всем имением её что при которой епархии или монастыре было, без всякого отбирания свободну, и оной церковной суммы ни в какое правление не взыскивать, а быть бы оному имению церковному каждому во своем месте, епаршескому при своей епархии, а монастырскому при каждом своем монастыре и при каждой церкви, где чему быть издревле определено и утверждено“. Ходатайствуя о представлении в распоряжение духовных властей доходов с церковных имений, Синод присовокуплял „и тех вотчин синодальных, архиерейских и монастырских крестьянам, у Синода, архиереев и монастырских властей быть для устройства и лучшей экономии и распорядка в полном и беспрекословном послушании. Если все так определялось, то когда по доброму экономии распорядку и учреждению, где из архиерейских в котором доме, и в монастырях, за расход окажется довольная денег и хлеба сумма она имеет быть употребляема в расходы по высочайшему соизволению, и

утраты и сих доходах при неослабном наблюдении духовных властей не будет. (Книги всепод. доклада. 1742 и 1744 г. в арх. Св. Синода. Ср. Записки князя Шаховского, стр. 51 – 52).

³⁹¹ - См. в архиве Св. Синода 14-го Июля 1744 г. дело канц. обер-прокурора № 49.

³⁹² - П. С. З. т. XII, №№ 8993, 8988.

³⁹³ - Они были: статский советник – Иван Тимирязев, полковник – Даниил Овцын, майор – Иван Юсупов, ассессор – Иван Топильский, ассессор – Артемии Козьмин. (Дело арх. Св. Синод. 28 октября 1745 г., № 3 – 399. п. 15. ср. П. С. З. кн. Штат. Отд. IV, № 7967).

³⁹⁴ - Дело арх. Св. Синода 1745 г. февр. 5 д. № 2 – 44.

³⁹⁵ - Опис. докум. и дел. т. 1, № 240, стр. 290.

³⁹⁶ - П. С. П. п Р. т. I, № 42.

³⁹⁷ - П. С. П. п Р. т. I, № 81.

³⁹⁸ - П. С. П. п Р. т. II, № 366. Опис. докум. и дел. т. II, ч. 1, № 43.

³⁹⁹ - Доклад этот настолько важен для уяснения деятельности и исторической судьбы рассматриваемого учреждения, что заслуживает того, чтобы ознакомиться с ним. Филагрий в доношении от 5 марта 1722 г. писал: „в прошлом 721 году, апреля в 21 день, по именному, Императорского Величества указу и по приговору Святейшего Правительствующего Синода и по состоявшимся печатным пунктом велено за определением в губернии с оставших вотчин денежные и другие всякие сборы собирать в те же места, где оные ведомы были, а именно в монастырский, в дворцовый, в казенный приказы, и без указа Святейшего Правительствующего Синода той казны ни на какие расходы не употреблять. И в синодальном казенном приказе по оным пунктам области Святейшего Правительствующего Синода с городов, которые были, и по губерниям по окладным книгам с церквей данные и пустовых церковных земель оброчные и казенные пошлины, также с венечных помятей неокладные пошлинные и на содержание лазаретов и с поповых и причетниковых дворов полоняничные деньги собирают старосты поповские, за

выборами тех десяти^н попов с причетники, а над ними в тех сборах в городах надсматривают архимандриты и игумены, а платятся те деньги в оном казенном приказе управлением духовных персон. Да в том же казенном приказе ведомы ставленники и вдовы попы епитрахильными, а дьяконы – постихарными и переходжими от церкви к церкви памятьми, и о строении вместо ветхих и погорелых церквей благословенными и освященными грамотами, и платежом пошлинных денег против прочих архиерейских домов, так как и во всех архиерейских домах те сборы в ведомстве содержатся в казенных приказах, понеже в казенных приказах с мирских персон никаких денежных сборов не сбирается. И в прошлых годах в бытность святейших патриархов и между патриаршества по 720 год казенный приказ как приходом, так и расходом управлением содержался синодального дома казначеем и ризничим, а мирскими персонами те сборы никогда в ведении не бывали, дабы в том духовным особам какого препятствования не учинилось; но долженствуется как о приходах, так и о расходах всякое повеление иметь от Святейшего Правительствующего Синода, а не от монастырского приказа, понеже от монастырского приказа в расходах, а именно: в соборную успенскую церковь, и в синодальный дом, в церковь двенадцати апостол, и подмосковные села в покупке воска и ладана и на прочие церковные требы, и синодального дома ризничему, и прочим монахам, и певчим, и дворянам, и разных чинов сослужителям в даче окладного жалованья и на другие нужные мелочные покупки весьма чинится остановка, понеже и в покупке воска и ладана, и в прочих покупках в неудобные времена будет не малая передача И дабы Святейшего Правительствующего Синода высоким приказанием оному приказу повелели быть под ведением оного Правительствующего Синода, или кому Святейший Правительствующий Синод ведать повелит другому архиерею, и Святейший Правительствующий Синод Его Императорского Величества указом что укажет?» К настоящему докладу была приложена выпись из дел казенного приказа, из каковой выписи видно, что „в бытность святейших патриархов и между

патриаршества по указам, при ведении тайного советника графа-Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина и при боярине князе Петре Ивановиче Прозоровском, казенный приказ всякими делами и приказным правлением ведали и отправляли патриарша дому казначеи, а именно: Паисий Сийский, Тихон Макарьевский, Иосиф Бурцев, Антоний Яковлев, да с ними в товарищах был Алексей Владыкин, которому именным Его Императорского Величества указом повелено быть патриаршим дворецким; и в прошлом 719 году оный казначей Антоний по указу взят в С.-Петербург в Невский монастырь. А по отъезде его, по приказу боярина князя Петра Ивановича Прозоровского, в оком казенном приказе казну и дела велено ведать ризничему иеромонаху Филагрию вместе с дворецким Владыкиным. А в 720 году февраля 9 дня, по присланному Его Императорского Величества указу из штатс-канцелярии коллегии, за подписанием графа Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина, велено в казенном приказе благословенные и освященные грамоты, и перехожие, и патрахильные памяти подписывать и всяким отправлением по указам ведать оному ризничему Филагрию, а Алексею Владыкину тех дел ведать не велено. И по тому Его Императорского Величества указу те дела ж доньше отправлял он ризничей". (П. С. П. и Р т. II, № 472).

⁴⁰⁰ - П. С. П. и Р т. II, № 472. Опис. докум. и дел. т. II, ч. 1, № 315.

⁴⁰¹ - П. С. П. и Р т. II, № 656. Опис. докум. и дел. т. II, ч. 1, № 678.

⁴⁰² - П. С. П. и Р т. II, № 508, п.2. т. III, № 1017, т. IV, № 1391.

⁴⁰³ - П. С. Р. т. IX, № 6718.

⁴⁰⁴ - См. Дело архив. Св. Синод. 1735 г. января 5 дня № 40 – 48, л. 8 – 16, 19, 81.

⁴⁰⁵ - См. в том же деле л. 90.

⁴⁰⁶ - Дело арх. Св. Синода 28 октября 1745 г. № 3–340 л. 15.

⁴⁰⁷ - П. С. П. и Р. т. II, № 698.

⁴⁰⁸ - П. С. П. и Р. т. IV, № 1265.

⁴⁰⁹ - П. С. П. и Р. т. III, №№ 1015, 1075.

⁴¹⁰ - В представленной Синоду, в начале 1722 г., именной ведомости о приказных людях в подведомых Синоду учреждениях, в казенном приказе показано 18 человек, в том числе шесть старых, двое средних и десять молодых подьячих. (Опис. докум. и дел. т. II, ч. I, стр. 121 – 122. Ср. Дел. арх. Св. Синод. 1722 г., № 77, л. 34.)

⁴¹¹ - П. С. П. и Р., т. IV, № 1391.

⁴¹² - П. С. П. и Р., т. V, № 1526, т. VI, № 2224.

⁴¹³ - П. С. К. и Р. т. IV, № 1265.

⁴¹⁴ - Там. Опис. докум. и дел т. IV, № 462, т. VI, № 38, т. VIII, № 46. Близость Никифорова, как заведующего, к дворцовому приказу свидетельствуется следующим обстоятельством. Имея надобность по своим делам побывать в Петербурге, Никифоров просит об этом Синод, который уволив Никифорова, поручил дела по синодальному дворцовому приказу в его отсутствие отправлять секретарю Богдану Нормицкому. (Опис. докум. и дел т. VI, № 2601).

⁴¹⁵ - Для уяснения этого обстоятельства необходимо заметить, что в то время как Никифоров производил учет по приказу он состоял асессором камер-конторы, сменившей, как мы видели монастырский приказ. К этому времени камер-контора также прекратила свою деятельность, быв заменена коллегией экономии.

⁴¹⁶ - Опис. докум. и дел т. VII, № 160.

⁴¹⁷ - Опис. докум. и дел т. VIII, № 56.

⁴¹⁸ - Опис. докум. и дел т. VIII, №№ 56, 159.

⁴¹⁹ - Там же № 649.

⁴²⁰ - П. С. П. и Р., т. V, № 1626.

⁴²¹ - Дело арх. Св. Синода, 1745 г. октября 28, № 3 – 396.

⁴²² - П. С. П. и Р. т. II, № 901. стр. 610, т. V, № 1626, т. VI, № 2226 и 2244. В 1772 г. на лицо в приказе были: дворецкий – Алексей Владыкин, дьяк – Иван Степанов, Иван Черной, комиссар – Лука Владыкин, подьячих старых – 3, средних – 2, молодых – 4 с окладом и 9 без оклада. (Дел. арх. Св. Синод. 1722 г., № 77, л. 50. Опис. т. II, ч. 1., стр. 121).

⁴²³ - П. С. П. и Р., т. II, № 693.

⁴²⁴ - П. С. П. и Р., т. V, № 1715.

⁴²⁵ - П. С. П. и Р., т. VI, № 2224.

⁴²⁶ - П. Р. З. т. X, № 7679.

⁴²⁷ - П. Р. З., т. XI, № 8406.

⁴²⁸ - Дело арх. Св. Синод. 1740 г. октября 30 дня, № 4.

⁴²⁹ - Ходатайствуя всеподданнейшим докладом от 3 сентября 1742 г. о возвращении в свое ведомство коллегии экономии, Синод просил государыню, чтобы повелено было и синодальным казенному и дворцовому приказам с их канцелярскими и прочими служителями и со всеми синодальными вотчинами быть в полном ведомстве Синода по-прежнему. На этот раз доклад Синода не получил утверждения. Повторя, 22 июня 1744 г. свое ходатайство о возвращении в свое ведомство всех вотчин и доходов с них, Синод просил, чтобы и синодальным казенному и дворцовому приказам с доходами быть о собственном синодальном ведомстве. (См. книг. всепод. докл. в арх. Св. Синода 1742 и 1744 г.)

⁴³⁰ - Дело архива Св. Синода, 1744 г. 14 июля, № 49, по канцеляр. обер-прокур.

⁴³¹ - Дел. арх. Св. Синод. 28 октября, 1845 г. № ³/319.

⁴³² - Книга Протоков., 1744 г. ноября, 16 и 26.

⁴³³ - На должность казначея канцелярия представляла Николаевского Перервинского монастыря игумена – Виктора, Киево-Печорской лавры иеромонаха – Иоанна, Донского казначея иеромонаха – Феодосия, Трубчевского монастыря келаря иеромонаха – Полиевкта. Бывший за советника в канцелярии Протопопов по сему делу подавал Синоду особое мнение о том, чтобы в канцелярии оставались три секретаря, а в казначее нет никакой надобности, ибо над денежной казной смотрение надлежит иметь канцелярии с присутствующими. (Дел. арх. Св. Синод., 1745 г. октября 28 дня № ³/198.)

⁴³⁴ - Дело арх. Св. Синода 1745 г. октября 28 дня, № 3/399. В этом деле помещен экстракт, содержащий выписку из указов и определений Святейшего, которая изображает порядок

заведования церковными вотчинами до состояния Святейшего Синода со времени учреждения монастырского приказа.

⁴³⁵ - Дело арх. Св. Синода 1745 г. февраля 5 дня, 2 –44.

⁴³⁶ - См. опред. Св. Синода 28 ноября 1744 г.

⁴³⁷ - См. опред. Св. Синода 7 декабря 1744 г.

⁴³⁸ - Дело канц. обер-прокур. 17 мая 1745 г. № 60 в арх. Св. Синода.

⁴³⁹ - Дело арх. Св. Синода 20 декабря 1753 г. № 431. П. С.З. т. XIII, № 10108.

⁴⁴⁰ - Для прим. см. Соловьева, Истор. Рос. т. 24, стр. 99, 168, 348 и др.

⁴⁴¹ - Записки князя Шаховского, стр. 28.

⁴⁴² - П. С. З. т. XIV, № 10765.

⁴⁴³ - См. книгу Высоч. повел. за 1757 г., № 24 в Арх. Св. Синода.

⁴⁴⁴ - См. книгу штатов № 8118. П. С. З. т. 48.

⁴⁴⁵ - Книга всепод. доклад. 1758 г. № 1 в Арх. Св. Синод.

⁴⁴⁶ - Заимствуем настоящие сведения из «Истории России» Соловьева, т. 24, стр. 349 – 360. М. 1882 г.

⁴⁴⁷ - П. С. З. т. XV № 11441.

⁴⁴⁸ - Соловьев, «История России», т. 25 стр. 19 – 20. М. 1881 г.

⁴⁴⁹ - П. С. З. т. XV, № 11481. Относительно сбора с венечных памятней надо заметить, что он сосредоточивался в канцелярии экономической; но в 1753 г. (12 декабря по представлению Платона – митрополита Московского, Синод распорядился, чтобы данные деньги, а на помощь полковым попам гривенные и с венечных памятней пошлины, лазаретные деньги, а также оброчные с церковных земель и прочие окладные и неокладные доходы собирались в Московской духовной дикастерии и отсылались в канцелярию.

⁴⁵⁰ - П. С. З. т. XVI, № 11643.

⁴⁵¹ - Выс. указ, 16 августа 1762 г. см. книг. выс. указ. в арх. Св. Синод.

⁴⁵² - П. С. З. т. XVI, № 11716.

- 453 - П. С. З. т. XVI, № 11716, п. 12.
454 - П. С. З. т. XIV, № 11814.
455 - П. С. З. т. XVI, № 11844.
456 - См. опред. Св. Синод. 18 июля, 22 и 27 августа ,1763 г.
457 - П. С. З. т. XVI, № 11865.
458 - П. С. З. т. XVI, № 11844, п.7.
459 - П. С. З. т. XVI, № 11863.
460 - Там же №№ 11864, 11865.
461 - См. П. С. З. т. XIV, № 12687 и кн. штатов т. XLIII, стр. 36
– 40.
462 - П. С. З. т. XIX, № 18487.
463 - П. С. З. т. XIX, № 18390.
464 - П. С. З. т. XIX, № 18467. Кн. штатов, отд. III.
465 - Для прим. См. Кн. штатов, отд. III, стр. 58 и след.
466 - П. С. З. т. XVIII, №№ 12746, 12839, 13261. т. XIX, №№
13467, 13390 и др.
467 - П. С. З. т. XXII, №№ 16399 и 16672.
468 - П. С. З. т. XVI, № 11643.
469 - П. С. З. т. XVI, №№ 11643, 11716, 11844.